

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Баринов Виктор Владимирович
ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ В
ЗЕМЛЯХ МОРДОВИИ (1861–1917 гг.)

12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

кандидат юридических наук, доцент

Ю. М. Понихин

доктор юридических наук, доцент

С.В. Ворошилова

Саратов – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВОЛОСТНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ (1861–1917 гг.)	33
1.1. Организация и деятельность волостных судов по крестьянской реформе 1861 г.	33
1.2. Правовое положение волостного суда как органа крестьянского правосудия в условиях правовых преобразований 1889 г.	51
1.3. Модернизация системы волостных судов в начале XX в. до советского периода	68
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЛОСТНОЙ ЮСТИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ	88
2.1. Особенности организации и деятельности волостных судов (1861 – 1912 гг.)	88
2.2. Волостное судопроизводство в 1912–1917 гг.	132
ГЛАВА 3. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ВОЛОСТНЫМИ СУДАМИ ОБЫЧНОГО ПРАВА (ОПЫТ МОРДОВИИ)	158
3.1. Практика применения волостными судами юридических обычаев русского народа	158
3.2. Практика применения волостными судами юридических обычаев мордовского народа	173
3.3. Практика применения волостными судами юридических обычаев татарского народа	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	207

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В настоящее время продолжается поиск наиболее эффективных форм осуществления правосудия, при этом учреждение новых государственно-правовых институтов должно вписываться в правовую культуру народов Российской Федерации, отображая подлинные чаяния и ожидания граждан в справедливости. Создан единый Верховный Суд России как высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным делам и делам по разрешению экономических споров, начавший свою деятельность 8 августа 2014 г. Подчеркивается необходимость усиления роли районного суда как основного звена, «наиболее приближенного к населению, и потому способного обеспечить в разумные сроки максимальный доступ к правосудию при рассмотрении дел всех категорий»¹.

В условиях современной реформы гражданского права подлежат нормативному закреплению национальные обычаи², их роль усиливается, что актуализирует необходимость изучения традиций, обычно-правовых норм народов многонациональной России. Как указывается в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718³, важную роль в решении задач содействия укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений играют поддержка проектов, направленных на усиление взаимного уважения традиций и обычаев народов Российской Федерации, обеспечение преемственности их исторических традиций солидарности и взаимопомощи, формирование в обществе атмосферы уважения к историческому наследию и культурным ценностям, развитие культуры межнационального общения на основе толерантности, что ускорит развитие

¹Барщевский М. Судя по всему : Интервью с В. М. Лебедевым «Не гражданин, а чиновник должен доказать в суде свою правоту» // Рос. газ. 2013. № 6011. С. 1.

²См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2015) // СЗ РФ. 1997. № 2. ст. 5, 19, 221.

³См.: О Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» : Постановление Правительства Рос. Федерации от 20 авг. 2013 г. № 718 // СЗ РФ. 2013. № 35. С. 9749.

гражданского патриотизма, общероссийского гражданского самосознания и гражданской ответственности, уважения чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России⁴.

В 2014 г. исполнилось 150 лет судебной реформе 1864 г., существенно преобразовавшей принципы и процедуры судопроизводства, народного представительства. Суд стал гласным, открытым, устным, с состязательным процессом, при котором стороны получили равные права на представление и опровержение доказательств, учреждены институты присяжных, мировые суды. Реформа 1864 г. «внесла в судебный процесс ясность, сделав его беспристрастным и независимым от административной власти»⁵.

Вместе с тем первой по времени и наиболее значимой из реформ Александра II стала крестьянская, а последующие нововведения основывались на приемах, способах и формах ее реализации. Манифест «О Всемиловитейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г., провозгласивший отмену крепостного права, являлся определяющим для своего времени нормативно-правовым актом, существенно расширившим права и свободы самого многочисленного сословия Российской империи – крестьянства. Основные цели и задачи, изложенные в Манифесте, раскрывались в «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г., согласно нормам которого крестьяне впервые на государственном уровне получили статус «свободных сельских обывателей», то есть приобрели гражданские права и гарантии. Нормативному закреплению подлежал статус крестьянской общины и ее институтов (сельского и волостного сходов), разбиравших наиболее значимые вопросы местного управления. Судебным органом на местах становился волостной суд, призванный разрешать малозначительные споры и тяжбы крестьян между собой.

⁴О Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» : Постановление Правительства Рос. Федерации от 20 авг. 2013 г. № 718// СЗ РФ. 2013. № 35. С. 9755.

⁵Анфалов А. А., Худобородов А. Л. Влияние судебной реформы 1864 года на модернизацию российского общества второй половины XIX — начала XX веков // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Соц.-гуманитар. науки. 2013. № 1. С. 8–10.

Впервые в истории отечественных судов была осуществлена легитимизация применения в рамках волостной юстиции обычного права народов России, отражавшего их юридический быт. Несмотря на единообразие нормативно-правового регулирования, деятельность волостной юстиции в губерниях и уездах имела национально-региональную специфику, главным образом выраженную в практике применения обычного права. Множество споров, связанных с наследованием имущества, заключением брачного союза, семейными разделами, установлением опеки над малолетними детьми, разрешались с использованием народных обычаев, применявшихся внутри крестьянских семей⁶.

В настоящее время роль обычного права переосмысливается. Волостной суд являлся институтом сельского правосудия, успешно применявшим местные обычаи крестьян Российской империи. В современных условиях правосознание личности сохраняет немало народно-традиционных взглядов, зачатки которых произрастают из дореволюционного крестьянского менталитета, в отдельных же деревнях и поныне при разрешении тех или иных конфликтов сельчане обращаются к традициям.

Целью исследования является изучение организации и деятельности волостных судов в землях Мордовии.-

Достижению указанной цели способствовало решение следующих задач:

- определить значение крестьянской реформы 1861 г. в развитии местного судоустройства;
- охарактеризовать нормативно-правовое регулирование волостной юстиции в Российской империи, ее структуру, функции, компетенцию и роль в системе органов местного самоуправления и судебных органов;
- осветить организационно-правовые основы волостной юстиции на территории земель Мордовии;
- проанализировать решения волостных судов, располагавшихся в пределах исследуемой территории, по характеру разбиравшихся в них дел;

⁶См.: Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск, 2009. С. 526.

– исследовать практику применения волостными судами юридических обычаев русских, мордовских, татарских народов.

Объектом исследования является судебная система Российской империи, сложившаяся в результате крестьянской и судебной реформ XIX в., заложивших основу для становления и развития демократических институтов России.

Предметом исследования являются организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии в период с 1861 по 1917 г. Волостной суд рассматривался как низшее звено судебной системы Российской империи, применявшее юридический обычай в качестве источника права, юрисдикция которого была ограничена конкретной волостью.

Хронологические рамки диссертации охватывают период существования волостной юстиции с 1861 до 1917 г. Нижняя временная граница обусловлена изданием «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г., впервые учредившего волостной суд как низшее звено судебной системы Российской империи. Верхняя временная граница определена упразднением института волостного суда с изданием Декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 12 ноября 1917 г.

В рамках указанных хронологических границ можно выделить три этапа функционирования волостной юстиции (1861–1889 гг., 1889–1912 гг., 1912–1917 гг.).

Период с 1861 по 1889 г. характеризовался демократическими преобразованиями крестьянской юстиции, обеспечивавшими минимальное вмешательство в ее деятельность со стороны органов исполнительной власти.

Изданные 12 июля 1889 г. «Положение о земских участковых начальниках» и «Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» учреждали надзорный институт за деятельностью волостной юстиции – земского участкового начальника, наделенного не только полномочиями назначения судей, наложения на них взысканий, но и влиянием на формирование судебной практики. Участие в

судоустройстве земского начальника вплоть до 1912 г. существенно ограничивало независимость судей.

В начале XX в. происходит реформирование институтов местного судоустройства Российской империи, результатом которого стал Закон «О преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г. Организационной новеллой являлась передача крестьянских судов из ведения Министерства внутренних дел Министерству юстиции, причем надзорным органом за их деятельностью был определен мировой суд. Земские участковые начальники утратили возложенные на них законодательством 1889 г. полномочия, и волостные судьи обрели большую самостоятельность в принятии решений.

Территориальные рамки определяются в границах Пензенской, Нижегородской, Тамбовской и Симбирской губерний Российской империи, часть территорий которых образовали земли Мордовии (в настоящее время Республика Мордовия в границах, установленных в 1995 г.), где преимущественно проживали русский, мордовский и татарский народы. При выборе территориальных рамок важное значение имеет этнический состав крестьянства, вырабатывавшего обычное право исходя из собственных национальных традиций.

Уезды Пензенской губернии, подлежавшие рассмотрению – Инсарский (Болдовская, Бутурлинская, Иссинская, Ключаревская, Костыляйская, Лемдяйско-Майданская, Ново-Акшинская, Ново-Троицкая, Огаревская, Пензятская – с. Новая Пензятка, Потижско-Слободская, Починковская, Пушкинская, Рузаевская, Сиалеевско-Майданская, Сиалеевско-Пятинская, Староверхисская, Старосивильская – с. Старосивильский Майдан, Старошайговская, Такмовская, Трехсвятская, Шадымо-Рыскинская – с. Шадым, Шешкеевская, Шуварская, Ямщинская волости), Краснослободский (Аксельская, Базарно-Дубровская, Большеазяская, Введенская – с. Селищенское, Девиченская – с. Девичий Рукав, Ельниковская, Краснослободская, Мамолаевская, Михайловская, Новоямская, Оброченская, Пурдошанская, Рыбкинская, Сивинская, Синдровская, Слободско-Дубровская, Тенишевская, Троицкая, Урейская, Усть-Рохманская волости), Саранский (Архангельско-Голицынская, Атемарская, Блохинская, Богородско-

Голицынская, Большевыяская, Большеремзенская, Булгаковская, Белоключевская, Воеводская, Еремеевская, Зыковская, Кочкуровская, Кривозерская, Ладская, Лямбирская, Макаровская, Мокшалеевская, Нерлейская, Протасовская, Пушкинская, Пятинская, Ромодановская, Салминская, Саловская, Саранская, Скрябинская, Старотурдакская, Трофимовская, Чуфаровская волости).

По данным переписи 1897 г. в Инсарском уезде проживало 178233 человек (русские — 69,3%, мордва - 23,3%, татары - 7,3%), в Краснослободском – 174396 человек (русские — 66,9%, мордва — 24,7%, татары — 8,2%), в Саранском – 143130 человек (русские — 74,1%, мордва - 17,9%, татары - 7,9%).

В Нижегородской губернии исследовался Лукояновский уезд, включавший Азрапинскую, Байковскую, Большеарскую, Большеболдинскую, Большеполянскую, Ичалковскую, Кочкуровскую, Крюковскую, Лобасковскую, Лукояновскую, Медаевскую, Маресевскую, Михайловскую, Никитинскую, Новослободскую, Оброченскую, Починковскую, Протасовскую, Салдтаново-Майданскую, Симбуховскую, Темяшевскую, Тольско-Майданскую, Шутиловскую волости. По данным переписи 1897 г. в Лукояновском уезде проживало 193454 человек (русские — 85,2%; мордва — 14,3%).

Уезды Тамбовской губернии, подлежащие рассмотрению – Темниковский (Атюревская, Бабеевская, Барашевская, Бедишевская, Бутаковская, Веденяпинская, Вознесенская, Енкаевская, Ермишинская, Жегаловская, Кочемировская, Криушинская, Кушкипская, Матызлейская, Новосельская, Преображенская, Спасско-Раменская, Стандровская, Стрелецкая, Стрельниковская, Теньгушевская, Черменская, Шалинская, Широмазовская волости), Спасский (Анаевская, Ачадовская, Виндреевская, Дракинская, Жуковская, Зарубкинская, Кирилловская, Липяговская, Майданская, Малышевская, Салтыковская, Слаимская, Спасско-Городская, Сядемская, Устьянская, Хилковская волости). По данным переписи 1897 г. в Темниковском уезде проживало 121366 человек (мордва – 53% (в 46 селениях), русские – 45%, татары – 2%).

На территории Симбирской губернии рассмотрению подлежал Ардатовский уезд, включавший Апраксинскую, Ардатовскую, Атяшевскую, Бузаевскую – с. Шугурово, Жаренскую, Керамсурскую, Киржеманскую, Козловскую, Лобаскинскую, Макаловскую, Медаевскую, Наченальскую, Неклюдовскую, Пичеурскую, Резоватовскую, Силинскую, Талызинскую, Тархановскую волости. По данным переписи 1897 г. в Ардатовском уезде проживало 189226 человек (русские — 59,6%, мордва - 39,4%).

Методологической основой работы является диалектический метод познания действительности, компаративистский и системный подходы, позволившие отразить комплексный взгляд на судебную систему Российской империи, учрежденную на основе положений крестьянской и судебной реформ XIX в. В работе использовался ряд частнонаучных методов исследования: формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой, логический. Указанные методы и приемы позволили установить достоверность отраженных в источниках сведений, комплексно подойти к освещению различных сторон изучаемой проблемы. Исторический и сравнительно-правовой методы познания были использованы при рассмотрении эволюции волостного судопроизводства и судоустройства с момента учреждения и до 1917 г. в свете меняющегося политического курса и законотворчества Российской империи. Формально-юридический подход применялся при анализе нормативно-правовых актов, регулировавших деятельность волостной юстиции.

Широкое применение в диссертационном исследовании получили методы познания, выработанные юридической антропологией. Отдельное место среди них занимает юридическая герменевтика, позволяющая анализировать правовые институты с учетом особенностей мышления, быта, повседневного уклада жизни, менталитета того или иного народа. Аксиологический анализ этноправовых культур предполагает исследование народных представлений о праве и формах разрешения конфликтов, выраженных в «юридическом фольклоре», отражающем правовой опыт народа, комплекс убеждений об основных юридических категориях. При исследовании правовой ментальности, отличий взглядов

сельских жителей, относившихся к различным этносам, использовался метод этнопсихологического анализа, с помощью которого охарактеризованы эмоциональные и интеллектуальные особенности крестьян при вступлении в правоотношения на основе их высказываний, суждений, записанных в ходе заседаний в волостных судах⁷.

Степень научной разработанности. Проблемы крестьянского самоуправления и судоустройства, в частности волостного, вызывали большой интерес дореволюционных исследователей – юристов и историков. С 1869 г. организовывались многочисленные исследования по вопросам, связанным с основными принципами деятельности волостных судов. Примером служит экспедиция членов Императорского Русского географического общества в «западно-русский край», учрежденная в 1871 г. Ее целью являлось изучение деятельности волостных судов в «различных местностях» Российской империи. В результате работы были обследованы сами суды, опрошены крестьяне, судьи и старшины, подробно записаны выносимые решения и местные юридические обычаи⁸. Итоги указанных исследований были подведены П. Березанским, М. И. Зарудным, К. Чепурным⁹. Авторами проанализированы организация и функционирование волостных судов, положительные и отрицательные результаты их деятельности, практика применения местных обычаев.

Различные аспекты волостного судопроизводства затрагивались в рамках исследования проблем местного самоуправления и судоустройства Российской империи в целом. В работах Е. В. Васьковского, В. М. Гессена, Г. А. Джаншиева, А. А. Риттиха, И. Страховского, И. Я. Фойницкого и др. отражены основные принципы организации волостных судов, нормы законодательства в данной

⁷См.: Агафонова Е. А. Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 15.

⁸См.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. 6 : Народные юридические обычаи по решениям волостных судов / ИРГО, Юго-Западный отдел. СПб., 1872; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1 : Тамбовская губерния. СПб., 1873.

⁹См.: Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880; Зарудный М. И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874; Чепурной К. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции Тамбовской губернии. Киев, 1874.

сфере, порядок волостного судопроизводства в рамках уголовного и гражданского процесса, место волостного суда в системе органов самоуправления крестьян¹⁰.

Важное значение для изучения деятельности волостных судов имеют труды Н. И. Арефы, В. А. Беэра, А. А. Васильева, А. В. Завадского, А. А. Корнилова, М. Н. Лаврова, Н. В. Муравьева, А. И. Пахарнаева, И. Чулкова и др.¹¹ Работы данных авторов представлены главным образом в виде комментариев к нормативно-правовым актам, регламентирующим организацию волостного суда. К таковым относились законы, разъяснения Правительствующего сената, циркуляры ведомственных министерств, инструкции.

Специальные исследования по вопросам становления волостной юстиции осуществлялись И. Аничковым, Н. В. Калачовым, А. А. Леонтьевым¹². Ими подробно описан порядок функционирования волостных судов, проанализирована эволюция волостной юстиции с учетом меняющегося законодательства, выявлены положительные и отрицательные аспекты судопроизводства, сделаны собственные выводы. По мнению обер-прокурора 2-го департамента Сената А. А. Леонтьева, крестьянская реформа не достигла своей основной цели – ликвидации сословной обособленности крестьян, а деятельность волостного суда только подчеркнула негативный результат¹³. Аналогично мнение юриста, члена и редактора комиссии по подготовке судебной реформы Александра II 1864 г.

¹⁰См.: Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1917; Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. М., 1900; Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб., 1904; Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904; Страховский И. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1903; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1896. Т. 1, 2.

¹¹См.: Арефа Н. И. Правила об устройстве судебной части, о производстве судебных дел в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках (с включением статей по продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг., а также сенатских и министерских разъяснений и с приложением «Временных правил о волостном суде»). СПб., 1912; Беэр В. А. Сборник разъяснений Правительствующего сената, министерств внутренних дел и юстиции и всех позднейших узаконений и распоряжений Правительства, касающихся деятельности провинциальных учреждений 12-го июля 1889 года. М., 1896; Васильев А. А. Закон о преобразовании местного суда 15 июня 1912 г. СПб., 1913; Завадский А. В. О проекте министра юстиции о преобразовании местного суда. Казань, 1908; Корнилов А. А. Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля. М., 1917; Лавров М. Н. Закон о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 года. М., 1890; Муравьев Н. В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники. СПб., 1890; Пахарнаев А. И. Закон, обычаи и волостной суд (руководство для крестьян). Пермь, 1894; Чулков И. Волостной суд по Общему положению 19 февраля 1861 года, с изменениями и дополнениями по Общему Своду Законов с продолжениями 1876 – 1881 гг. и с разъяснениями. М., 1884.

¹²См.: Аничков И. Мировой суд и преобразование низших судов. СПб., 1907; Калачов Н. В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России. Статья первая. СПб., 1881; Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. Изд 2-е, пересмотр. и доп. изложением новых землеустроит. законов. СПб., 1914.

¹³См.: Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 110.

Н. В. Калачова, указывавшего на консервацию правоотношений в крестьянской среде из-за деятельности волостных судов в связи с практикой применения обычаев крестьян в качестве источника права, «неубедительных для высших судов»¹⁴.

Уникальностью волостного судопроизводства можно справедливо считать применение судьями в качестве источника права юридических обычаев народов России, относившихся в исследуемый период преимущественно к крестьянству. В работах Н. Бржеского, В. Ф. Мухина, И. Г. Оршанского, С. В. Пахмана систематизировано обычное право крестьян, в основном из русских, описаны брачно-семейные традиции, проанализированы основные виды договорных обязательств, способы разрешения споров и применения наказаний. Особое внимание уделялось влиянию позитивного и обычного права¹⁵.

В рамках данного исследования возможно выделить труды Е. Т. Соловьева и князя В. В. Тенишева, уделявших внимание применению обычного права крестьянами Поволжского региона. В работе «Преступление и наказание по понятиям крестьян Поволжья» Е. Т. Соловьев охарактеризовал отдельные аспекты понятий «грех» и «преступление», выявил их отличительные и схожие черты. Он выделял три группы проступков: имущественные, против нравственности, общественные, в связи с чем подробно описал основные виды наказаний за совершение различных преступлений, к примеру, за убийство и грабеж преступника казнили либо «отрывали разные части тела», за конокрадство вбивали вору деревянные шпильки под ногти и «нестадно били»¹⁶.

Исследованию гражданских правоотношений крестьян Поволжья посвящена работа «Правосудие в русском крестьянском быту»¹⁷ князя В. В. Тенишева. В ней подробно изложен эмпирический материал, содержащий зафиксированные автором свидетельства применения юридических обычаев

¹⁴Калачов Н. В. Указ. соч. С. 149

¹⁵См.: Бржеский Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902; Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению). СПб., 1888; Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879; Пахман С. В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки). СПб., 1877, 1879. Т. 1–2.

¹⁶Сборник народных юридических обычаев / под общ. ред. С. В. Пахмана. СПб., 1900. Т. 2. С. 281.

¹⁷См.: Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907.

крестьян Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний при заключении и расторжении брака, разделах имущества семьи, наследства. Автором описан обычно-правовой порядок проведения заседаний волостных судов и неофициальных судилищ, охарактеризованы традиционные процессуальные инструменты, такие как «божба», «грех пополам» и бросание жребия.

Что касается организации и деятельности волостных судов в пределах земель Мордовии, то данная тема является практически не разработанной. В работах, посвященных обычному праву, описана деятельность государственно-правовых институтов и лишь фрагментарно освещены отдельные аспекты волостного судопроизводства. Наиболее полно решения волостных судов, основанные на юридических обычаях, были отражены в труде русского исследователя В. И. Майнова «Очерк юридического быта мордвы»¹⁸. В работе автор использовал отраслевой принцип классификации правоотношений крестьян и проанализировал условия и формы заключения брачного союза, имущественные права и обязанности супругов, порядок вступления в наследство, различные виды обязательств, уголовные, трудовые и земельные правоотношения мордовского народа.

Крупный вклад в изучение обычаев мордвы, имевших и некоторое юридическое значение, был внесен мордовским просветителем М. Е. Евсевьевым, проанализировавшим обычаи в сфере брака и семьи, общинных отношений. В работе «Мордовская свадьба» автор исследовал юридические аспекты брачно-семейного, религиозно-правового регулирования у мордвы. Ему удалось собрать и проанализировать информацию о бытовании патронимии в форме братчины, действии в ее рамках традиций коллективной собственности, взаимопомощи, взаимозащиты. В его трудах наблюдается осмысление крестьянской жизни, общины, традиционного правосознания с точки зрения не только государственно-правовых реформ, но и общественных движений того времени¹⁹.

¹⁸См.: Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы (перепечатана с изд. 1885 г.). Саранск, 2007.

¹⁹См.: Евсевьев М. Мордовская свадьба. Саранск, 1959. С. 266; Избранные труды : в 5 т. Т. 1. Народные песни мордвы. Саранск, 1961; Т. 2. Народные песни мордвы. Саранск, 1963; Т. 5. Историко-этнографические исследования. Саранск, 1966.

Таким образом, в дореволюционных исследованиях прослеживается большой интерес к проблемам местного самоуправления и судоустройства, к соотношению обычного и позитивного права, разрешаются вопросы, связанные с функционированием волостного суда, действием принципа сословности в его юрисдикции и применением юридического обычая народов Российской империи в качестве источника права.

Волостное судопроизводство продолжало интересовать исследователей и годы советской власти в рамках проблем преобразования судебных органов с учетом более широкого участия в процессе народных представителей по аналогии с волостной юстицией. В то же время специализированных работ монографического плана в данный период не было. К примеру, в исследовании П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России» в рамках общеисторических проблем реформирования крестьянской жизни изложены общие принципы организации и деятельности волостного суда, но лишь в качестве определения²⁰. В. А. Александровым в работе «Обычное право крепостной деревни России (XVIII – начало XIX в.)» проанализированы обычаи крестьян и их роль в хозяйственной жизни села, однако деятельность волостного суда описана фрагментарно²¹.

На региональном уровне можно выделить работы А. В. Клеянкина и Е. Д. Черменского, в которых рассмотрены этапы становления мордовской государственности²². Ученые предприняли попытку раскрыть проблемы крестьянского населения мордовского края через призму национально-классового угнетения и освободительной борьбы мордовского народа с царизмом в целом.

Оригинальные исследования изложены в работе юриста, председателя Мордовского окружного суда Т. В. Васильева «Мордовия»²³. Автор проанализированы политико-правовые основы развития мордовского народа, указано на существование множества юридических обычаев. Т. В. Васильев был

²⁰См.: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

²¹См.: Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России (XVIII – начало XIX в.). М., 1984.

²²См.: История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней. Саранск, 1979.

²³См.: Васильев Т. В. Мордовия (перепечатана с изд. 1885 г.). Саранск, 2007.

первым исследователем советского периода, систематизировавшим порядок отправления правосудия сельскими судебными органами. Исследователь указывал на приоритетную роль «домашних судилищ» мордвы по отношению к «русской администрации» селений. Мордовский народ, по мнению автора, не доверял государственным органам правосудия и предпочитал разбирать споры в традиционных судах – «атят», не бравших взяток и не «чинивших произвол»²⁴.

Роль обычаев и традиций мордовского народа была рассмотрена в труде «Бытовая культура мордвы»²⁵. Данная работа представляет собой сборник статей ученых В. А. Балашова, Н. Ф. Беязовой, В. Ф. Вавилина, Г. А. Корнишиной, Н. Ф. Мокшина, С. Д. Николаева, Т. П. Федяновича, С. Б. Писарева, Н. В. Шилова. Авторами проанализированы различные аспекты быта, семейных отношений, условия наследования имущества у мордовского народа в дореволюционный и советский период, обобщены устные свидетельства о применении юридических обычаев в качестве источника права при разрешении споров.

В рамках настоящего исследования интерес представляют работы по вопросам обычно-правовых воззрений татарских крестьян. В пределах территории Мордовии исторически проживала этническая группа татар-мишарей, изучению быта которых посвящен труд Р. Г. Мухамедовой «Татары-мишари»²⁶. Автором охарактеризованы основные сферы их жизни, включая духовную культуру, семейно-брачные отношения, юридические обычаи, связанные с наследованием имущества, семейным разделом. По свидетельству ученого, обычно-правовые воззрения татар-мишарей были схожи с воззрениями русских и мордвы, потому что данные народы «в течение длительного времени жили рядом друг с другом, нередко чересполосно», что служило процессу культурного взаимовлияния²⁷.

²⁴Васильев Т. В. Указ. соч. С. 72.

²⁵См.: Бытовая культура мордвы / под общ. ред. Н. Ф. Мокшина. Саранск, 1990.

²⁶См.: Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972.

²⁷Там же. С. 6.

На современном этапе развития исторической и правовой науки вопросы деятельности волостного суда и основы обычного права вновь стали предметом пристального внимания ученых – юристов, историков и этнографов. Волостное судопроизводство чаще всего являлось объектом изучения с исторических позиций, недостаточно глубоко исследовался правовой аспект деятельности данного суда.

В исследованиях Л. И. Земцова, Т. А. Тарабановой были проанализированы основные принципы организации и деятельности волостных судов в первые пореформенные десятилетия, дана характеристика законодательства в данной сфере, выявлена позиция имперской власти по отношению к «местному» суду российских крестьян²⁸.

В работе М. В. Немытиной «Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв.» эволюция волостной юстиции рассмотрена в рамках судебной реформы Российской империи 1864 г.²⁹ Автор пришел к выводу, что провозглашенные реформой демократические начала отправления правосудия, включая гласность, равенство всех перед законом и судом и т.д., противопоставлялись устоявшемуся в государстве принципу сословности, в связи с чем деятельность общих судебных инстанций входила в противоречие с иными институтами самодержавия, включая крестьянский суд³⁰.

Место юридических обычаев русских крестьян в системе права Российской империи, а также их роль в правоприменительной практике волостных судов были исследованы юристом Т. В. Шатковской в работе «Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект»³¹. Одним из выводов автора является то, что волостная юстиция в период своего существования занимала «промежуточное положение между общинными и

²⁸См.: Земцов Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60–80-е г. XIX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Липецк, 2004; Тарабанова Т. А. Волостной суд в России в первое пореформенное десятилетие : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

²⁹См.: Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

³⁰Там же. С. 366.

³¹См.: Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

официальными судами»³². Обстоятельством, обуславливавшим данное положение, служило применение в ходе судебного процесса норм позитивного и самобытного «крестьянского» права, причем обычаи пользовались большим уважением со стороны судей, в том числе при рассмотрении споров, вытекающих из договорных правоотношений³³.

Организационно-правовые основы деятельности волостного суда в начале XX в. были отражены Р. В. Терентьевым в исследовании «Реформа местного суда в России в начале XX в. (историко-правовой аспект)»³⁴. По мнению автора, роль крестьянского суда в первом десятилетии XX в. была переоценена, а его сохранение принесло негативный результат. Деятельность волостного суда способствовала развитию правового нигилизма и юридической безграмотности в среде крестьян, в связи с чем изолировала их от остальной части населения Российской империи в области правосудия.

В ряду наиболее значимых исследований по проблемам крестьянской реформы 1861 г. можно выделить специализированную работу ученого-юриста В. А. Томсинова «Подготовка крестьянской реформы 1861 года в России»³⁵. Ученым были рассмотрены основные этапы крестьянской реформы, даны подробные характеристики органов государственной власти Российской империи, принимавших участие в подготовке ее проектов.

В. Б. Безгиным в исследовании «Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века)» рассмотрен состав, проанализированы правоотношения и быт сельских жителей в разных сферах³⁶. В работе указывалось, что в конце XIX в. крестьянское общество встало на путь модернизации и нуждалось в большей степени в законных способах защиты своих прав и интересов, чем в обычно-правовых.

³²Шатковская Т. В. Указ. соч. С. 50.

³³Там же.

³⁴Терентьев Р. В. Реформа местного суда в России в начале XX в. (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

³⁵См.: Томсинов В. А. Подготовка крестьянской реформы 1861 года в России. М., 2012.

³⁶См.: Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов, 2004.

Интересным представляется исследование Л. Г. Свечниковой «Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.»³⁷. В работе охарактеризованы основные концепции и направления политико-правовых исследований о роли обычного права в целом, а также рассмотрена эволюция правовых отношений народов, проживавших на территории Северного Кавказа в XIX в., на основе глубокого анализа исторических, социальных, экономических и этнических факторов, лежащих в основе формирования и развития правовых обычаев народов региона в частности. Автор приходит к выводу, что влияние позитивного права в сравнении с обычным на исследуемой им территории к началу XX в. усилилось и при разрешении различных конфликтов в большинстве случаев крестьяне прибегали к нормам законодательства Российской империи³⁸.

В пределах Поволжского региона специальные исследования волостной юстиции были осуществлены П. В. Ериным, И. Н. Скуратовой. И. Н. Скуратова подробно рассмотрела особенности организации и деятельности волостных судов Казанской губернии. Автором выявлены источники права, применявшиеся волостными судами, – юридические обычаи различных народов, проживавших на указанной территории³⁹. П. В. Ерин охарактеризовал органы местного самоуправления и суда на территории волостей Тамбовской губернии, проанализировал место сельских старост и сходов, волостных старшин и судей, земских участковых начальников, мирового суда в системе органов местного самоуправления крестьянской деревни⁴⁰.

Отдельные вопросы волостного судопроизводства в землях Мордовии отражены в трудах С. М. Букина, изучавшего правовые основы крестьянского самоуправления⁴¹. Автор указывает на важную роль общины, выступавшей в качестве хранителя и толкователя обычного права. Им описаны юридические

³⁷См.: Свечникова Л. Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

³⁸Там же. С. 16.

³⁹См.: Скуратова И. Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861 – 1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

⁴⁰См.: Ерин П. В. Сельское правосудие и местное самоуправление русских крестьян в конце XIX – начале XX века (на материалах Тамбовской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

⁴¹См.: Букин С. М. Национальная государственность мордовского края. История становления и развития (X–XX вв.). Саранск, 2006.

обычаи проведения сельских сходов, сходов старейшин у мордвы, условия и порядок взаимодействия общинных и государственных органов управления и суда в мордовских селениях.

Вопросы взаимодействия обычного и позитивного права получили освещение в работах юристов И. Б. Ломакиной «Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект», А. С. Коноваловой «Обычное право в российской правовой жизни», А. Г. Алборовой «Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века», Г. Г. Небратенко «Обычно-правовая система традиционного общества»⁴². Так А. Г. Алборова анализирует проблемы, связанные с определением компетенции и осуществлением деятельности волостного суда. Она справедливо отмечает, что волостной суд как сословный орган правосудия, разбиравший споры лиц сельского состояния между собой, состоял из самих крестьян, которые руководствовались в решениях народными обычаями, отражавшими своеобразие «народного права» и «народной юстиции»⁴³.

Отдельные аспекты методологии, используемой юридической антропологией, были освещены Е. А. Агафоновой в работе «Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы»⁴⁴. Автор приходит к выводу, что герменевтика является базовым методологическим подходом к праву, так как при изучении юридических обычаев, традиций, обрядов различных народов применяется метод эмпатии – сочувствия, восприятия правового мышления других индивидов, интерпретации, методы семиотики, включая правовой символизм.

Проблемам обычного права русского народа, проживавшего на исследуемой территории, посвящено исследование О. В. Спициной «Обычное право русского

⁴²См.: Ломакина И. Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005; Коновалова А. С. Обычное право в российской правовой жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Алборова А. Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007; Небратенко Г. Г. Обычно-правовая система традиционного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Махачкала, 2011.

⁴³ Алборова А.Г. Указ. соч. 2007.

⁴⁴См.: Агафонова Е. А. Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.

населения Мордовии: историко-этнографический аспект»⁴⁵. Автор приходит к выводу, что у русских, как и у других соседских этносов, юридические обычаи вырабатывались в ходе реализации общинных форм землевладения и землепользования, характерными признаками которых являлись коллективная собственность членов крестьянской семьи на средства производства, общий труд и потребление.

Отдельные юридические обычаи, регламентировавшие брачно-семейные отношения крестьян татар-мишарей Мордовии, были описаны Аббасом Али Хассоном в работе «Семейная обрядность татар-мишарей мордовского края в конце XIX – начале XX в.»⁴⁶. Исследовав традиции и связанные с ними обряды заключения и расторжения брака, принятия в семью новых членов, рождения детей, их воспитания, почитания предков, Аббас Али Хассон заключает, что обычное право мишарей имело существенные отличия от традиций русских и мордвы, прежде всего из-за его неразрывной связи с мусульманскими догматами, являвшимися «правовой базой»⁴⁷ в регулировании повседневно-бытовых проблем.

В работах «Брак и семья в обычном праве мордвы»⁴⁸, «Этноправосудие у мордвы»⁴⁹ были систематизированы юридические обычаи мордвы, по существу, с древнейших времен по сегодняшний день. Автором впервые осуществлен анализ государственно-правовых преобразований, произошедших на территории Мордовии в ходе крестьянской и судебной реформ 1860-х гг., сформулирована концепция, раскрывающая особенности правового положения мордовского народа в составе Российского государства. Ю. Н. Сушкова справедливо отмечает, что государственно-правовое управление на территории Мордовии имело специфику: назначались специальные должностные лица – приказчики (приказные), бортничьих и мордовских дел воеводы, мордовские головы,

⁴⁵См.: Спицина О. В. Обычное право русского населения Мордовии: историко-этнографический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011.

⁴⁶См.: Аббас Али Хассон Семейная обрядность татар-мишарей мордовского края в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007.

⁴⁷Там же. С. 21.

⁴⁸См.: Мокшина Ю. Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск, 2005.

⁴⁹См.: Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск, 2009.

подьячие мордовских дел, мордовские надельщики, уставщики, в чью компетенцию входили не только налоговые сборы, но и судебные, административные, хозяйственные и другие «мордовские дела»⁵⁰.

Исследования Ю. Н. Сушковой по обычному праву существенно дополнили юридическую антропологию финно-угорских народов. Результаты изысканий в этом направлении легли в основу учреждения в 2009 г. на базе юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева уникальных лаборатории и центра финно-угорского этноправоведения, в рамках которых продолжается изучение обычного права.

В год 150-летия судебной реформы 1864 г. в городе Саранске состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная реформа 1864 года: история и современность», по итогам которой издан сборник материалов, включивший актуальные сведения, в том числе архивные данные, по проблемам деятельности судов того периода. Научные публикации затрагивают историко-правовые вопросы принятия Судебных уставов 1864 г. Российской империи и их роли в преобразовании судостроительства и судопроизводства, особенности проведения судебной реформы 1864 г. на территории российских губерний, использование опыта ее проведения в совершенствовании правосудия на современном этапе, а также актуальные проблемы судопроизводства и вопросы совершенствования норм уголовного и гражданского законодательства⁵¹.

Анализ литературы по истории организации и деятельности волостного суда Российской империи позволяет выявить немало работ, значительно обогативших знания о месте, роли и значении крестьянского правосудия. Однако многие проблемы становления волостной юстиции до сих пор остаются слабоизученными, отсутствуют исследования, анализирующие организационно-правовые основы деятельности волостных судов, располагавшихся на территории Мордовии, с учетом местных особенностей, включая обычное право.

⁵⁰См.: Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск, 2009. С. 135; Правовой статус мордвы по российскому законодательству XVI–XVIII веков // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 98–106.

⁵¹См.: Судебная реформа 1864 года: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 27 нояб. 2014 г.). Саранск, 2014.

Источниковая база исследования. В ходе изучения организационно-правовых основ деятельности волостных судов, работавших в землях Мордовии в конце XIX – начале XX в., использовалось множество архивных и опубликованных источников, которые можно разделить на 5 групп: кодифицированные и некодифицированные сборники нормативно-правовых актов, прямо регулировавших или косвенно затрагивавших деятельность волостной юстиции Российской империи; труды комиссий и экспедиций по вопросам преобразования волостных судов; опубликованные и неопубликованные архивные материалы, содержащие решения волостных судов, губернских присутствий и уездных съездов, располагавшихся на исследуемой территории; монографические исследования современников деятельности волостных судов.

К первой группе источников прежде всего относится Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) – некодифицированный сборник нормативно-правовых актов, систематизированных по хронологическому принципу. Собрание издавалось в период с 1830 по 1916 г. и включило законодательные акты 1649–1913 гг.

Не менее важным сборником нормативно-правовых актов, применявшихся в исследуемый период, является Свод законов Российской империи (СЗ РИ) – кодифицированный по отраслевому принципу 15-томный сборник законов, состоявший в момент издания в 1835 г. из 8 разделов и 42 тысяч статей. Свод официально переиздавался в 1842, 1857 и 1906 гг., дополнен 16-м томом в 1892 г. Вместе с тем существовали и неофициальные издания, к примеру Свод законов Российской империи под редакцией И. Д. Мордухай-Болтовского, изданный в 5 книгах в 1912 г.

В рамках данного исследования особое место занимает Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства (СУиР РИКП) – официальный некодифицированный сборник, содержащий нормативно-правовые акты, изданные в период с 1917 по 1938 г. В собрании публиковались декреты и постановления государственных органов Советской России, а также ее межгосударственные соглашения.

Указанные выше сборники нормативно-правовых актов содержали узаконения, прямо регулировавшие или косвенно затрагивавшие деятельность волостной юстиции Российской империи. К первой группе относятся: Манифест «О Всемиловитейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и дополняющее его «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г.⁵², «Положение об освобождении, в некоторых случаях, от телесного наказания крестьянок и дворовых женского пола, вышедших из крепостной зависимости» (1861 г.)⁵³, «Положение о том, какими правилами должны руководствоваться волостные суды, старшины и старосты при отправлении своих обязанностей» (1861 г.)⁵⁴, Сенатский указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» (1863 г.)⁵⁵, «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (1864 г.)⁵⁶, «Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета по вопросу о подсудности дел о краже или мошенничестве, учиненных после двукратного наказания за такое же преступное деяние по решениям волостных судов» (1896 г.)⁵⁷, Указ «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в империи» (1889 г.)⁵⁸ и изданные на его основе «Положение о земских участковых начальниках» (1889 г.)⁵⁹, «Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» (1889 г.)⁶⁰ и «Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение» (1889 г.)⁶¹, Закон «О преобразовании местного суда»⁶².

Нормативно-правовыми актами, косвенно затрагивавшими организационно-правовые основы деятельности волостного суда, являлись: Манифест «О

⁵²См.: ПСЗ РИ. 1863. Т. XXXVI. С. 128, С. 141.

⁵³Там же. С. 228.

⁵⁴Там же. С. 201–202.

⁵⁵Там же. 1866. Т. XXXVIII. С. 352.

⁵⁶Там же. 1867. Т. XXXIX. С. 401.

⁵⁷Там же. 1899. Т. XVI. С. 276.

⁵⁸Там же. 1891. Т. IX. С. 508.

⁵⁹Там же. С. 510.

⁶⁰Там же. С. 528.

⁶¹Там же. С. 524.

⁶²Там же. 1915. Т. XXXII. С. 662.

прекращении войны» от 19 марта 1856 г.⁶³, Сенатский указ «Об учреждении Редакционных комиссий для составления проекта Общего положения об устройстве быта помещичьих крестьян» (1859 г.)⁶⁴, «Об определении в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках, размера денежного вознаграждения волостного старшины, волостного писаря, помощника волостного писаря и сельского старосты» (1893 г.)⁶⁵, Высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (1904 г.)⁶⁶, Указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» (1905 г.)⁶⁷.

Особое место среди источников исследования – нормативно-правовых актов занимают документы, не рассматривавшие вопросы волостной юстиции, но повлиявшие на становление институтов сельского правосудия и эволюцию системы обычного права. К таковым относятся: Манифест «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» от 3 ноября 1905 г.⁶⁸, декреты «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 12 ноября 1917 г.⁶⁹, «О суде» от 22 ноября 1917 г.⁷⁰, «О суде» № 2 от 20 февраля 1918 г.⁷¹, «О суде» № 3 от 20 июля 1918 г.⁷², «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» от 30 ноября 1918 г.⁷³

Ко второй группе источников в первую очередь относятся «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом», изданные в семи томах, содержащие обширный материал по обычному праву народов запада Российской империи и его влиянию на деятельность волостных судов. Важная роль в диссертационном исследовании отведена работе комиссии по

⁶³ПСЗ РИ. 1857. Т. XXXI. С. 132.

⁶⁴Там же. 1861. Т. XXXIV. С. 248.

⁶⁵Там же. 1897. Т. XIII. С. 590.

⁶⁶Там же. 1907. Т. XXIV. С. 1196.

⁶⁷Там же. 1909. Т. XXVI. С. 891.

⁶⁸Там же. 1908. Т. XXV. С. 790.

⁶⁹См.: СУиР РИКП. 1942. № 3. С. 26.

⁷⁰Там же. № 4. С. 41.

⁷¹Там же. № 26. С. 363.

⁷²Там же. № 52. С. 687.

⁷³Там же. № 85. С. 1195.

преобразованию волостных судов под председательством сенатора М. Н. Любощинского, ее итогам, подведенным в «Трудах» этой комиссии. Интерес вызывает шестой том под заглавием «Тамбовская губерния», содержащий материалы словесных опросов крестьян, сельских должностных лиц, а также решения волостных судов, работавших в конце XIX в. на территории уездов губернии.

Третью группу источников составляют документы, хранящиеся в региональных архивах Республики Мордовия, Пензенской, Нижегородской областей.

Обширные данные содержатся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия. Фонд Темниковского уездного съезда Тамбовской губернии (Ф. 139) содержит материалы гражданских и административных дел, рассмотренных волостными судами уезда, а также жалобы крестьян на действия земских начальников и сельских должностных лиц. В фонде Саранского уездного комиссара временного правительства Пензенской губернии (Р. 398) имеется интересная переписка Саранского волостного правления с названным чиновником по вопросу ликвидации волостных судов в связи с революционными событиями 1917 г. Многочисленные материалы по обычаям мордовских крестьян, связанным с заключением брачного союза, установлением опеки, вступлением в наследство, собраны в фонде М. Е. Евсевьева (Р. 267).

Объемный материал о деятельности Пензенского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян в период с 1858 по 1860 г. (Ф. 196) хранится в Государственном архиве Пензенской области. В него включены документы, содержащие сведения о числе крепостных крестьян, помещичьих земель, об открытии уездных собраний. Интерес представляет переписка дворян Пензенской губернии с имперским правительством по вопросам реформирования местного судоустройства и учреждения крестьянского суда. В фонде Пензенского губернского присутствия (Ф. 53) собраны акты ревизии земскими начальниками волостных судов подконтрольных им уездов, данные о крестьянских разделах, а

также документы надзорных производств по жалобам крестьян на решения уездных съездов.

Документы о деятельности аналогичных органов Нижегородской губернии содержатся в следующих фондах: Ф. 64 – Нижегородское губернское присутствие, Ф. 69 – Лукояновское уездное по крестьянским делам присутствие Центрального архива Нижегородской области.

К четвертой группе источников относятся работы правоведов – современников деятельности волостной юстиции, которые можно разделить на тех, кто одобрительно относился к волостной юстиции, обычному праву, и тех, кто считал учреждение данного вида судов необоснованным и неэффективным.

К первой подгруппе можно отнести труды Н. Бржеского, М. И. Зарудного, В. И. Майнова, И. Г. Оршанского, С. В. Пахмана, И. Тютрюмова. По мнению М. И. Зарудного, юридический обычай – основа, «почва» существовавшей системы права, «выработанная насущной потребностью сельского населения, его верованиями и преданиями»⁷⁴. Вместе с тем ученый соглашался с мнением о несовершенстве волостных судов, применявших обычное право, однако указывал на их временный характер и считал, что в будущем «могло бы состояться учреждение одного общего местного суда для всей России»⁷⁵.

С другой стороны, в работах И. А. Базанова, Н. В. Калачова, А. А. Леонтьева прослеживается мысль о невозможности параллельного существования обычного и позитивного права. Они указывали на то, что «обычай подтачивает в народе уважение к праву и ослабляет чувство законности», к тому же у крестьян для большинства отношений «обычаев вовсе не оказалось», вследствие чего волостные суды под видом крестьянского права нередко применяли нормы общегражданских законов⁷⁶, чем не оправдывали основные начала своего учреждения.

⁷⁴Зарудный М. И. Указ. соч. С. 223.

⁷⁵Там же. С. 222.

⁷⁶См.: Базанов И. А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям. Томск, 1902. С. 6, 7, 9.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые волостная юстиция рассматривается не только исключительно с историко-правовых, но и прежде всего с этноправовых (юридико-антропологических) позиций, позволяющих раскрыть сущность деятельности данной формы крестьянского правосудия с учетом этнической и этноконфессиональной специфики. Применение волостными судами местных обычаев убедительно демонстрирует, что каждый народ формировал собственные, характерные лишь для него юридические традиции и правовую культуру. Сословному суду отводилась роль института правового воспитания в крестьянской среде, содействовавшему повышению уровня правосознания сельчан посредством включения в состав источников не только позитивного права, но и близких, понятных для них юридических обычаев.

На основе многочисленных источников, прежде всего архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, охарактеризованы организация и деятельность волостных судов, функционировавших на территории Мордовии в период с 1861 по 1917 г. В результате исследования судебной практики крестьянских судов Тамбовской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерний проанализированы региональные материалы волостного судопроизводства, роль обычного права народов, проживавших на указанной территории, в судебной практике, а также соотношение юридического обычая и закона в деятельности волостных судов.

Выбранные хронологические рамки исследования позволили в полном объеме проанализировать эволюцию организационно-правовых основ деятельности волостных судов в свете меняющегося политического курса и имперского законодательства с момента учреждения суда в 1861 г. до его ликвидации в 1917 г., систематизировать нормативно-правовые источники, регламентировавшие его деятельность, выявить их положительные и отрицательные стороны. Ранее не опубликованные архивные документы, содержащие процессуальные акты волостных судов, уездных, а также мировых съездов, губернских присутствий, принимавшиеся в исследуемом периоде, дают

возможность последовательно проследить динамику повышения уровня правовой культуры сельских жителей, выразившуюся в усилении роли позитивного права над обычным в их правосознании на фоне реформирования судебной системы Российской империи в 1889 – 1912 гг.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно способствует осмыслению процесса становления и развития волостной юстиции в дореволюционной России, выявляет специфику деятельности волостных судов, определяет место и роль крестьянских судов в системе органов местного самоуправления и правосудия на территории Мордовии в период с 1861 по 1917 г. Сформулированные теоретические положения и выводы развивают и дополняют ряд разделов истории отечественного государства и права, касающихся реализации судебных преобразований в России со второй половины XIX в. вплоть до установления советской власти. Систематизированы и обобщены исследования по данной проблематике, свидетельствующие о разнообразных подходах к организации и деятельности волостной юстиции в России.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты исследования можно использовать при проведении фундаментальных и прикладных исследований, посвященных проблемам истории отечественного государства и права. Отдельные аспекты можно использовать в учебном процессе при преподавании курсов истории отечественного государства и права, при разработке учебных и методических пособий для студентов-юристов. Крестьянская и судебная реформы 1860-х гг. увенчали собой процессы становления демократических институтов в России, сохранившихся и развивающихся по настоящее время. Несмотря на исторический перерыв советского периода в деятельности ряда институтов, они были возрождены в 1990-е гг. как базовые учреждения для становления демократического устройства современной России. Поныне историко-правовой опыт важен для реформирования судебной системы в контексте большего учета жизненных реалий, расширения возможностей свободного доступа граждан к институтам

защиты прав и законных интересов, укрепления принципов равноправия, гласности, состязательности, открытости, гуманизма.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения, являющиеся новыми или содержащими элементы новизны.

1. Значимым результатом реформирования организационно-правовых основ сельского общества 1861 г. является учреждение волостной юстиции как низшего звена судебной системы Российской империи, представлявшего собой не только сословный орган правосудия в рамках двухуровневого (сельского и волостного) крестьянского самоуправления, но прежде всего специализированный государственно-правовой институт, призванный обеспечить лучшую адаптацию крестьян к российскому законодательству, освоение ими способов защиты прав и интересов в первую очередь в сфере земельных отношений, повышение уровня правовой культуры и в целом реализацию принципа равенства перед судом лиц всех сословий. В отношении крестьян Российской империи с 1861 по 1917 г. действовал особый правовой режим, в результате чего сформировалась самобытная отрасль так называемого «крестьянского права», способствовавшая улучшению их юридического статуса, расширению гражданских прав.

2. Модернизация модели крестьянского самоуправления и правосудия в 1889 г., упразднение института мировых судей способствовали расширению компетенции волостного суда, что предоставляло сельчанам большие возможности правового урегулирования споров между собой, достижения примирения. Либерализация наказания, фиксация права обжалования неправосудных приговоров, с одной стороны, свидетельствовали о позитивной динамике развития волостного суда, с другой же стороны, введение контроля за ним в лице представителей дворянства – земских участковых начальников, соединение таким образом судебной и административной ветвей власти существенно ограничивали его независимость. Институт земских участковых начальников крестьяне не одобряли, считая их, как дворян, «посторонними лицами» при разрешении споров в крестьянском суде.

3. В начале XX в. реализация принципа единообразия судебно-административных учреждений, преобразование общинного способа землевладения, воссоздание института мировых судей обусловили сужение компетенции волостного суда. В то же время усложнение структуры и иерархическое упорядочение волостной юстиции укрепили ее позиции в судебной системе Российской империи, высший надзор осуществлялся уже не в рамках исполнительной власти земскими начальниками, а судебной властью – мировым съездом.

4. Организационно-правовая деятельность сословных судов в землях Мордовии в период с 1861 по 1912 г. основывалась на общих принципах волостной юстиции, предусмотренных законодательством Российской империи. Основным объектом споров в волостных судах являлись земельные правоотношения, предметом – земельные участки, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, урожай и другое как движимое, так и недвижимое имущество, непосредственно связанное со сферой сельского хозяйства.

5. С 1889 г. широкое влияние на деятельность крестьянских судов на исследуемой территории оказывали земские участковые начальники, количество которых варьировалось от 4 до 6 в каждом уезде. Акты ревизий земскими начальниками крестьянских судов свидетельствуют о разнообразном отношении к исполнению чиновниками функций по надзору за их деятельностью. Нередким явлением было бесконтрольное существование волостных судов, сопровождавшееся злоупотреблением судьями своей властью в силу простого нежелания земских начальников исполнять возложенные на них должностные обязанности, в других же уездах дворяне достаточно ответственно подходили к своей работе, знали все проблемы крестьянского суда, старались найти способы их решения, не допускали попустительств по службе как судей, так и волостного писаря.

6. Волостное судопроизводство в 1912–1917 гг. в свете реформы системы низших судов империи приобрело более строгий и формализованный характер.

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют об улучшении кадрового состава судей, повышении их профессионализма, а в результате удовлетворенности сельских обывателей судебной защитой с учетом специфики их социально-экономического положения. Вместе с тем зафиксировано немало примеров нарушений закона и юридических обычаев волостными судьями при рассмотрении споров, свидетельствовавших о том, что уровень правовой грамотности крестьян в целом оставался низким.

7. Источником права, в наибольшей степени применявшегося в рамках волостной юстиции на всех этапах ее реформирования, являлся юридический обычай. Обычное право не было единым, оно выступало значимым составляющим духовной культуры того или иного народа (этноса), вырабатывавшего особый уклад жизни, которому соответствовали принятые в быту характерные для него нормы жизнедеятельности, ярко проявлявшиеся в области наследственных и брачно-семейных правоотношений.

8. Обычное право мордвы развивалось под влиянием юридических традиций русского народа. Практика применения волостными судами обычаев русских свидетельствует о распространении права владения, основанного на труде («трудовом начале»), основным гарантом которого выступала сельская община, состоявшая из крестьянских семей, отличавшихся патриархальностью, строгим подчинением младших членов старшим, зависимым положением женщин.

9. Волостные суды руководствовались обычаями мордовского народа, отражавшими представления о справедливости, порядке и способах разрешения споров, сущности правонарушения и наказания, системе доказывания. Основываясь на традиционных взглядах мордовского этноса, обычаи отражали его дохристианские верования. В целом крестьяне из мордвы в случае возникновения спорных ситуаций предпочитали обращаться в собственные сельские обычно-правовые институты, каковыми являлись суды старейшин и соседей, хотя и волостной суд их удовлетворял.

10. Юридические обычаи татар-мишарей, используемые волостными судами, носили многогранный характер. С одной стороны, они базировались на синтезе доисламских традиций, адата и шариата, характерном для этносов тюркской общности. Вместе с тем в формировании быта мишарей особую роль сыграли соседские контакты с мордвой и русскими, в результате чего их обычаи, в особенности в брачно-семейной сфере, имели ряд аналогий.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации получили освещение в монографии «Организация и деятельность волостных судов на территории Республики Мордовия в конце XIX – начале XX века», а также 12 статьях автора, из которых 6 статей опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК.

Кроме того, отдельные результаты диссертационного исследования были освещены в докладах на научных конференциях, в том числе на IV Всероссийской научно-практической (заочной) конференции «Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы» (Москва, 9–11 февраля 2011 г.); XXVII Международной конференции студентов и аспирантов финно-угроведов (Будапешт, 9–11 мая 2011 г.); межрегиональной научной конференции «VII Державинские чтения» (Саранск, 19–20 мая 2011 г.); V Международной научно-практической конференции «Пробелы в российском законодательстве» памяти академика В. Н. Кудрявцева (Саранск, 7–8 октября 2011 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Юридическое образование в регионах России: традиции и современность», посвященной 35-летию юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, 8–9 декабря 2011 г.); XI Международной научно-практической конференции «Экономика, социология и право: новые вызовы и перспективы» (Москва, 25 декабря 2012 г.); Международной научно-практической конференции «Обычно-правовые практики народов мира» (Саранск, 23–24 октября 2014 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и использованной литературы.

ГЛАВА 1. ВОЛОСТНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ (1861–1917 гг.)

1.1. Организация и деятельность волостных судов по крестьянской реформе 1861 г.

Крестьянская реформа 1861 г. явилась первой по времени и наиболее значимой из реформ Александра II. Государственные преобразования ярко отразились на жизни населения России. В результате освобождения крестьян от крепостной зависимости были изменены правоотношения в области управления, правосудия, социально-экономической сфере и т.д. Последующие реформы 60–70-х гг. XIX в. (судебная, университетская, земская, городская и военная) явились следствием крестьянской реформы, основывались на приемах, способах и формах ее реализации.

Основная цель крестьянской реформы была сформулирована в Манифесте о прекращении Крымской войны от 19 марта 1856 г. В нем Александр II указывал, что в период его правления в России «утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее, да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сению законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих да наслаждается в мире плодом трудов невинных»⁷⁷. Реализация указанной цели предполагала создание в России общественного порядка, в рамках которого все население страны уравнивалось перед законом и в равной степени получало возможность использовать его для защиты своих прав и законных интересов. Разрешение же поставленных вопросов не могло осуществиться без освобождения крестьян от крепостной зависимости, уравнивания подданных всех сословий перед законом и создания справедливой для всех судебной системы.

В конце 1858 г. правительство обозначило программу будущей крестьянской реформы, по содержанию которой крестьяне получали не только

⁷⁷ПСЗ РИ. 1857. Т. XXXI. С. 132.

личную свободу, но и земельный надел. Служивший на тот момент министр внутренних дел С. С. Ланской по этому поводу указывал, что земля каждого имения должна была делиться на господскую – помещичью и на «отведенную в пользование крестьян»; «земля, однажды отведенная в пользование крестьянам, не может быть присоединяема к господским полям, но должна постоянно оставаться в пользовании крестьян вообще, или за отбывание ими для помещика натуральных повинностей и работ, или же за плату помещику оброка деньгами или произведениями»; главным и «незыблемым» основанием реформы должно быть «обеспечение помещикам поземельной собственности, а крестьянам прочной оседлости и надежных средств к жизни и к исполнению их обязанностей»⁷⁸. Необходимым же условием преобразования земельных правоотношений в деревне стало кардинальное изменение системы местного самоуправления и правосудия, в связи с чем предлагалось полномочия по контролю за деятельностью каждого крестьянского общества и расправой предоставить мирским сходам и крестьянским судам «под наблюдением» помещиков⁷⁹.

Для рассмотрения проектов будущей реформы 30 марта 1859 г. был издан Указ об учреждении двух редакционных комиссий, основной задачей которых было составление проекта положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, других законоположений, «до этого предмета относящихся»⁸⁰. Комиссии образовывали одно «общее присутствие» и ряд специальных отделений: юридическое, определявшее и устанавливающее права, обязанности и гарантии крестьянского сословия; административное, разрабатывавшее проект внутреннего устройства сельских обществ и их место во взаимоотношениях с помещиками и органами государственной власти; хозяйственное, решавшее вопросы о крестьянских усадьбах, наделах и повинностях⁸¹. Комиссии были

⁷⁸Пушкарёв С. Г. Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк, 1956. С. 45.

⁷⁹Там же.

⁸⁰ПСЗ РИ. 1861. Т. XXXIV. С. 248.

⁸¹См.: Пушкарёв С. Г. Указ. соч. С. 46.

призваны разрешить наиболее острые и первостепенные задачи переустройства крестьянского мира.

Важным оставался вопрос об организационно-правовой деятельности сельского общества, определении его структуры, состава, органов управления и сельского правосудия. Право разрешить данную проблему было предоставлено Главному комитету по крестьянскому делу. Согласно его программе формой местного самоуправления сельским обществом было принято мирское управление, призванное оградить крестьян от влияния помещиков, которые обязывались иметь «дело с миром, не касаясь личности крестьянина». Между тем в проекте не выделялась волость в качестве обособленной территориальной единицы. По мнению членов общего присутствия редакционных комиссий, волость в качестве промежуточной единицы административного управления деревни могла замедлить процессы исполнения решений, выносимых сельскими обществами. Создание новой административно-территориальной единицы увеличивало расходы крестьян на содержание дополнительных органов управления, что могло стать тяжелым бременем для их бюджета⁸².

Позднее двухуровневая система – волостное и сельское управление была установлена. Члены редакционных комиссий отнесли к волости как к системе органов, сдерживающих власть помещика и ставивших крестьян вне его влияния.

Одной из основных задач юридического отделения стала разработка программы по учреждению крестьянского суда. По мнению члена редакционной комиссии князя В. А. Черкасского, новый суд должен был стать самостоятельным в своей деятельности, отделенным от исполнительной власти⁸³. Аналогичных взглядов придерживалось большинство членов комиссии, указывая в докладах, что местному суду «следует предоставить большую независимость во всех возможных случаях от внешних административных влияний»⁸⁴. С другой стороны, были заседатели, выступавшие против учреждения обособленного института крестьянского правосудия. Н. Семенов писал, что не следует создавать

⁸²См.: Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 63.

⁸³Там же. С. 103.

⁸⁴Там же.

«особые» крестьянские суды, а возникавшие в сельской среде споры следовало решать исключительно посредством сходов. Иные же конфликты, по его мнению, должны были стать предметом рассмотрения общих судебных институтов⁸⁵.

Идея создания сословного крестьянского органа правосудия не была новой. Прототипы волостных судов учреждались еще в 1838 г. В указанный период властью предпринималась попытка реставрировать древние формы народного правосудия в крестьянской среде и придать им правовой статус. Однако крестьянские суды не прижились из-за отсутствия единой иерархии органов, контролировавших деятельность сельских жителей: помещичьи крестьяне были подведомственны помещикам, государственные – Департаменту государственных имуществ, удельные – Удельному ведомству⁸⁶. Исторический опыт деятельности местных судов имел положительные черты, так как впервые в крестьянскую среду был привнесен элемент демократии – судебный институт, способный разрешать повседневные споры крестьян, позднее принятый за основу при учреждении системы волостных судов в Российской империи.

Вопросы отмены крепостного права в целом и учреждения органов управления и отправления правосудия в деревне в пореформенный период не могли решиться одномоментно с изданием определенного нормативно-правового акта. Задачей законодателя являлась разработка правил, которые бы регламентировали деятельность органов власти деревни. При обсуждении вопросов деятельности крестьянских судов члены комиссий выработали для них специальные нормы, получившие отражение в будущем законоположении об освобождении крестьян. Интересным обстоятельством является указание в данных нормах на временный характер деятельности местного суда. К примеру, при определении вопроса о подсудности в их содержании указывалось, что волостному суду подведомственны исключительно «временно обязанные крестьяне». Позднее же словосочетание «временно обязанные» было исключено из проекта, а волостной суд в первоначальном виде просуществовал до 1889 г.⁸⁷

⁸⁵ Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 102.

⁸⁶ См.: Сушкова Ю. Н. Указ. соч. С. 154–155.

⁸⁷ См.: Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 102.

Нерешенным оставался вопрос о применении волостными судами в рамках уголовного судопроизводства различных видов наказаний, включая телесные. Члены редакционных комиссий, большинство из которых отличались либеральными взглядами, высказывались против розг и применения «всякого вида» телесных наказаний. В докладе Александру II председатель общего присутствия редакционных комиссий Я. И. Ростовцев указывал: «Относительно наказаний осмелюсь еще присовокупить, что во всяком случае о наказаниях телесных не следует упоминать вовсе, это было бы пятном настоящего законодательства, законодательства об освобождении»⁸⁸. Многие правоведы конца XIX в. также утверждали, что сама по себе отмена крепостного права является ключом к дальнейшей демократизации и нравственному развитию России, однако применение наказаний, унижавших человеческое достоинство, не соответствовало основным целям реформирования⁸⁹. Между тем после продолжительного обсуждения указанного вопроса редакционные комиссии отнесли его на разрешение имперскому правительству, которое, несмотря на мнение общего присутствия, утвердило в качестве вида наказания, впоследствии широко принявшегося волостными судами, битье розгами.

После обсуждения программы будущей реформы представителями губернских комитетов итоговый проект в октябре 1860 г. был передан в Главный комитет по крестьянскому делу, где рассматривался до января 1861 г. Затем его обсуждение проходило в Государственном совете.

19 февраля 1861 г. в результате отмены крепостного права были изданы нормативно-правовые акты, пересмотревшие основы взаимоотношений крестьян, помещиков и государства в целом. Таковыми явились Манифест «О Всемиловитейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и изданное на его основе «Общее положение о крестьянах,

⁸⁸Цит. по: Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. С. 107.

⁸⁹Там же.

вышедших из крепостной зависимости», явившееся основным законодательным актом, определявшим пути и способы освобождения крестьян в России⁹⁰.

Согласно нормам «Общего положения о крестьянах...» крестьянское самоуправление включало два уровня – сельское общество и волостной уровень. Основным звеном управления и разрешения дел на уровне сельского общества явился сельский сход, который большинством голосов выбирал старосту, его помощников, мирские комиссии и других должностных лиц. Как правило, избирались самые авторитетные домохозяева, «лучшие люди»⁹¹.

На уровне волости по аналогии с сельским обществом высшим органом управления являлся волостной сход, избиравший старшину и судей сословного волостного суда, особенностью правового статуса которого была обособленность от системы судов общей юрисдикции Российской империи, причем нормативное закрепление организационно-правовых основ его деятельности исключало возможность помещиков влиять на ход разбирательства. Высказываясь о месте и роли крестьянского суда в пореформенный период, правовед М. И. Зарудный утверждал, что при крепостном праве «в сущности, не было надобности в справедливом суде. Настоящими судьями были тогда только помещики, а над ними господствовал высший своевольный суд»⁹².

Раскрывая вопрос о компетенции волостного суда, следует отметить нормы «Общего положения о крестьянах...», гласящие, что данный суд ведал спорами и тяжбами между крестьянами, а также делами «по маловажным их проступкам». Прокурор Московской судебной палаты Н. В. Муравьев замечал, что «волостной суд есть суд крестьянский, судьями в нем заседают выборные из крестьян, и ведает он дела между крестьянами»⁹³. Волостной суд, по его мнению, являлся для крестьян «своим собственным, близким, простым и скорым, компетентным разбирать крестьянские дела не только как в законе указано, но и по старинным сельским обычаям»⁹⁴. Основной задачей волостных судов являлось примирение

⁹⁰См.: ПСЗ РИ. 1863. Т. XXXVI. С. 141; Там же. С. 128.

⁹¹См.: Сушкова Ю. Н. Указ. соч. С. 155.

⁹²Цит. по: Джаншиев Гр. Указ. соч. С. 378.

⁹³Муравьев Н. В. Указ. соч. С. I.

⁹⁴Там же.

спорящих сторон, используя обычное право и традиции деревни. Данная практика способствовала сохранению внутреннего единения сельского мира, ведь конфликты, разрешаемые судьями, были результатом деревенской действительности и возникали именно в крестьянской среде. Вместе с тем, по высказываниям ряда правоведов, до волостного суда доходило сравнительно небольшое количество дел, поскольку крестьяне разрешали имевшиеся споры и при помощи других институтов: сельских сходов, судов стариков, соседей, также старавшихся помирить односельчан⁹⁵.

Анализируя нормы, содержащиеся в главе 3 «О волостном управлении» «Общего положения о крестьянах...», можно выделить ряд принципов организационно-правовых основ деятельности волостного судопроизводства: сословное начало, применение обычного права, наряду с позитивным, привлечение к юридической ответственности и назначение наказания с учетом личности виновного (в рамках уголовного судопроизводства), примирение сторон спора, гласность волостного судопроизводства, выборность состава суда и коллегиальное рассмотрение споров.

«Общее положение о крестьянах...» обособило крестьян (в качестве сословия) от остального населения империи в сфере отправления правосудия. Ведомство волостного суда распространялось на споры и «тяжбы» между крестьянами, а также на дела по «маловажным их проступкам» (ст. 95 Положения). Лица других сословий при разборе споров с крестьянами также могли обращаться в волостной суд (примечание к ст. 101 Положения), судьями которого являлись крестьяне, что подчеркивало сословную организацию его деятельности. Ведомство волостного суда распространялось на «маловажные» проступки крестьян, в случае «когда оные совершены в пределах самой волости против лиц, принадлежащих к тому же состоянию, и без участия лиц других состояний, а также когда означенные проступки не находятся в связи с уголовными преступлениями, кои подлежат рассмотрению общих судебных мест» (ст. 101 Положения).

⁹⁵Сушкова Ю. Н. Указ. соч. С. 154.

Волостной суд принимал окончательное решение по спорам и «тяжбам», возникавшим между крестьянами, цена которых не превышала ста рублей, по жалобам, предметом которых выступало недвижимое и движимое имущество, находящееся «в пределах крестьянского надела», а также по займам, покупкам, продажам и «всякого рода сделкам и обязательствам», а равно «по вознаграждению за убытки и ущерб, крестьянскому имуществу причиненные». По «желанию сторон» без ограничения цены иска могли разрешаться споры, возникавшие между крестьянами и лицами иных сословий, проживавших на территории волости (ст. 98 Положения). Нормативное закрепление таких положений, хотя и являлось основанием для обращения лиц, относившихся к иным сословиям, не крестьянам, в волостной суд, все же не придавало последнему признаков бессословного, равного для всех состояний, суда.

Исходя из содержания «Общего положения о крестьянах...» можно сделать вывод о том, что государственная власть, учреждая волостные суды, признавала существенное влияние иных, не легальных, сельских судебных институтов на фактически сложившуюся систему способов разрешения крестьянских споров, а именно третейский суд (ст. 99 Положения), к которому можно отнести существовавшие в деревнях суды стариков и старейшин. Следует добавить, что особая роль придавалась судам, организованным на основании местного обычая. Данная категория инстанций могла сохраняться при условии избрания судей населением всей волости (примечание 2 к ст. 93 Положения).

Наряду с позитивным правом, волостной суд имел право при отсутствии сделок и обязательств между сторонами разрешать споры, применяя местный обычай либо правила, принятые в крестьянском быту. Обычаи и традиции деревень играли первостепенную роль в разрешении различного рода вопросов. Применительно к деятельности волостного суда важное значение имело избрание на должность судей крестьян, знавших порядок применения того или иного юридического обычая. Гарантом обычного права являлась сельская община, зародившаяся в древности, но не утратившая своих целей – сохранение единства

крестьянского мира и выработка мер, направленных на защиту прав сельских обывателей.

Община представляла собой особую ячейку крестьянского общества со своими традициями и обычно-правовым укладом быта, в полной мере известными лишь ее членам. Волостные судьи могли быть представителями различных сельских общин, причем заседали коллегиально при каждом разбирательстве, в связи с чем, нередко, не имели возможности правильно определить обычай, который необходимо применить. Случалось, что судьи прибегали к обычаям, прямо противоречащим позитивному праву. К примеру, при установлении фактов расточительства поддерживали обычай полной власти домохозяина-отца⁹⁶ либо когда обычай, сложившийся в той или иной местности, в рамках позитивного права признавался преступлением⁹⁷.

Очевидно, волостной суд, применявший в равной степени обычное и позитивное право, являлся авторитетной судебной инстанцией для крестьян, имевших свое видение судопроизводства. Несовершенство же законодательной базы часто побуждало волостных судей прибегать именно к местному обычаю.

Разрешение вопроса о привлечении виновного к юридической ответственности и назначении наказания также находилось в рамках компетенции волостного суда и излагалось в статье 102 «Общего положения о крестьянах...». Следует отметить, что субъективный взгляд волостных судей на споры играл решающую роль в выносимых ими приговорах. «Дурная слава» о человеке ужесточала приговор, и наоборот, отзывы о подсудимом крестьянине как о порядочном и трудолюбивом хозяине учитывались и смягчали вину. Личность крестьянина – стороны судебного разбирательства подлежала тщательному исследованию, в частности при обвинении лица, неоднократно совершавшего преступления. Исследователь дореволюционного уголовного права и процесса И. Я. Фойницкий писал, что в рамках уголовного судопроизводства подсудимому разрешалось задавать вопросы «относительно его репутации и учинения им

⁹⁶См.: Сушкова Ю. Н. Указ. соч. С. 160.

⁹⁷См.: Оршанский И. Г. Указ. соч. С. 15.

других преступных деяний», причем доказывание «дурных склонностей» обвиняемого было возможным, если он сам начал доказывать «свою хорошую репутацию»⁹⁸. Субъективный характер выносимых приговоров являлся следствием отсутствия у судей необходимых знаний позитивного и местного обычного права. В этих случаях судьи разрешали споры «по совести, здравому смыслу, глядя по человеку», а нередко и сами «выдумывали правила для каждого случая»⁹⁹.

При рассмотрении споров крестьян в волостном суде судьи, выслушав «тяжущиеся» стороны, старались их примирить без назначения наказания либо сделать так, чтобы «никому не было обидно» (ст. 107 Положения). Волостной суд стремился вершить правосудие, основываясь на справедливости в назначении наказания. Для достижения указанной цели суд, используя обычное право, нередко распределял «грех» – ущерб, заявленный истцом, поровну с ответчиком. Сущность вопроса заключалась в разделе суммы иска за убытки между истцом и ответчиком так, что потерпевшая сторона удовлетворялась лишь частью потерь. Указанный институт представлялся «одним из самых излюбленных средств правосудия в народном быту» и «получил обширное применение в практике волостных судов»¹⁰⁰. По мнению исследователя обычного права С. В. Пахмана, волостные суды прибегали к данному инструменту в случаях, когда цена поданного иска несоразмерно преувеличена, а основания «невески» и «неясны», чтобы, ссылаясь на них, можно было сделать вывод о виновности лица, против которого заявлена жалоба¹⁰¹. Особая роль указанному процессуальному инструменту отводилась при рассмотрении дел с участием лица, совершившего проступок по неосторожности, либо дел, при разрешении которых доказывалось, что потерпевший мог предотвратить правонарушение, но не сделал этого.

Инструмент равного возмещения причиненного вреда рассматривался в юридической литературе и с отрицательной стороны. Указывалось, что его

⁹⁸Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 240.

⁹⁹Риттих А. А. Указ. соч. С. 20.

¹⁰⁰Пахман С.В. Указ. соч. Т. 1. С. 428.

¹⁰¹Там же. С. 429.

применение нередко являлось следствием безграмотности волостных судей, не разбиравшихся в спорах и «насильно втискивавших» его в решение, по содержанию которого подсудимый был невиновен в совершении проступка, а ему назначали, хотя и частичное, наказание¹⁰². В свою очередь крестьяне из-за отсутствия правового воспитания и в целом недостаточного знания норм права положительно относились к «половинной ответственности» и воспринимали ее в качестве обычного правила¹⁰³.

Гарантом соблюдения норм обычного права признавался принцип гласности волостного судопроизводства. В судебном разбирательстве принимали участие и опрашивались все лица, которые могли что-либо пояснить по существу дела. Во исполнение требования ст. 105 «Общего положения о крестьянах...», судебное разбирательство происходило словесно, т.е. путем устного судоговорения. Указанная норма закрепляла право сторон на знание участвующими в деле лицами всех обстоятельств дела, а также наказания, которое назначалось виновному лицу, что в свою очередь выступало залогом исполнения принятого решения.

Необходимым условием соблюдения принципа гласности судопроизводства являлось применение различных юридических обычаев, регламентировавших процессуальную сторону судебного разбирательства. К таковым относилась «божба» – обычай, возникший во времена зарождения христианской религии. «Божба» применялась судьями в случаях недостатка доказательств, как письменных, так и устных, – показаний свидетелей. Религиозные догмы играли первостепенную роль в крестьянском быту, в силу чего о «божбе» в зале судебного заседания участники процесса говорили, что, когда человек «божится», все собравшиеся «верят не ему, а Богу»¹⁰⁴. Крестьяне верили, что клятва, произнесенная человеком вслух в присутствии односельчан, приравнивается к законной силе иных видов доказательств.

¹⁰²Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1911. Кн. 104. С. 334.

¹⁰³См.: Там же. С. 332.

¹⁰⁴Пахман С. В. Указ. соч. Т. 1. С. 415.

Принцип гласности судопроизводства укрепился за крестьянским судом, в том числе благодаря проведению судебной реформы 1864 г., в результате которой во всех инстанциях судебной системы Российской империи правосудие отправлялось на основе устного открытого для всех судоговорения. Гласность ускоряла ход судебного разбирательства¹⁰⁵, добавляла ему вид демократического начала. Устное гласное судопроизводство являлось неотъемлемым принципом справедливости выносимых волостным судом решений.

Отличительными чертами, присущими учрежденному в 1861 г. волостному суду, явились коллегиальное рассмотрение споров и выборность его судебного корпуса. Волостной сход ежегодно избирал волостных судей в количестве от 4 до 12 человек. Судебное заседание же считалось правомочным принимать решения, если на нем присутствовала коллегия из трех судей (ст. 93 Положения). Волостной сход имел право устанавливать срок осуществления крестьянскими судьями вверенных полномочий по своему усмотрению бессменный – в течение года или по очереди, заранее определенной сходом.

Согласно ст. 111 «Общего положения о крестьянах...» волостной судья имел статус должностного лица органа крестьянского самоуправления. Кандидатами в судьи не могли быть крестьяне, не достигшие возраста 25 лет, в отношении которых велось уголовное преследование, а также осужденные с применением телесного наказания и «заведомо развратного поведения». Кроме того, при избрании судей волостного суда волостным сходом преимущество получали крестьяне-домохозяева (ст. 114 Положения). Помимо особых требований к волостным судьям, «Общим положением о крестьянах...» им предоставлялись определенные льготы. На время замещения должности волостного судьи крестьянин освобождался от применения к нему телесных наказаний и от натуральных повинностей, которые за него «принимало на себя общество» (п. 1, 2 ст. 124 Положения). Крестьянин, избранный на должность волостного судьи, имел право отказаться от нее только в предусмотренных законом случаях: при достижении возраста 60 лет, неоднократном избрании на

¹⁰⁵См.: Джаншиев Гр. Указ. соч. С. 396.

указанную должность и прохождении службы в полном объеме, а также если он имел неизлечимую болезнь. В свою очередь волостной сход был вправе отстранять от должности волостных судей по своему усмотрению (ст. 119 Положения).

Особая роль в системе институтов дореволюционного крестьянского самоуправления и правосудия была отведена волостному старшине, являвшемуся главой исполнительной власти волости. Нормами «Общего положения о крестьянах...» был установлен запрет на вмешательство волостного старшины в ход судебного разбирательства (ст. 104 Положения), однако его мнение нередко учитывалось волостными судьями, поскольку глава волости устанавливал дни рассмотрения споров и «тяжб», а также имел право ходатайствовать перед волостным судом о возбуждении судопроизводства, так как большое количество крестьянских исков приносилось именно через старшину. Влияние волостного старшины на крестьянский суд проявлялось и в том, что он нередко определял состав судейской коллегии на каждое заседание, хотя такое право не было закреплено в законе. Более того, старшина обладал правом налагать «за маловажные проступки по службе» взыскания на волостных судей, за исключением назначения общественных работ (ст. 126 Положения).

Таким образом, позиция законодателя, изложенная в «Общем положении о крестьянах...», о невмешательстве посторонних лиц сельского и волостного управления в деятельность крестьянского суда носила формальный, условный характер. Фактически же волостные судьи были зависимы от главы волости, а значит, от исполнительной власти, в связи с чем демократические начала крестьянского сословного судопроизводства, провозглашенные реформой, освобождавшей крестьян, в полном объеме не были реализованы.

«Общее положение о крестьянах...» не содержало норм, предусматривавших требование грамотности волостных судей, в связи с чем большая их часть была недостаточно грамотна. В рамках же полномочий при рассмотрении разнородных споров крестьян волостной судья должен был знать действовавшее гражданское и уголовное законодательство и нормы обычного

права, уметь их толковать и применять. В этой связи при низком уровне грамотности судей возрастала роль волостного писаря – должностного лица волости, имевшего определенный уровень образования, умевшего писать и читать, а также принимавшего участие в вынесении решений по делам. Право избрания или назначения на должность волостного писаря из числа «лиц хорошего поведения» было предоставлено волостному сходу (ст. 113 Положения). Писарями не могли стать лица, «исключенные из службы, либо опороченные по суду, либо стоящие перед судом и следствием и вообще заведомо развратного поведения» (ст. 115 Положения). Волостной писарь выполнял функции делопроизводителя волостного правления и секретаря судебного заседания в волостном суде. В соответствии с нормами «Общего положения о крестьянах...» он вел следующие документы: книгу по делам «особой важности», книгу приказов, книгу приговоров волостных сходов, книгу сделок и договоров, книгу решений волостных и третейских судов. В последней книге были отражены имена истцов и ответчиков, потерпевшего и подсудимых, вид и мера наказания.

Основанием для возбуждения дела в волостном суде, по общему правилу, являлась жалоба, поданная потерпевшей стороной. «Общим положением о крестьянах...» также предусматривались рапорт волостного старшины и заявление иного лица, сообщившего о конфликте. Решения волостного суда по спорам и «тяжбам» между крестьянами, где цена иска не превышала 100 рублей включительно, а также приговоры суда по проступкам крестьян формально признавались окончательными и не подлежали обжалованию (ст. 96, 109 Положения). Фактически же в соответствии со ст. 127 «Общего положения о крестьянах...» крестьяне имели право приносить жалобы мировому посреднику на действия должностных лиц волости, в том числе на судей. В итоге под предлогом существования процессуальных нарушений со стороны волостных судей стороны судебных разбирательств, несогласные с выводами суда, нередко подавали жалобы мировым посредникам по существу рассмотренных дел.

В рамках уголовного судопроизводства волостной суд был самостоятелен в выборе мер и видов наказания. Он приговаривал виновных к общественным

работам сроком до 6 дней, либо денежному штрафу в сумме до 3 рублей, либо к аресту сроком до 7 дней, «или лиц, от телесного наказания не изъятых», к телесному наказанию в виде розг до двадцати ударов (ст. 102 Положения). Между тем к унижительному наказанию в виде ударов розгами волостной суд не приговаривал престарелых крестьян, достигших возраста 60 лет, должностных лиц волости, а также лиц, занимавших должности неопределенный срок, крестьян, прошедших обучение в уездных, земледельческих училищах и приравненных к ним, а также обучавшихся в высших учебных заведениях.

6 августа 1861 г. круг лиц, который волостные судьи не имели права приговаривать к телесному наказанию, расширился. Привилегированным положением пользовались женщины, достигшие возраста 50 лет, окончившие учебные заведения, замещавшие должности повивальных бабок, «смотрительниц» больниц, школ и училищ, а также являвшиеся членами семей, «изъятых от телесного наказания»¹⁰⁶.

17 апреля 1863 г. в соответствии с Законом «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных»¹⁰⁷ применение телесных наказаний по отношению к крестьянам было запрещено, если они были сопряжены с иными «высокими» мерами наказаний. Делается вывод, что с принятием данного закона в полной мере реализовались рекомендации общего присутствия редакционных комиссий о порядке назначения наказаний. Санкции, унижавшие честь и достоинство крестьян, были запрещены.

В период зарождения волостной юстиции большое влияние на деятельность волостного суда оказывали мнение Государственного совета, а также решения и разъяснения Правительствующего сената по вопросам применения норм действующего законодательства. Примером могут служить разъяснения о пределах власти волостных судов от 12 июля 1862 г., о мерах по охранению земельных угодий от потрав и других повреждений от 18 июля 1862 г., о порядке производства дел по спорам о рекрутских квитанциях от 1 ноября 1862 г. и т.д.

¹⁰⁶ПСЗ РИ. 1863. Т. XXXVI. С. 228.

¹⁰⁷Там же. 1866. Т. XXXVIII. С. 352.

14 февраля 1866 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния утвердил Положение «О порядке отмены решений волостных судов», нормы которого сняли противоречия, возникавшие при обжаловании решений волостного суда. За волостными судами было закреплено право выносить окончательные и не подлежащие обжалованию решения в случаях, когда при разборе дела и постановлении решений были соблюдены правила, указанные в ст. 96–98, 101 и 102 «Общего положения о крестьянах...». В случаях нарушения подсудности при рассмотрении дела либо несоответствия размера вынесенного наказания совершенному проступку, а равно при рассмотрении дела без вызова сторон жалобы крестьян могли приноситься в уездный съезд мировых посредников в срок, не превышавший 30 дней. Съезд не разрешал жалобу по существу, а передавал ее на новое рассмотрение в волостной суд либо по подсудности в иные судебные инстанции.

2 мая 1870 г. Положение «О порядке отмены решений волостных судов» было дополнено инструкцией Министерства внутренних дел «О времени вступления приговоров волостных судов в окончательную законную силу»¹⁰⁸. Приговоры волостных судов признавались окончательными и не подлежали обжалованию. Вместе с тем если приговор волостного суда был вынесен с нарушениями закона, то он мог быть обжалован в мировом съезде посредством подачи жалобы мировому посреднику в течение 30 дней. Кроме того, мировой посредник имел право самостоятельно обращаться в мировой съезд с просьбой отменить приговор суда и без уведомления лица, «до коего приговор касался»¹⁰⁹. Также указывалось, что решение волостного суда вступает в законную силу и подлежит исполнению в случаях, когда на решение объявлено удовлетворение или когда удовлетворение не было объявлено, но просьбы об отмене решения в установленный срок не поступало¹¹⁰.

В период разработки проектов Судебных уставов обсуждался вопрос о соотношении будущей мировой и волостной юстиции. Согласно разъяснениям

¹⁰⁸См.: Тихонов Е. Волостной суд и мировой судья в крестьянских селениях. Ковно, 1872. С. 161.

¹⁰⁹Там же.

¹¹⁰Там же. С. 162.

Государственного совета № 65 от 28 апреля 1862 г. мировой судья не мог заменить волостную юстицию, которая при таких обстоятельствах могла бы принять вид предварительной расправы. Вместе с тем при определении подсудности и разграничении компетенции крестьянского и мирового суда возникало множество трудностей. Дореволюционные исследователи местной юстиции указывали, что «волостные суды беспрестанно принимают к своему разбирательству дела, вовсе им не принадлежащие... и даже такие случаи, в которых... невозможно усмотреть признака какого-либо проступка»¹¹¹. Мировому же судье запрещалось принимать к своему разбирательству дела, подсудные волостному суду, и лишь «позднейшие разъяснения кассационных департаментов дали право мировому суду принимать к разбирательству некоторые дела, подлежащие волостному суду, но разъяснения эти неизвестны крестьянам»¹¹². Следует отметить, что в период с 1861 по 1864 г. происходило зарождение системы местной юстиции Российской империи – мировой и волостной, в связи с чем проблемы, возникавшие в их деятельности, были оправданны и допустимы. Вместе с тем параллельная их деятельность способствовала лучшему правовому воспитанию жителей деревень и скорому искоренению в крестьянской среде правового нигилизма.

К концу 60-х гг. XIX в. административные преобразования в сфере территориального устройства и управления были распространены на все губернии Российской империи и соответственно на все крестьянское население. Уровни системы органов местного самоуправления стали идентичными для всего крестьянства: сельское общество (мирское управление) – сельский сход и староста, стоявший во главе сельского управления; волость – волостной сход и старшина, избираемый крестьянами волости и возглавлявший волостное правление. Волостной сход формировал крестьянский суд. Такая система, по мнению творцов крестьянской реформы, четко определяла место волостного суда в структуре органов местного самоуправления деревни, его роль и компетенцию.

¹¹¹Тихонов Е. Указ. соч. С. 2.

¹¹²Там же. С. 3.

Подводя итог, следует отметить, что в основу учреждения системы волостной юстиции была положена идея общего присутствия редакционных комиссий под председательством Я. И. Ростовцева создать судебный институт, ориентированный преимущественно на крестьян, свободный от влияния исполнительной власти, состоящий из сельских жителей, избранных из своей среды, а не назначенных извне, способный посредством применения в качестве источника, наряду с позитивным, обычного права разбирать повседневно-бытовые споры крестьян. Результатом данной идеи с некоторыми уточнениями стало «Общее положение о крестьянах...», впервые нормативно закрепившее основные демократические начала судебного процесса – гласность, коллегиальное рассмотрение споров, право на всестороннее рассмотрение всех обстоятельств дела.

Скептики указывали на сословный признак волостного суда как на отрицательную черту. Их мнение сводилось к тому, что принцип равенства всех перед законом и судом, провозглашенный реформой 1861 г., предполагал создание равных для поданных всех сословий Российской империи условий защиты их нарушенных прав, в том числе учреждение общего бессословного суда. Сословный крестьянский суд не отвечал указанным требованиям, в связи с чем целесообразность его существования ставилась под сомнение¹¹³.

¹¹³См.: Леонтьев А. А. Крестьянское право... С. 93.

1.2. Правовое положение волостного суда как органа крестьянского правосудия в условиях правовых преобразований 1889 г.

Волостной суд в том виде, в каком он был учрежден «Общим положением о крестьянах...» от 19 февраля 1861 г., просуществовал до 1889 г. Вместе с тем за три десятилетия произошли существенные изменения в деревенском быту, системе самоуправления и отправления правосудия. Актуализировался вопрос о реорганизации волостного суда с целью более эффективного обеспечения его дальнейшей деятельности. Понимание назревших перемен отражалось в представлениях как должностных лиц, так и самих крестьян, осуществлявших самоуправление в сельской местности. В основном указанные представления сводились к необходимости реорганизации волостного суда и обсуждения его дальнейшей судьбы.

С момента учреждения крестьянского суда был собран обширный материал по применению им юридических обычаев. В то же время законодательство за аналогичный период «не ступило ни шага на пути водворения правового устройства в крестьянской среде»¹¹⁴, не произошло сближения народной юстиции с общей. Назрел вопрос о реорганизации деятельности волостного суда¹¹⁵. Не исключалась возможность его полной ликвидации.

16 декабря 1871 г. в соответствии с Указом императора «О возложении на комиссию для подробного обсуждения вопроса о волостных судах и исследования положения сих судов»¹¹⁶ была создана комиссия, основной целью которой являлось исследование деятельности волостных судов в различных местностях Российской империи. Ее председателем был назначен сенатор, тайный советник М. Н. Любощинский.

Проблема реорганизации институтов сельского правосудия едва ли могла быть разрешена на основе процессуальных актов, в том числе приговоров и

¹¹⁴Леонтьев А.А. Крестьянское право... С. 108–109.

¹¹⁵См.: Гребенщиков М. Григорий Бразол об упразднении волостных и сельских судов // Журн. гражд. и уголов. права. 1886. Кн. 6. С. 147–155.

¹¹⁶См.: ПСЗ РИ. 1874. Т. XLVI. С. 771.

определений. Функционирование волостного суда в той или иной местности определялось и такими факторами, как личность судей, качество делопроизводства, мнение крестьян, в связи с чем перед комиссией ставилась дополнительная задача истребовать отзывы служащих волостных судов, а также мнения других лиц, которые она признавала для себя «полезными».

Комиссии предлагалось собрать статистические сведения о работе волостных судов, исследовать на месте внутреннюю и внешнюю обстановку, их положение и деятельность, истребовать отзывы от лиц, более или менее близко стоявших к крестьянскому суду, о необходимости и значении этого сельского института правосудия. Указывалось, что ее деятельность не должна «оттеняться характером ревизии волостных судов, а должна быть строго ограничена» собиранием такого рода сведений и материалов, которые дали бы возможно более полное и точное понятие о современном положении крестьянского суда как учреждения судебного вообще и как «суда по народному обычаю в особенности»¹¹⁷. Программа работы комиссии в полном объеме опубликована в первом томе «Трудов комиссии по преобразованию волостных судов».

За период работы с 1871 по 1874 г. комиссия, изучив деятельность 480 волостных судов в 14 губерниях, включая Владимирскую, Московскую, Тамбовскую, Харьковскую, Полтавскую, Киевскую, Екатеринославскую, Самарскую, Саратовскую, Вологодскую, Новгородскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, пришла к выводу о необходимости сохранить данный институт, имевший, по мнению исследователей, преимущество перед иными формами крестьянских судилищ. Следует отметить, что в «Трудах комиссии по преобразованию волостных судов» содержатся не фрагментарные статистические упоминания о спорах крестьян, а развернуто рассмотрены материалы гражданских и уголовных дел, сделаны акценты на применение в некоторых из них юридических обычаев. Выводы, сделанные членами комиссии, не требовали дополнительного обоснования и могли лечь в основу преобразований системы местных судов Российской империи.

¹¹⁷Труды комиссии по преобразованию волостных судов... Т. 1. С. I.

В процессе модернизации модели крестьянского самоуправления и правосудия органы государственной власти конца XIX в. учитывали данные ревизий, отзывы сельских начальников, крестьян. В то же время материал, собранный комиссией, представлялся уникальным источником для изучения крестьянского быта и семьи, юридических обычаев различных народов империи.

Наряду с исследованиями специальных комиссий, организованных органами власти, за аналогичный период проводились экспедиции для изучения сельской жизни крестьян, в ходе которых немалое внимание обращалось на деятельность волостных судов.

10 ноября 1872 г. по представлению Комитета министров был издан Указ, утверждавший «Положение о Юго-Западном отделе Императорского Русского географического общества»¹¹⁸, по которому в Киеве создавался особый отдел Императорского Русского географического общества в целях сбора сведений о крае, хранящихся в местных архивах и у частных лиц, определения их значения для науки, снаряжения «ученых экспедиций» для сбора «через местных жителей» этнографического и статистического материала края, оказания содействия ученым из других регионов страны, исследующих юго-западный край, сбора и хранения учебных пособий, относящихся к кругу своих занятий, – книг печатных и рукописных, актов, карт и этнографических предметов.

За три года до организации Юго-Западного отдела, в 1869 г., по инициативе ИРГО была организована этнографическо-статистическая экспедиция в западно-русский край, возглавляемая действующим членом общества П. П. Чубинским. Около двух лет, с 1869 по 1870 г., члены экспедиции провели в поездках по городам Малороссии. Ее результаты в 1872 г. были изданы в четырех томах трудов этнографическо-статистической экспедиции в юго-западный край. Еще три тома вышли в свет в 1877 и 1878 гг. Экспедицией исследовались волостные суды 50 уездов, проанализированы книги их решений, начиная с 1861 г.

В шестом томе «Трудов...» содержится материал, содержащий практику применения волостными судами юридических обычаев. Крестьянский суд

¹¹⁸См.: ПСЗ РИ. 1875. Т. XLVII. С. 948–949.

представлялся членам экспедиции в качестве центра взаимодействия обычного права разных народов. По их высказываниям, суды не только являлись источником изучения и обобщения народных юридических обычаев крестьян, но и служили «отражением умственного и нравственного состояния народа вообще»¹¹⁹.

Исследователи деятельности крестьянских судов пришли к выводам об отсутствии нелепых или «явно недобросовестных» их решений, жалоб на действия служащих, убедились в том, что чаще всего к волостной юстиции обращались лица крестьянского сословия, однако имелись иски лиц и иных состояний. В то же время выделялись случаи отказа в правосудии жалобщикам, чрезмерной длительности исполнения решений, неполучения волостными судьями вознаграждения за их работу. В качестве разрешения названных проблем членами экспедиции было предложено заменить съезд мировых посредников съездом мировых судей, наделив его полномочиями «руководящей инстанции» к волостным судам. Кроме того, члены экспедиции отмечали, что по мере развития модели местного управления организационно-правовые основы деятельности волостного суда также будут меняться в лучшую сторону, поскольку уже на момент исследования имелась положительная практика добровольного обращения лиц некрестьянского сословия, которые наравне с крестьянами «отыскивали удовлетворение» в сословном суде¹²⁰.

Таким образом, в результате этнографическо-статистического исследования члены экспедиции провели всесторонний анализ деятельности волостных судов, необходимый в том числе и органам имперской власти для разрешения вопроса о дальнейшем их существовании. По мнению руководителя экспедиции П. П. Чубинского, «за будущность этого учреждения опасаться нет основания», ведь «только он один солидарен с народом в воззрениях на подобные правоотношения»¹²¹.

¹¹⁹Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край... Т. 6. С. II.

¹²⁰Там же. С. XI.

¹²¹Там же.

Необходимость пересмотра законодательства в сфере местного самоуправления и системе крестьянских судебных учреждений стала очевидной спустя несколько лет с момента учреждения волостного суда. В соответствии с реформами 1960-х гг. создавались новые территориальные единицы империи и органы для их управления. Вместе с тем положения реформ не затронули вопросы местного административного строя. Законодательно не разграничивались полномочия земства и администрации. Фактически происходило слияние судебной и исполнительной власти села. Главным недостатком существовавшей системы местного самоуправления с начала проведения реформ, по мнению членов правительства, было то, что «великие реформы, изменив заведование хозяйственными делами губернии, не успели коснуться административного ее строя, вследствие чего правительственные установления оказались не вполне приспособленными к условиям вызванной означенными преобразованиями новой деятельности»¹²².

Необходимость перемен привела к учреждению 4 сентября 1881 г. под председательством статс-секретаря М. С. Каханова комиссии, основной задачей которой стала разработка программы реформ в сфере местного самоуправления. 16 апреля 1882 г. Комитетом министров был одобрен общий план деятельности комиссии, включавший разделы по переустройству сельского общества и волостного управления. Во второй раздел вошли вопросы сферы крестьянского правосудия.

В ходе работы комиссии была предложена новая организационно-правовая структура волости. Единоличным органом управления становился волостель, избираемый на 6 лет уездным земским собранием. Волостель становился общим органом управления, как земского, так и коронного. Следующий тип организации волости предусматривался проектом комиссии, впоследствии реализованным в ходе преобразований 1889 г. Волости объединялись в участки, возглавляемые участковыми начальниками преимущественно из дворян. Для них устанавливался образовательный ценз среднего уровня, для лиц иных сословий – высшего. В

¹²²Гессен В. М. Указ. соч. С. 101–102.

компетенцию участковых начальников входила как административная, так и судебная власть. По мнению членов комиссии, слияние судебной и административной ветвей власти способствовало устранению части недостатков местного управления, в числе которых они назвали «многочисленность органов, отсутствие руководящей и надзирающей над крестьянским самоуправлением власти, беззащитность крестьянства от разных эксплуататоров и хищников, постоянные пререкания отдельных органов управления и т. д.»¹²³.

Рассматривая общие вопросы крестьянского самоуправления, члены комиссии выделяли ряд проблем, присущих волостной юстиции, а именно отсутствие самостоятельности судей при принятии решений, фактическое подчинение их волостному старшине и писарю. Отмечалось, что многие жители деревень хотя и положительно высказывались о деятельности сословного суда, однако нередко признавали неясным порядок обжалования его решений, в связи с чем комиссия М. С. Каханова выступала за внесение в соответствующие нормативно-правовые акты отдельных изменений, отказываясь от программы упразднения волостного суда в целом.

Согласно общепринятому проекту комиссии волостной суд по своему составу и компетенции оставался сословным – крестьянским. Судьями могли стать лица не моложе 30 лет, избранные от каждого сельского общества в количестве до трех человек. Их утверждение в должности должно было производиться волостелем. Принцип коллегиального рассмотрения дел сохранялся. Функции председателя суда возлагались на мирового судью. Компетенция волостного суда в силу его сословного характера распространялась только на крестьян.

По мнению членов комиссии, указанные изменения могли способствовать устранению недостатков в деятельности волостных судов, поставить их на ту ступень «благоустройства», на которой было бы желательно их видеть, пока не признано будет возможным приступить к совершенному их упразднению, что

¹²³Гессен В. М. Указ. соч. С. 177.

представлялось при «настоящем развитии крестьян еще преждевременным»¹²⁴. Следует отметить, что рассматриваемая программа изменений вносила кардинальные положительные коррективы в организацию крестьянского суда, а именно он становился подведомственным не органам исполнительной власти деревни, а мировому судье – субъекту судебной системы Российской империи, обладавшему достаточными знаниями позитивного права и способному профессионально рассматривать различные споры крестьян, основываясь на принципе разделения судебной и исполнительной ветвей власти.

Между тем проект преобразований комиссии М. С. Каханова не получил одобрения имперского правительства. Программа же реформирования местного управления и сельского правосудия алатырского уездного предводителя дворянства – одного из членов комиссии А. Д. Пазухина оказалась реализованной в 1889 г. Он считал земство неустойчивым институтом, имевшим случайный состав, что привело к дезорганизации Российской империи, призывал возвратиться к административному надзору за сельским и крестьянским общественным управлением с предоставлением широких прав органам такого надзора¹²⁵. Будучи членом правительственной комиссии, он придерживался проекта, выдвинутого Симбирской губернией¹²⁶, утверждая, что руководство волостью должно строиться на принципе единоначалия земского судьи, сосредоточившего административную и судебную власть. Земский судья должен был нести ответственность за общий порядок и спокойствие в волости, отправлять правосудие в пределах, предоставленных «нынешним мировым судьям», выполнять земско-хозяйственные функции, а также контролировать поступление всевозможных сборов¹²⁷. В должности земского судьи предлагалось утверждать исключительно лиц дворянского сословия.

Проект А. Д. Пазухина получил отражение в утвержденных Александром III 12 июля 1889 г. законоположениях: «Положение о земских участковых

¹²⁴Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 6.

¹²⁵См.: Верещагин А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М., 2002. С. 90.

¹²⁶См.: Гессен В. М. Указ. соч. С. 195.

¹²⁷Там же. С. 196.

начальниках», «Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение», «Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках», «Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках»¹²⁸. Основой данных нормативно-правовых актов стал Указ «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в империи»¹²⁹, предусматривавший реформу органов местного управления.

Согласно нормам «Временных правил...» волостной суд состоял из четырех судей, один из которых решением уездного съезда земских начальников назначался председателем. Каждое сельское общество, находящееся в пределах волости, избирало одного кандидата в судьи, достигшего возраста 35 лет, не судимого за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества, а равно не подвергавшегося телесному наказанию, не являвшегося содержателем питейных заведений, не занимавшего иную должность в волостном или сельском управлении. Четыре кандидата утверждались на должность решением земского начальника сроком на три года, а оставшиеся заменяли судей в случае их выбытия. Кандидаты заступали на должность, «если кто из них выбудет из должности раньше трехлетнего срока или окажется во временной отлучке, по болезни или по иной уважительной причине. Для такого заступления кандидатов в должность волостного судьи, земский начальник назначает между кандидатами очередь: кому, когда и за кого из судей заступать в должность»¹³⁰. В разрешении дел волостным судом участвовала постоянная коллегия, состоящая не менее чем из трех судей (ст. 9 «Временных правил...»). Заседания суда собирались не реже чем два раза в месяц, преимущественно по воскресеньям и праздничным дням (ст. 8 «Временных правил...»).

В итоге изменения в организации волостного суда были очевидны. По мнению ряда правоведов, волостные судьи, получившие свой статус в 1861 г., из разряда представителей крестьянства перешли в разряд сельских чиновников, так

¹²⁸См.: ПСЗ РИ. 1891. Т. IX. С. 508.

¹²⁹Там же. С. 507.

¹³⁰Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 7.

как уже не избирались напрямую из своей среды, а назначались на должность «посторонним лицом» некрестьянского сословия, «зачастую по своему разумению»¹³¹. С другой стороны, нормы «Временных правил...» придали им большой авторитет, указывая, что на должность судьи назначались крестьяне, «пользующиеся уважением своих односельчан и, по возможности, грамотные», приводимые к присяге. При исполнении своих должностных обязанностей они носили специальный отличительный нагрудный знак волостного судьи. Кроме того, впервые нормативное закрепление получил порядок получения денежного вознаграждения волостными судьями. Для председателя суда вознаграждение составляло не более 100 рублей в год, для судей – не более 60 рублей.

Делопроизводство волостного суда, как и ранее, вел волостной писарь, однако по решению земского начальника указанная функция могла возлагаться на одного из волостных судей. Размер денежного вознаграждения волостным писарям нормативно не закреплялся. Указывалось, что «в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках», уездному съезду предоставлялось право устанавливать «размер жалования волостного писаря»¹³².

Сохранялся сословный принцип организации и деятельности волостной юстиции. Компетенция волостного суда с 1889 г. была распространена на проступки, совершенные крестьянами в пределах территории волости против лиц, принадлежащих к крестьянскому сословию. Лица, принадлежавшие к другим состояниям, могли «отыскивать удовлетворение» в волостном суде только со своего личного согласия.

По сравнению с «Общим положением о крестьянах...» нормы «Временных правил...» расширили пределы полномочий и предмет ведения волостного суда. Данное обстоятельство стало возможным в связи с ликвидацией института мировых судей в соответствии с Правилами «Об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение»¹³³ и Правилами «О

¹³¹Бурбанк Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Изв. вузов. Правоведение. 2003. № 2. С. 189; Леонтьев А. А. Крестьянское право... С. 111.

¹³²ПСЗ РИ. 1897. Т. XIII. С. 590.

¹³³См.: Там же. 1891. Т. IX. С. 524.

порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках»¹³⁴. Часть дел, ранее рассматривавшихся мировыми судьями и касавшихся крестьян, была передана волостному суду. В результате подведомственность дел волостного суда определялась предметом разбирательства, возникавшим из споров, «по роду своему подсудных волостному суду», кругом лиц, подсудных волостному суду, а именно крестьян, мещан, посадских, ремесленников и цеховых, постоянно проживающих на территории волости, территорией – волостью, за которой закреплялся крестьянский суд¹³⁵.

Исследователь дореволюционного гражданского права и процесса Е. В. Васьковский разграничил компетенцию волостного суда. В основу классификации был положен факт присутствия земского начальника в «местностях». Так, в тех уездах, где он отсутствовал, волостной суд ведал: 1) исками, цена которых не превышала 100 рублей, вытекавшими из обязательств или касавшихся прав на имущество, как движимого, так и недвижимого, в пределах крестьянского надела, а также исками о восстановлении нарушенного права владения; 2) исками между крестьянами и лицами других сословий, а также спорами по поводу прав на недвижимое имущество вне надела, при условии, если ответчик не требовал, чтобы дело рассматривалось общими судами; 3) всеми исками без ограничения цены как между крестьянами, так и между крестьянами и лицами других сословий при условии, если стороны согласились передать их на разрешение волостному суду. В тех уездах, где земский начальник присутствовал, волостной юстиции передавались на рассмотрение: 1) все иски между крестьянами об имуществе, входившем в состав крестьянского надела, независимо от их цены; 2) дела, связанные с вопросом раздела имущества, переходившего по наследству, но не входившего в состав крестьянского надела, цена которого превышала 500 рублей; 3) иски между крестьянами, мещанами, посадскими, ремесленниками и цеховыми, постоянно проживавшими в волости, цена которых не превышала 300 рублей, за исключением исков о праве

¹³⁴ПСЗ РИ. 1891. Т. IX. С. 532.

¹³⁵См.: Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 13.

собственности или праве владения недвижимым имуществом, если основанием возникновения указанного права являлось нотариальное удостоверение; 4) перечисленные в п. 3 иски, если они были предъявлены не в подведомственный волостной суд, но стороны не имеют по поводу данного факта возражений¹³⁶.

Таким образом, с учетом преобладания уездов, за участками которых были закреплены земские начальники, компетенция волостного суда согласно «Временным правилам...» в сравнении с «Общим положением о крестьянах...» в рамках гражданского судопроизводства была значительно расширена. Данное обстоятельство связывалось прежде всего с ликвидацией мировой юстиции и передачей части ее дел крестьянскому суду. Кроме того, слияние на местном уровне исполнительной и судебной власти в лице земского начальника способствовало лучшему надзору и контролю за деятельностью волостного суда, вследствие чего у него появилось право рассматривать более сложные гражданские дела. Самих же крестьян новая организация сословного суда привлекала возможностью уладить «всякого рода споры и тяжбы» правовым способом¹³⁷.

В соответствии с «Временными правилами...», а также с учетом ликвидации мировой юстиции волостной суд обладал полномочиями рассматривать не только дела по «маловажным» проступкам крестьян, но и правонарушения, указанные в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»¹³⁸ и входившие в компетенцию последних. К компетенции крестьянского суда относились проступки подведомственных ему лиц, предусмотренные статьями 30, 31, 33–39, 41–43', 45–47, 49–52, 55–57, 61, 65, 66, 69, 70, 72, 73, 88, 89, 91, 92, 94–96, 98, 111, 115–128, 130, 131, 132–137, 139–143, 145–153, 178–180' «Устава о наказаниях...», а также статьями 169, 170, 172–174 в случае, если стоимость похищенного имущества не превышала 50 рублей или если хищения совершены впервые либо во второй раз. Впервые законодателем был частично регламентирован институт соучастия в совершении преступления.

¹³⁶ См.: Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 91–92.

¹³⁷ См.: Бурбанк Дж. Указ. соч. С. 193.

¹³⁸ См.: ПСЗ РИ. 1867. Т. XXXIX. С. 401.

За проступок отвечал и подлежал наказанию не только тот, «кто сам его сделал, но и тот, кто в нем вместе с другими принял участие...»¹³⁹. Выделялась роль подстрекателя в совершении преступления. Данное лицо несло равную ответственность, наряду с исполнителем¹⁴⁰. Нововведением также было рассмотрение волостным судом дел, вытекавших из нарушений работником договора найма, заключенного без «договорного листа», по прогулам работника, а также привлечение к ответственности крестьян за «мотовство и пьянство», в случае если эти проступки влекли разорение хозяйства.

Следует отметить, что до 1889 г. количественные и качественные характеристики проступков крестьян не закреплялись в законе. Во «Временных правилах...» были четко сформулированы нормы по определенным мелким проступкам, в том числе перенесенные из «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Частично регламентировался порядок применения юридических обычаев в качестве источника права в связи с включением в законоположения норм, запрещающих нарушать общественный порядок и прототип трудового права у крестьян.

Разбирательство дела в волостном суде, как и по «Общему положению о крестьянах...», инициировалось лицом с подачи жалобы, которая могла быть устной или письменной, причем подавалась в суд, либо волостному старшине, либо земскому участковому начальнику. Уголовное судопроизводство возбуждалось «по приказу земского начальника, по требованию или сообщению полиции, волостного старшины и других чинов»¹⁴¹.

Нормы «Временных правил...» предусматривали обязанность сторон судебного разбирательства являться в суд лично. Не была исключена возможность в случае болезни, неотложных семейных или хозяйственных дел заменить себя представителем из числа родных, домашних или односельчан, а лица, неподсудные волостному суду, могли доверить представление своих

¹³⁹Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 43.

¹⁴⁰Там же. С. 44.

¹⁴¹Там же. С. 13, 55.

интересов управляющим, приказчикам, старостам и т.д.¹⁴² Волостной суд в случае необходимости вызывал на допрос свидетелей, которые обязывались являться лично, а свидетели из числа неподсудных крестьянскому суду лиц представляли письменные показания, приносимые через земского участкового начальника (ст. 24 «Временных правил...»).

По аналогии с нормами «Общего положения о крестьянах...» «Временные правила...» отразили базовое начало отправления правосудия, характерного для волостной юстиции, а именно примирение сторон либо разрешение дел по совести и разбор тяжб и споров, преимущественно руководствуясь местными обычаями (ст. 28 «Временных правил...»).

Законодательством о местной юстиции от 1889 г. утверждались новый порядок назначения наказаний волостными судьями, их виды и размер. Нововведением явился выговор в присутствии суда и изменены: 1) денежный штраф от 25 копеек до 30 рублей; 2) арест, срок которого был увеличен до 15 дней, причем подразумевалась классификация на «простой» и «строгий», условием которого было содержание заключенного «на хлебе и воде», а в случае применения ареста за кражу, мошенничество или присвоение чужого имущества его срок мог быть продлен до 30 дней, а с апреля 1896 г. – до 6 месяцев; 3) наказание розгами до двадцати ударов¹⁴³.

Ужесточение норм, содержащих такие санкции, как арест и штраф, было связано с прекращением деятельности мировых судей, которые применяли арест сроком до 3 месяцев и штраф до 300 рублей¹⁴⁴. При назначении наказания волостным судьям предписывалось руководствоваться ст. 2, 9–11, 17–20 и 22–26 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», а в ст. 38 «Временных правил...» предусматривались проступки, перенесенные из Устава, за которые волостной суд имел право приговаривать к аресту или розгам.

Кардинальным отличием «Временных правил...» от «Общего положения о крестьянах...» являлось то, что у сторон споров и тяжб появилось право на

¹⁴²Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 26.

¹⁴³См.: ПСЗ РИ. 1899. Т. XVI. С. 276.

¹⁴⁴Там же. 1867. Т. XXXIX. С. 401.

обжалование неправосудных приговоров крестьянских судов. Их решения вступали в законную силу по истечении 30 дней с момента вынесения, если на них не были поданы жалобы сторон, участвовавших в деле (ст. 29). Вместе с тем в 1892 г. Государственный совет внес поправку о том, что в отношении крестьян, отказавшихся обжаловать действия волостного суда, решение вступало в законную силу незамедлительно. Жалобы с приложенной копией решения подавались на рассмотрение земскому начальнику через волостной суд с последующей передачей их уездному съезду земских начальников (ст. 30–31). При рассмотрении жалобы уездный съезд выносил одно из следующих решений: отменить решение волостного суда; оставить в силе решение суда; вынести новое решение по существу дела; передать дело на новое рассмотрение в другой волостной суд (ст. 32). В результате данные нововведения положительно отразились на правовой жизни крестьянства. Волостные судьи стали реже выносить «нелепые» и незаконные решения, учитывая обобщенную практику уездных съездов.

Нормативно-правовые акты от 12 июля 1889 г. отразили перемены в крестьянском правосознании, произошедшие с момента издания «Общего положения о крестьянах...» от 19 февраля 1861 г., четче формулировали организационно-правовые основы деятельности крестьянской волостной юстиции, конкретизировали порядок избрания судей, ход судебного разбирательства. С другой стороны, ограниченной оставалась регламентация судебного процесса, не затрагивались вопросы о способах предъявления иска, содержании исковых требований, порядке вызова сторон в волостной суд. Базовым же недостатком «Временных правил...» явилась ликвидация принципа, провозглашенного реформой освобождения крестьян, – независимости крестьянского суда от «посторонних» влияний в связи с введением контроля за его деятельностью представителями «местного дворянства» – земскими участковыми начальниками¹⁴⁵.

¹⁴⁵См.: Леонтьев А. А. Крестьянское право... С. 111.

В соответствии с «Временными правилами...» земский начальник утверждал четырех волостных судей из восьми избранных кандидатов, приводил их к присяге, а также решал вопрос, кому из волостных судей или волостному писарю вести делопроизводство (ст. 11). Он был обязан производить ревизию судов не реже двух раз в год. В его компетенцию входило разрешение вопроса о подсудности споров и тяжб (ст. 20, 21), прием жалоб крестьян для последующей передачи их в волостной суд и уездный съезд (ст. 22, 30). Земский начальник принимал окончательное решение о применении телесного наказания к осужденному, согласовывал отсрочку исполнения ареста до 6 месяцев.

Земские начальники осуществляли тотальный контроль за деятельностью волостных судов. Часть определений волостные судьи выносили «под их диктовку»¹⁴⁶. Сами же земские начальники, оправдывая свое вмешательство в судопроизводство, отмечали, что, несмотря на их старания, суды в своем составе редко имели «грамотного» председателя, умевшего «с грехом пополам написать свою фамилию»¹⁴⁷.

Институт земских участковых начальников объединил две ветви власти деревни – административную и судебную, а также наделялся правом наказывать всех провинившихся крестьян. Согласно ст. 61 «Положения о земских участковых начальниках»¹⁴⁸ земские начальники в случае неисполнения их распоряжений имели право «без всякого формального производства», подвергать лиц, «подведомственных крестьянскому общественному управлению», наказаниям в виде ареста до трех дней либо денежного штрафа до 6 рублей. Дворяне широко толковали и применяли указанную норму, чем внушили полнейшее нерасположение к себе со стороны крестьянства¹⁴⁹. Данная норма была исключена лишь в 1906 г. с изданием Указа «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний»¹⁵⁰. Кроме того, в

¹⁴⁶Безгин В. Б. Волостные суды России: компетенция, состав, практика. С. 41.

¹⁴⁷Там же.

¹⁴⁸См.: ПСЗ РИ. 1891. Т. IX. С. 510.

¹⁴⁹См.: Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. С. 138.

¹⁵⁰См.: ПСЗ РИ. 1909. Т. XXVI. С. 891.

отношении должностных лиц сельского и волостного управления, включая судей, участковый начальник также применял различные виды наказаний вплоть до увольнения со службы (ст. 62 «Положения о земских участковых начальниках»). В итоге волостные судьи находились в полной зависимости от земских начальников, а суд являлся «безликим безответным орудием» в руках административного органа власти¹⁵¹. Негативное влияние земских участковых начальников на местное крестьянское судопроизводство было очевидно. Современники утверждали, что суду в данный период стали чужды понятия «закон, совесть и факты», вместо них определяющим стало «усмотрение земского начальника»¹⁵².

«Положение о земских участковых начальниках», равно как и «Временные правила...», вступало в законную силу на территории Российской империи постепенно. Последним законоположением в данной сфере явилось указание Государственного совета «О распространении законоположений 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на Никольский, Велико-Устюжский, Сольвычегодский, Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии» от 15 февраля 1899 г.

Таким образом, спустя 30 лет с момента учреждения волостной юстиции в 1861 г. ее организационно-правовые основы были кардинально пересмотрены. Эмпирической основой данных изменений служили материалы различных комиссий и экспедиций, изучивших обширную практику волостных судов, а также порядок применения ими юридических обычаев. На уровне органов государственной власти также принимались попытки разработки проектов реформирования местной юстиции, которые и легли в основу преобразований. Следует отметить, что реформирование волостного судопроизводства проходило на фоне процесса ликвидации мировой юстиции, в связи с чем в изданных в данный период нормативно-правовых актах прослеживается желание законодателя создать единый институт местного судопроизводства, способный

¹⁵¹Вестник права: Журн. юрид. об-ва при Императ. С.-Петерб. ун-те. 1895 г. Кн. 7. СПб.: С. 52

¹⁵²Там же. С. 83.

разбирать большое количество споров, возникавших в крестьянской среде. Вместе с тем сами сельские жители характеризовали волостные суды как «темные», «неумелые», которые «законов не знают»¹⁵³. В целом же «новому» суду были свойственны положительные черты из-за того, что его деятельность получила большую нормативную регламентацию. Недостатком стало учреждение института участкового начальника, должностного лица, объединившего административную и судебную функции, через волостной суд фактически вершившего правосудие в волости.

¹⁵³См.: Безгин В. Б. Указ. соч. С. 40.

1.3. Модернизация системы волостных судов в начале XX в. до советского периода

Волостной суд в начале XX в. перестал отвечать требованиям общего судопроизводства Российской империи. По высказываниям современников, «Временные правила...» создали «пропасть между основами народного суда и суда, общего для всех других (не крестьян) подданных империи»¹⁵⁴. С учреждением института земских участковых начальников произошло слияние административной и судебной власти на территории земских участков. Волостной суд стал неотъемлемой частью государственного управления в деревне, а земский начальник выступал в роли органа контроля и надзора за его деятельностью, который «использовал судей по своему разумению и в своих целях»¹⁵⁵. О самостоятельности в принятии решений сословным судом в данный период уже не говорилось, в том числе из-за того, что крестьяне перестали выбирать волостных судей, а выдвигали лишь кандидатов. Безграмотность волостных судей ставила их в зависимость от мнения волостных писарей, которые, пренебрегая не только нормами действовавшего законодательства, но и вынесенными судьями решениями, могли произвольно формулировать приговор. Вместе с тем писарь получал большее вознаграждение в сравнении с крестьянскими судьями, что придавало его статусу авторитет и искаженное чувство превосходства над остальными должностными лицами волости. Применение волостными судами юридических обычаев в качестве источника права, с одной стороны, способствовало более объективному разрешению споров между крестьянами, с другой стороны, нередкое незнание традиций в различных правоотношениях являлось поводом для злоупотреблений государственных должностных лиц. Большая часть дел, подсудных крестьянскому суду, обжаловалась в уездном съезде, где «чиновники... не зная обычаев, предпочитали руководствоваться общегражданскими законами, для большего числа... крестьян заведомо

¹⁵⁴См.: Леонтьев А. А. Крестьянское право... С. 110.

¹⁵⁵Бурбанк Дж. Указ. соч. С. 189.

непригодными»¹⁵⁶. Указывалось, что обычаи, «если только они и были... то давно исчезли, их заменило усмотрение – начиная с усмотрения волостного суда и кончая усмотрением губернского присутствия»¹⁵⁷. Кроме того, местные обычаи деревень в пределах одной волости могли отличаться друг от друга, в итоге судебная практика не была единообразна, что придавало решениям сословного суда спонтанный характер.

Различные проблемы при рассмотрении дел нередко становились следствием имевшихся «пробелов» законодательства, регулировавшего сферу исполнения решений волостного суда. Крестьянский суд, принуждая виновную сторону судебного разбирательства к исполнению своего решения, не имел для этого специальных правовых инструментов и способов. В итоге полномочия по исполнению решений суда возлагались на волостного старшину – «постороннее» в органах судебной власти деревни должностное лицо.

Реформа органов отправления правосудия являлась частью преобразований всей политической системы России начала XX в., в результате которой волостной суд, организованный в 1861 г., в первоначальном виде не мог эффективно функционировать в новых условиях. Законоположения о волостном суде, изданные в 1889 г.¹⁵⁸, носили временный характер, и уже с 1890 г. в правительственных кругах говорили о недостатках местных судебных учреждений по причине существования разнообразия в их организации в различных губерниях, их «необычайной пестроты»¹⁵⁹. В целях устранения названных проблем 7 апреля 1894 г. по докладу министра юстиции Н. В. Муравьева была учреждена Особая комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Ее задачами были: определение правового положения местного суда в системе органов местного самоуправления, объединение всех низших судебных институтов в один орган, упрощение судебных процедур при отправлении правосудия местными судами. По мнению

¹⁵⁶ Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. С. 112.

¹⁵⁷ Риттих А. А. Указ. соч. С. 21.

¹⁵⁸ См.: ПСЗ РИ. 1891. Т. IX. С. 528.

¹⁵⁹ См.: Давыдов Н. В., Полянский Н. Н. Судебная реформа. М., 1915. Т. 2. С. 268.

членов Особой комиссии, первой единой судебной инстанцией должен был стать участковый судья, которому были бы подсудны все гражданские дела с ценой иска до 1 тысячи рублей, а также все уголовные дела, не влекшие назначения наказаний, связанных с лишением или ограничением прав состояния. Участковый судья был обязан вести предварительное следствие.

Полномочия уездных съездов предполагалось передать учрежденным уездным и городским отделениям окружного суда, в состав которых входили участковые и почетные судьи уезда или города под председательством городского или уездного члена окружного суда. Таким образом, проект преобразований, предложенный Особой комиссией, предполагал переподчинение крестьянского суда институтам судебной системы Российской империи и ликвидировал многолетнюю негативную практику влияния чиновников волости на его деятельность. Предложения комиссии были реализованы лишь по прошествии десяти лет в связи с изданием 12 декабря 1904 г. именного Высочайшего указа, данного Сенату, «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»¹⁶⁰, где пунктом 3 предлагалось «в целях охранения равенства перед судом лиц всех состояний внести должное единство в устройство судебной в империи части и обеспечить судебным установлениям всех степеней необходимую самостоятельность»¹⁶¹.

Вопрос о реформировании крестьянского суда вновь был поднят в 1902 г. в ходе деятельности Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах¹⁶². В связи с кончиной бывшего министра внутренних дел егермейстера Д. С. Сипягина¹⁶³ в апреле 1902 г. Редакционную комиссию возглавил вступивший в должность министра тайный советник А. С. Стишинский.

Деятельность Редакционной комиссии основывалась на принципах крестьянской реформы 1861 г., среди которых были: обособленность

¹⁶⁰См.: ПСЗ РИ. 1907. Т. XXIV. С. 1196.

¹⁶¹Давыдов Н. В., Полянский Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 1197.

¹⁶²См.: Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т.1 : Свод выработанных комиссией законопроектов. СПб., 1903.

¹⁶³Там же. С. 9.

крестьянского сословия и установленный в соответствии с этим «особливый порядок управления крестьянами», защита права собственности на крестьянские наделные земли, неприкосновенность основных форм крестьянского землепользования от «всякого их насильственного, велением закона, изменения»¹⁶⁴. Перед комиссией ставилась цель внести изменения и дополнения в нормативно-правовые акты, регулировавшие правоотношения в сфере крестьянского управления и общегражданского судопроизводства, взаимодействия между ними, по устранению недостатков в деятельности волостного суда для пресечения проступков и правильного разрешения имущественных тяжб и споров на твердых, отвечавших народному правосознанию основаниях, по разработке правил, определявших права крестьян на различные виды наделных угодий, по установлению порядка взаимодействия между крестьянским населением и другими сословиями в сфере земельных правоотношений, по поиску способов, содействовавших развитию в среде крестьянского населения личной предприимчивости, по выработке мер, направленных на обеспечение правового воспитания в крестьянской среде¹⁶⁵. По мнению членов Редакционной комиссии, более сложными по сравнению с вопросами крестьянского управления являлись проблемы, существовавшие в волостной юстиции. На их взгляд, институт земских участковых начальников негативно повлиял на развитие основ местного судопроизводства, объединив и административную и судебную власть, вместе с тем преобразование организационно-правовых основ волостной юстиции «на началах закона 12 июля 1889 г.» благоприятно отразилось на общем ходе сельского правосудия. Усматривалось, что «личный состав этих судов улучшился, деятельность их пошла успешнее, и они во многих местностях приобрели уважение сельской среды»¹⁶⁶.

В итоге комиссия признала положительными предшествующие преобразования в области крестьянского судопроизводства и не внесла коренных

¹⁶⁴Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т.1. С. 10–11.

¹⁶⁵Там же. С. 38–39.

¹⁶⁶Там же. С. 52.

изменений в деятельность сословного суда, однако справедливо указала, что недостатки волостной юстиции возникали в целом из-за проблем организации органов местного самоуправления, деятельность которых базировалась на земельных правоотношениях крестьян и лиц других сословий. В качестве разрешения данных вопросов члены комиссии призывали исключить общинный способ владения землей, предлагали меры иного порядка, а именно «уничтожение дробности и чересполосности отдельных крестьянских полос, сведение владений каждого дома в один отрубной участок, словом – переход к хуторскому хозяйству, при коем действительно каждый отдельный владелец может свободно в хозяйственном отношении распоряжаться всей состоящей в его пользовании землей и применять к ней сельскохозяйственные приемы, которые представляются наиболее соответствующими уровню его культурного развития»¹⁶⁷.

В результате деятельности Редакционной комиссии были разработаны проекты следующих нормативно-правовых актов: «Положение о крестьянском общественном управлении», «Положение о волостном суде», «Волостной устав о наказаниях», «Положение о наделных землях», а также «Правила об отграничении крестьянских наделов и об их разверстании с чересполосными угодьями смежного владения»¹⁶⁸.

22 января 1902 г. параллельно с деятельностью Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах было собрано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности¹⁶⁹ с целью выяснения и дальнейшего разрешения проблем аграрного сектора Российской империи и разработки мер, направленных на развитие сельскохозяйственной промышленности и связанных с ней иных отраслей «народного труда»¹⁷⁰. Вопрос о судьбе волостного суда также стал предметом рассмотрения заседателей.

¹⁶⁷Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т.1. С. 23–24.

¹⁶⁸Там же. С. 101.

¹⁶⁹См.: ПСЗ РИ. 1904. Т. XXII. С. 43.

¹⁷⁰См.: Там же.

Отдельные проблемы пересмотра нормативно-правовых актов в сфере регулирования отношений между крестьянами, в том числе актов о крестьянском суде, стали предметом рассмотрения местных комитетов – органов, учрежденных для сбора предложений по разрешению данных вопросов, с дальнейшей их передачей в Особое совещание. Комитеты указывали, что крестьянское население находилось в «стеснительных правовых условиях»¹⁷¹ по сравнению с иными сословиями, в обоснование чего указывали, что сельские жители в различных отраслях имущественных правоотношений нередко соприкасались с общим правопорядком в условиях городской жизни и восприняли основные начала общего гражданского права¹⁷². Волостные судьи же при вынесении решений нередко применяли юридические обычаи, что негативно отражалось на праве крестьян на судебную защиту своих имущественных прав и делало их спорными. Практика применения волостным судом обычного права в качестве источника рассматривалась членами комитетов лишь в качестве его недостатка.

Не менее важным недостатком волостного суда, по мнению членов местных комитетов, был признан сословный принцип его организация. Отмечалось, что его базисом служило избрание на должности волостных судей лиц крестьянского сословия, нередко безграмотных и зависимых от чиновников волости. Следствием такого избрания нередко являлись «неряшливость судопроизводства, невнимание к заявлениям и грубое нарушение прав обращающихся жалобщиков», что, по заявлению комитетов, «отстраняло» крестьян от волостного суда и способствовало развитию в их сознании неуважения к его деятельности¹⁷³.

Другой проблемой волостной юстиции являлось отсутствие единообразия судебной практики в сфере назначения наказаний сословными судами и общими судебными органами. Члены местных комитетов указывали на несоответствие мер наказания за схожие проступки лиц крестьянского сословия в сравнении с лицами других состояний. Крестьянин являлся «особенным, сравнительно с землевладельцем, лицом, за проступок против которого считается нужным

¹⁷¹См.: Риттих А. А. Указ. соч. С. I.

¹⁷²Там же. С. 12.

¹⁷³Там же. С. 88.

наказывать в ином порядке и иным, более легким, но, во всяком случае, упрощенным способом»¹⁷⁴. Интересным по этому поводу является мнение одного из членов Новгородского комитета: «...полная безнаказанность поступков, снисходительность волостных судов и 7-суточная мера наказания внесли в жизнь столь развращающее начало, что к воровству и регистрированию этого деяния прибегает немалая часть особо закоренелого в невежестве населения»¹⁷⁵.

Таким образом, устранение вышеназванных проблем местной юстиции могло привести к полному упразднению института волостного суда в качестве сословного крестьянского органа правосудия, в связи с чем остро стоял вопрос о его дальнейшей деятельности. Мнения членов комитетов по данной проблеме не были едины. Так, за упразднение волостного суда и замену его общей для всех сословий судебной инстанцией проголосовали 33 местных комитета, против – 1 (Пермская губерния)¹⁷⁶. За восстановление мировой судебной инстанции и передачу ей полномочий волостной юстиции проголосовали 17 комитетов, против – 1. Представители отдельных губерний проголосовали за замену крестьянских судов иными судебными инстанциями, в качестве которых могли выступать как единоличный коронный судья, так и коллегиальный судебный орган: 5 и 16 голосов соответственно¹⁷⁷. За сохранение волостного суда с упразднением отдельных его полномочий проголосовали 17 комитетов, путем реорганизации на основании иных условий – 24¹⁷⁸. В итоге Особое совещание приняло решение упразднить волостной суд, а крестьян «признать нужным подчинить общим судам, создать для мелких дел особую инстанцию в виде коронного или выборного судьи с соответственным для судьи образовательным цензом»¹⁷⁹.

Следует отметить, что выводы, сделанные заседателями Особого совещания, оказали сильное влияние на авторов проекта реформы местного суда,

¹⁷⁴Риттих А. А. Указ. соч. С. 70.

¹⁷⁵Там же. С. 73.

¹⁷⁶Там же. С. 364–367.

¹⁷⁷Там же. С. 367–371.

¹⁷⁸Там же. С. 375.

¹⁷⁹Вестник права: Журн. юрид. об-ва при Императ. С.-Петербург. ун-те. 1905. Кн. 4. С. 295.

разрабатывавшегося в правительстве в 1905 г., и были положены в основу именного Высочайшего указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»¹⁸⁰ от 12 декабря 1904 г. в части усовершенствования судопроизводства, а также Манифеста «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» от 3 ноября 1905 г.¹⁸¹

Во исполнение названного Указа 24 июня 1905 г. Комитет министров поручил министру юстиции незамедлительно на основании п. 3 Указа приступить к разработке перечисленных в нем мероприятий¹⁸². В пояснительной записке министру юстиции указывалось, что недопустимо слияние функций административной и судебной власти и что для обеспечения должного единства в устройстве судебной части необходимы упразднение или коренное преобразование волостного суда, передача судебной власти земских начальников органам общей юстиции, учреждение в уездах единоличных судебных органов ведомства Министерства юстиции, отмена карательных полномочий, предоставленных административной власти¹⁸³.

Согласно проекту законоположений о преобразовании местного суда, разработанному Министерством юстиции, упразднялись волостные суды и городские судьи, земские начальники теряли судебные функции, уездный член окружного суда лишался права судить единолично, вся их компетенция переходила к мировому судье¹⁸⁴. Его должность оставалась выборной. По замыслу Министерства юстиции, мировых судей должны были выбирать земские собрания и городские думы. Кандидаты в судьи избирались на основе повышенных образовательного, имущественного, нравственного цензов. Основопологающими принципами реализации будущей программы правительства должны были стать скорость и доступность местного судопроизводства. С учетом упразднения волостных судов предполагалось, что размер мирового судебного

¹⁸⁰См.: ПСЗ РИ. 1907. Т. XXIV. С. 1196.

¹⁸¹Там же. Т. XXV. С. 790.

¹⁸²См.: Савич Г. Г. Новый государственный строй России : справ. кн. СПб., 1907. С. 282.

¹⁸³Там же. С. 283.

¹⁸⁴См.: Завадский А. В. О проекте министра юстиции о преобразовании местного суда : докл. юрид. о-ву при Императ. ун-те 17 дек. 1907 г. Казань, 1908. С. 2.

участка не должен был превышать территорий 3 волостей, чтобы судья мог периодически объезжать свой участок и проводить заседания¹⁸⁵.

Таким образом, указанные преобразования основывались на восстановлении института мировых судей, их деятельности в новых условиях и распространении общих для всех сословий норм законодательства. Вместе с тем по вопросу упразднения волостной юстиции правительство делало оговорку о возможном ее сохранении, признавая, что такие изменения могли отрицательно повлиять на правовое воспитание крестьянского населения¹⁸⁶, в связи с чем реализация программы реформы местного суда напрямую зависела от разрешения вопроса о дальнейшей судьбе волостного суда.

В результате обсуждения в Кабинете министров законопроект был передан в Государственную думу. Во II Государственной думе была образована комиссия для рассмотрения внесенного законопроекта. В результате его обсуждения комиссия пришла к выводу, изложенному ее председателем, членом партии «Народная свобода» И. В. Гессеном, о том, что бессословность местного судопроизводства и его доступность обывателю являлись «основным началом правильного построения суда»¹⁸⁷.

Законопроект о преобразовании местного суда стал последним из обсуждавшихся II Государственной думой в 1907 г. Возобновление обсуждения законопроекта о преобразовании местного суда началось уже в III Государственной думе, где он был передан на рассмотрение комиссии по судебным реформам по постановлению от 27 ноября 1907 г., внесен в Общее собрание 20 февраля 1909 г. Первое обсуждение заняло 7 заседаний, второе – 10, третье – 5. Доклад же редакционной комиссии был принят Государственной думой 28 мая 1910 г.¹⁸⁸ Затем ввиду расхождений между Государственным советом и Государственной думой была учреждена согласительная комиссия по вопросам реализации реформы местного суда. Члены Государственного совета

¹⁸⁵Завадский А. В. Указ.соч. С. 2.

¹⁸⁶Там же. С. 26.

¹⁸⁷См.: Каминка А. И., Набоков В. Д. Вторая Государственная дума. СПб., 1907. С. 222.

¹⁸⁸См.: Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Ч. 2 : Законодательная деятельность. СПб., 1912. С. 553.

признали несовершенство крестьянского суда, однако высказывались за сохранение последнего путем пересмотра отдельных сторон в его организации и деятельности. Они предлагали разрешить возникшие проблемы посредством сужения компетенции суда до рамок, которые были установлены «Общим положением о крестьянах...» от 19 февраля 1861 г., улучшения личного состава судейского корпуса путем обеспечения материального положения волостных судей и придания последним большей самостоятельности и независимости, включения института сословного суда в общую судебную систему Российской империи¹⁸⁹.

По первому вопросу Государственный совет рекомендовал распространить компетенцию волостного суда на гражданские дела, возникавшие из правоотношений крестьян, связанных с наделной землей, находившейся в общинном пользовании, споры, вытекавшие из правоотношений по наследованию и разделу крестьянского имущества, включавшегося в состав надела без ограничения стоимости иска, и движимого имущества крестьян, не входившего в состав надела, но располагавшегося в границах волости, в случаях, когда цена иска не превышала 500 рублей, иные споры, основывавшиеся на ненадлежащем исполнении обязательств, принятых на себя сторонами договоров, в случае, если цена иска не превышала 100 рублей. В рамках уголовного судопроизводства предлагалось сохранить «дела о проступках, влекших ответственность не выше ареста до одного месяца и денежного взыскания до ста рублей»¹⁹⁰. Таким образом, компетенция сословного суда в рамках гражданского судопроизводства вновь после издания законоположений от 1889 г. подлежала расширению. Исключением являлись уголовные правонарушения, большинство из которых было решено передать в ведение общих профессиональных судебных инстанций.

Вопрос об улучшении личного состава судейского корпуса волости основывался на независимости деятельности волостных судей от вмешательства административно-полицейских органов власти. Впервые предлагалось отстранить

¹⁸⁹ Обзор деятельности Государственной думы... Ч. 2. С. 564.

¹⁹⁰ Там же.

Министерство внутренних дел от надзора за деятельностью волостных судов и передать это полномочие Министерству юстиции. Осуждая порядок замещения должности волостного судьи, сложившийся в результате действия «Временных правил...»¹⁹¹, Государственный совет указывал на недопустимость назначения судей из выбранных обществами крестьян земскими участковыми начальниками и, как следствие, обсуждал вопрос о прямом избрании на должность судей волостными сходами, возвращая нормы «Общего положения о крестьянах...». Нововведением являлось установление окладов в точных размерах в зависимости от количества дел в производстве – от 60 до 90 рублей в год¹⁹². Данная мера могла придать большую решимость волостным судьям при разрешении конфликтов, возникавших в крестьянской среде, а равно делало их независимыми от влияния исполнительных органов деревни.

Предложив варианты реформирования крестьянского суда, члены Государственного совета с осторожностью рассмотрели вопрос о месте и роли обычного права в его деятельности. Указывалось, что «крестьянское население имело свой особый уклад жизни, которому соответствовали и приняты в быту юридические обычаи, представлявшие собою естественные последствия своеобразных жизненных условий сельского населения»¹⁹³. Члены Государственного совета признавали параллельное с позитивным правом существование в крестьянской среде «неписаных законов», говорили об их первостепенной роли¹⁹⁴. В итоге нормы, регламентировавшие практику применения юридических обычаев при рассмотрении споров сельских жителей, были сохранены и отражены в будущем законе о новом волостном суде.

Названные поправки в законопроект в части деятельности сословного суда были в дальнейшем рассмотрены и приняты Государственной думой с незначительными изменениями. Результатом совместной деятельности Государственного совета и Государственной думы третьего созыва в сфере

¹⁹¹См.: ПСЗ РИ. 1891. Т. IX. С. 528.

¹⁹²См.: Обзор деятельности Государственной думы... Ч. 2. С. 564.

¹⁹³Там же. С. 566.

¹⁹⁴Там же.

судоустройства стал Закон от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда»¹⁹⁵. Нормативно-правовой акт содержал объемный правовой материал, регулировавший правоотношения, складывавшиеся в процессе отправления правосудия низшими институтами судебной системы Российской империи в начале XX в. В соответствии с примечанием 2 Закона сохранялся волостной суд, причем в целях регламентации его организации и деятельности были приняты Временные правила «О волостном суде в местностях, в которых введен в действие закон о преобразовании местного суда», согласно ст. 1 которых каждая волость представляла собой отдельный судебный участок, где, по общему правилу, один волостной суд действовал на территории одной волости. Вместе с тем по представлению мирового съезда министр юстиции по соглашению с министром внутренних дел был вправе объединять две или несколько малолюдных волостей в один волостной судебный участок, а равно разделять одну многолюдную волость на несколько судебных участков¹⁹⁶. Таким образом, сохранив территориальный элемент судебного института в виде судебного участка, законодатель принял во внимание, что численность населения волостей в различных областях Российской империи неравномерна, причем в малочисленных волостях оплата части расходов по содержанию крестьянского суда тяжелым бременем ложилась на крестьян, в связи с чем наделение министра юстиции правом разделять волости на судебные участки либо объединять их признавалось оправданным шагом.

Компетенция нового волостного суда не распространялась на население поселков, посадов и местечек, которые входили в состав волости, однако не носили «сельского характера»¹⁹⁷. Данное положение констатировало отказ государственной власти от идеи создания сословной волости, а равно подчеркивало принцип сословности в деятельности волостного суда.

¹⁹⁵См.: ПСЗ РИ. 1915. Т. XXXII. С. 662.

¹⁹⁶См.: Товстолес Н. Н. Учреждение судебных установлений (Св. Зак. Т. XVI, ч. 1, изд. 1914 года). Пг., 1916. С. 729.

¹⁹⁷Там же. С. 729.

Согласно ст. 4 Временных правил коллегия судей волостного суда была сокращена до 3 человек, включая председателя. Должность кандидата приравнивалась к должности волостного судьи, причем кандидаты, как и судьи, входили в состав суда в сокращенном количестве – 2 человека. Лица, желавшие замещать должности председателя волостного суда, члена суда, а также кандидата, должны были быть грамотными крестьянами-домохозяевами, достигшими возраста 30 лет. На судебские должности не претендовали лица, обвиняемые или подсудимые за преступные деяния, а равно к которым по решению суда применялось наказание в виде тюремного заключения или более строгое наказание, «отрешенные от должности» по приговорам уголовного суда, а равно удаленные от должности в дисциплинарном порядке, лица – несостоятельные должники, владельцы заведений, торгующих крепкими напитками, чиновники волостного или сельского уровня, евреи, иностранцы, не принявшие подданства Российской империи¹⁹⁸.

Нормы Временных правил внесли существенные изменения в порядок избрания волостных судей и утверждения их в должности. Каждое сельское общество выбирало одного или несколько выборщиков, причем общества, в состав которых входило не более ста дворов, выбирало одного выборщика, от ста до двухсот дворов выбирало двух выборщиков и т.д. Выборы признавались состоявшимися, если общее количество выборщиков было равно или превышало 18 человек. Избранные выборщики «закрытой баллотировкой» сроком на три года избирали из своего состава членов волостного суда: председателя, судей и кандидатов в судьи¹⁹⁹. Органом, утверждавшим в должности избранных судей, взамен земского начальника стал мировой съезд. В итоге, данное нововведение констатировало, что надзор за деятельностью волостной юстиции был сохранен, однако осуществлялся он не административными органами власти – земскими начальниками, а органами судебной системы Российской империи, что являлось положительной чертой нового суда.

¹⁹⁸См.: Товстолес Н. Н. Указ.соч. С. 750.

¹⁹⁹См.: Там же. С. 751.

Впервые волостным судам присваивались разряды – первый и второй. Членам суда первого разряда назначалось вознаграждение в следующих размерах: председателю – 480 рублей в год, судьям – 120, секретарю – 360 рублей, членам суда второго разряда соответственно 360, 100 и 300 рублей. Кандидатам в волостные судьи вне зависимости от разряда волостного суда устанавливалось жалование в размере 2 рублей за каждое судебное заседание. На определение разряда волостного суда влияло среднее количество рассматриваемых дел, а также «местные условия», в которых организовывался крестьянский суд. Следует отметить, что само понятие «местные условия» в законе никак не определялось.

Временными правилами была установлена норма, ограничивавшая применение административных взысканий должностными лицами сельского управления к служащим волостного суда²⁰⁰. Данная позиция законодателя была призвана придать большую независимость крестьянским судьям. В случаях же нарушения установленных правил поведения в ходе судебного заседания председатель волостного суда имел право применить к правонарушителям наказание в виде штрафа в размере до 1 рубля, причем лица «общественного управления» могли быть подвергнуты аресту сроком до 24 часов²⁰¹. Такие взыскания не подлежали обжалованию.

В соответствии со ст. 17 Временных правил заседания волостного суда назначались председателем в любой из выбранных дней, но не реже двух раз в месяц. Если заседание назначалось на воскресенье, то проводиться оно должно после утренней службы в церкви. Делопроизводство волостного суда вел особый секретарь, назначаемый и освобождаемый от должности мировым судьей (ст. 23, 24). К кандидату на должность секретаря предъявлялись те же требования, что и к остальным служащим волостного суда, за исключением возрастного ценза. Несмотря на данное обстоятельство секретарь пользовался большим уважением в среде крестьян, так как был лучше образован и получал большее вознаграждение.

²⁰⁰Говстолес Н. Н. Указ.соч. С. 751.

²⁰¹Там же. С. 753.

Таким образом, Временные правила сохранили привилегированное положение волостного писаря, лишь переименовав должность.

В целях повышения доступности волостного суда для населения узаконивалась норма, освобождавшая тяжущихся от уплаты государственных пошлин за рассмотрение их дел²⁰². Кроме того, регламентировались порядок межведомственного взаимодействия сословных судов между собой и с иными правоохранительными органами (ст. 25), механизм пересылки документов и вещественных доказательств посредством почтовой связи (ст. 27). Документом, регламентировавшим ход судебного разбирательства, в соответствии со ст. 80 Временных правил стал «особый протокол», который должен был вестись при рассмотрении любого дела. Протокол заменил большое количество книг, ведение которых предписывалось волостному писарю. Процедура записи хода судебного разбирательства в протокол обеспечивала системность и стройность делопроизводства волостного суда, а также упрощала его документооборот.

С изданием Временных правил была ограничена судебная власть земских участковых начальников, в силу чего нововведением признавалось учреждение верхнего сельского суда – апелляционной судебной инстанции по отношению к сословным судам. Верхний сельский суд осуществлял свою деятельность под председательством мирового судьи, в качестве его членов выступали председатели волостных судов, входивших в судебно-мировой участок²⁰³. Для проведения заседаний суда образовывалась коллегия из председателя и двух членов верхнего сельского суда, причем между членами решением мирового съезда устанавливалась очередность замещения друг друга (ст. 31). Гарантией доступности обжалования решений волостных судов служило отсутствие обязанности оплаты государственной пошлины за обращение в верхний сельский суд (ст. 40). Согласно ст. 87 Временных правил срок подачи жалобы в рамках гражданского судопроизводства крестьянского суда составлял один месяц, в рамках уголовного – две недели. Предусматривалось восстановление указанных

²⁰²См.: Товстолес Н. Н. Указ. соч. С. 754.

²⁰³См.: Васильев А. А. Закон о преобразовании местного суда 15 июня 1912 г. СПб., 1913. С. 53.

сроков в случае их пропуска стороной разбирательства по уважительным причинам²⁰⁴. Все апелляционные жалобы подавались в верхний сельский суд через волостной. Решения по таким жалобам признавались окончательными и могли быть обжалованы лишь в кассационном порядке мировым съездом (ст. 87, 91, 92).

Организационный надзор за волостными судами возлагался на мирового судью, который был обязан не менее одного раза в год проводить ревизию крестьянских судов и был вправе делать замечания за «беспорядки и отступления от закона». Таким образом, фактически волостной суд включался в судебную систему Российской империи, обособившись от влияния административных органов власти (ст. 41).

«Высший» надзор за деятельностью волостных и верхних сельских судов являлся исключительной прерогативой мирового съезда²⁰⁵. Его решением члены волостных судов за не соответствующее достоинству судьи поведение могли быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям в виде замечания, выговора, денежного штрафа до 15 рублей и увольнения с должности (ст. 44–47). К секретарям волостных судов применялись аналогичные дисциплинарные взыскания, дополненные арестом сроком до 7 дней, причем правом наказывать секретаря обладал мировой судья. Члены волостных судов могли быть привлечены к уголовной ответственности по представлению мирового съезда, однако данная категория уголовных дел была подведомственна общим судебным инстанциям – окружным судам²⁰⁶.

Рекомендации Государственного совета о сужении компетенции крестьянского суда до пределов, указанных в «Общем положении о крестьянах...», также получили отражение в новом законе. В рамках гражданского судопроизводства волостной суд был компетентен рассматривать иски о движимом имуществе и договорных обязательствах ценой до 100 рублей, иски о возмещении убытков ценой до 100 рублей, иски о восстановлении прав на

²⁰⁴См.: Васильев А. А. Указ. соч. С. 62.

²⁰⁵Там же. С. 53.

²⁰⁶Там же. С. 55.

владение, кроме исковых заявлений, предметом которых выступала вненадельная или участково-отрубная земля в течение 1 года с момента нарушения таких прав, иски, предметом которых выступала надельная земля, находившаяся в общинном пользовании, наследственные дела, за исключением исковых, и дела о разделе между наследниками имущества, входившего в состав крестьянского надела, без ограничения цены, о разделе между наследниками движимого имущества, расположенного на территории волостного судебного участка, однако не составлявшего принадлежности крестьянского надела, ценой до 500 рублей (ст. 54). Законодатель также указал, что данные споры могли рассматриваться по соглашению сторон мировым судьей²⁰⁷.

В рамках уголовного судопроизводства волостной суд имел право рассматривать составы преступлений, предусмотренные следующими статьями Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: 30, 31 (ч.1. п.1, ч.2 п.1, в случаях нанесения устной обиды), 38 (ч.1), 39, 41, 42, 42', 43, 43', 46, 51, 52, 69, 70, 72, 73, 91–92, 95–96, 98, 116, 117, 118 (ч. 1), 119, 121–126, 127, 130, 131, 133, 134, 139, 140, 145–153 и 179 (ст. 59). По общему правилу рассмотрение уголовных дел происходило в том волостном суде, на участке которого было совершено преступление (ст. 62).

Согласно ст. 66 Временных правил председатель волостного суда обладал исключительным правом принимать жалобы и прошения крестьян, а также выстраивал последовательность этапов проведения судебных заседаний²⁰⁸. Нормативное закрепление данных положений способствовало отстранению волостного старшины от вмешательства в деятельность крестьянского суда. Кроме того, новый волостной суд обладал правом самостоятельно возбуждать уголовное преследование в случае выявления противоправных действий лиц в ходе судопроизводства (ст. 67), что подчеркивало его независимость от органов волостного управления.

²⁰⁷См.: Васильев А. А. Указ. соч. С. 56.

²⁰⁸См.: Там же. С. 58.

Нормами Временных правил сохранялась обязанность волостного суда отправлять правосудие «по совести», исследуя и оценивая все имеющиеся в материалах дела доказательства. Применение же обычного права сохранилось в части рассмотрения дел о наследстве и разделе крестьянского имущества. В рамках уголовного судопроизводства волостному суду предписывалось руководствоваться исключительно позитивным правом – Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (ст. 76, 77, 79).

В соответствии с нормами «Общего положения о крестьянах...», а также законоположениями о волостном суде от 1889 г. полномочия по исполнению решений крестьянского суда были возложены на административное лицо волости – волостного старшину. Волостной суд не имел права контролировать ход приведения в действие вынесенных решений, тогда как с нередкими были случаи пренебрежения своими служебными обязанностями волостными старшинами, в результате чего определения крестьянского суда часто не исполнялись. В целях изменения сложившегося порядка Временными правилами вводилась ст. 82, предусматривавшая исключительную обязанность председателя волостного суда приводить в исполнение вынесенные решения.

Итак, преобразование организационно-правовых основ крестьянского суда в первом десятилетии XX в. происходило на фоне реформирования всей системы низших судебных инстанций Российской империи. Разного рода комиссиями и совещаниями высказывались мнения о будущем упразднении волостных судов. Между тем возрождалась мировая юстиция, которая, по замыслу имперского правительства, была способна заменить сословный суд и на профессиональном уровне рассматривать споры, возникавшие в крестьянской среде. Сами же мировые судьи утверждали, что в некоторых вопросах были поставлены в затруднение, к примеру, при принудительном распределении земельных участков между крестьянами, руководствуясь исключительно юридическими обычаями, которые широко применялись волостными судьями²⁰⁹.

²⁰⁹См.: Васильев А. А. Указ. соч. С. 74.

В результате сословный суд был сохранен, причем основные принципы его деятельности были заимствованы из «Общего положения о крестьянах...». Следует отметить, что положительной чертой «нового» местного судопроизводства явилось ограничение по отношению к нему власти земских участковых начальников, а также переход под юрисдикцию Министерства юстиции, в связи с чем крестьянский суд с 1912 г. стал чисто судебной инстанцией без «навязанных» признаков административного органа.

Таким образом, учреждение в 1861 г. волостного суда в качестве крестьянского сословного института правосудия явилось положительным итогом масштабной политико-социальной реформы освобождения крестьян, предоставившей сельским жителям личные права на имущество, включая земельные участки, а также уравнившей их с другими сословиями перед законом при определении способов защиты данных прав. По замыслу законодателя, на сословный суд возлагалась функция правового воспитателя, способного посредством применения на начальном этапе существования юридических обычаев повысить уровень правовой культуры крестьян с целью дальнейшего восприятия ими норм общего для всех сословий позитивного права.

В 1889 г. на фоне смены политического курса в Российской империи организационно-правовые основы деятельности волостного суда подверглись пересмотру. Ликвидация института мировых судей влекла расширение компетенции сословного суда в связи с передачей под его юрисдикцию уголовных дел, составы которых предусматривались Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а также гражданских исков с увеличенной ценой. Положительной стороной преобразований данного периода стало нормативное закрепление права сторон обжаловать неправосудные решения, что придавало волостной юстиции демократический характер и приближало ее в части судопроизводства к общим судебным инстанциям. С другой стороны, в целях надзора за деятельностью органов сельского управления и правосудия учреждался институт земского участкового начальника, соединившего в своем лице исполнительную и судебную ветви власти, в связи с чем ликвидировавшего

основы независимости волостной юстиции от влияния «посторонних» лиц дворянского сословия.

В первом десятилетии XX в. в результате экономической и аграрной реформ модернизации подлежала модель существовавшего способа владения земельными участками. Крестьянин в данный период не являлся лишь частью сельской общины, неспособной выжить за пределами границ ее компетенции, а представлялся предприимчивым фермером, вступающим с соседями в различные правоотношения. Указанные преобразования не могли не отразиться на системе органов местного управления и правосудия. В результате возрождения института мировой юстиции произошло ограничение компетенции волостного суда. В то же время последний из ведомства Министерства внутренних дел перешел под юрисдикцию Министерства юстиции, и в частности мирового съезда, в связи с чем приобрел усложненную формализованную организацию и, как следствие, больший порядок в деятельности. Институт земских участковых начальников подлежал ликвидации, ознаменовавшей реальную независимость сословного суда в принятии решений.

Глава 2. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЛОСТНОЙ ЮСТИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ

2.1. Особенности организации и деятельности волостных судов (1861–1917 гг.)

Реформирование политико-правовой системы Российской империи, наметившееся в конце 50-х гг. XIX в., оказало влияние на деятельность органов управления губерний, в том числе Тамбовской, Пензенской, Нижегородской и Симбирской, в пределах территории Мордовии. По инициативе царя Александра II 3 января 1857 г. был учрежден Секретный комитет, переименованный в дальнейшем в Главный комитет по крестьянскому делу, целью которого являлась выработка мер по устройству быта помещичьих крестьян. С 20 ноября 1857 г. Секретным комитетом по всем губерниям империи распространялись инструкции-рескрипты, содержавшие первоначальную программу освобождения крестьян, а также указание на привлечение местных помещиков для реализации поставленных целей²¹⁰. Представители российского дворянства критично отнеслись к решению правительства провести освобождение крестьян. Отрицательно встретили эту идею и помещики названных губерний. Один из них, представитель Тамбовской губернии, писал: «...нигде крестьянин так не успокоен и обеспечен, как наш помещичий, разумеется, у доброго господина. Разрушить этот порядок – значит приготовить гибель государству»²¹¹. На аналогичные выводы дворян Пензенской губернии министр внутренних дел С. Ланской отвечал: «В отношении от 18-го декабря Ваше Превосходительство изложили причины, по коим дворяне Пензенской губернии опасаются желать изменений существующего устройства крестьянского быта. Но дворянство Пензенской губернии рассмотрело предмет со всех сторон и поняло, что существующие отношения крестьян к помещикам оставаться более уж не могут и что в этом

²¹⁰См.: История Мордовии: от эпохи великих реформ до великой российской революции / под общ. ред. Н. М. Арсентьева, В. А. Юрченкова. Саранск, 2005. С. 26.

²¹¹Там же. С. 27.

заключается собственная выгода дворян. Вы указываете на те беспорядки, которые могут произойти от изменения настоящего положения. Напротив, Правительство и дворяне многих губерний имеют основание думать, что подобных беспорядков можно ожидать при настойчивом стремлении к сохранению прежнего устройства сельского сословия. В этом последнем случае можно ожидать последствий гораздо худших, чем в первом. По разнообразности местных отношений, Его Величество предоставляет дворянам время на приискание способов к возможному легкому и удобному решению жизненного для обоих сословий вопроса, но тем не менее дворяне не должны оставаться в бездействии»²¹². Делается вывод, что помещики не хотели мириться с предстоявшей крестьянской реформой, всячески пытались сохранить сложившийся порядок, говоря о мире в крестьянской среде и о возможных негативных переменах в случае ее проведения.

В начале 1859 г. в Тамбовской, Нижегородской, Пензенской и Симбирской губерниях были организованы особые комитеты для составления положений об улучшении быта помещичьих крестьян. К примеру, в Пензе был сформирован особый комитет, включавший по два представителя от каждого уезда губернии, выбранных дворянами из своей среды, владевшими «населенными местностями», и двух опытных помещиков Пензенской губернии по непосредственному назначению²¹³.

С момента учреждения члены комитетов приступили к работе по обсуждению правительственной программы освобождения крестьян. Ими рассматривались вопросы перехода крестьян из крепостного состояния в срочнообязанное, их положения в новом статусе, поземельного права помещиков, усадебного устройства крестьян, о наделе крестьян пахотной землей и другими угодьями, их повинностях, устройстве дворовых людей, образовании сельских обществ, о правах и отношениях помещиков, о порядке и способах исполнения нового положения²¹⁴. В ходе обсуждения правительственной программы

²¹²ГА ПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

²¹³См.: Там же. Д. 5. Л. 10.

²¹⁴См.: История Мордовии... С. 29.

преобразований важным оставался вопрос о создании органов судебной системы в пореформенный период. Помещики опасались, что в результате утраты власти над крестьянами последние разграбят их имущество. Дворяне Городищенского уезда Пензенской губернии высказывались, что «сельское имущество получало большой ущерб от потрав и воровства, достигшего больших размеров. Что касается до воровства, воздерживаемого надзором и силою помещичьей власти, то оно в новом порядке вещей потребует деятельного преследования по суду без проволочек и с исполнением скорым»²¹⁵. Дворяне не надеялись на авторитет действовавших судебных институтов. Они считали, что имевшиеся судебные инстанции не могли освободить села от преступников, потому что «формальных улик против них найти крайне затруднительно, многим невозможно». Осуждались в большей степени «признавшиеся преступники, а непризнавшиеся освобождались или оставлялись в подозрении»²¹⁶. Кроме того, предвидя реальный ход проведения реформ, члены комитетов боялись утратить основное имущество – земельные наделы, в связи с чем высказывались за «учреждение временного суда во всяком уезде, в городе, единственно для разбирательства и по окончанию спорных земляных долей» в целях «лучшего устройства крестьян помещичьих»²¹⁷.

По мнению дворян, в условиях реформ необходимым являлось создание судебной инстанции, способной обеспечить правопорядок в деревне, а также разрешать споры между сельским населением «по справедливости». Члены комитетов считали, что организация низших судов должна была удовлетворять ряд требований, к которым относились доступность, оперативность принятия решений, а также успешная деятельность²¹⁸. Следует отметить, что, дискуссия по вопросам устройства местной юстиции, помещики прежде всего стремились обеспечить защиту своего собственного имущества от различных посягательств

²¹⁵ ГА ПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 128.

²¹⁶ Там же. Л. 130.

²¹⁷ Там же. Л. 49.

²¹⁸ См.: Основы законовещения. Общие учения о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права // Общедоступные очерки И. А. Ильина, В. М. Устинова, И. Б. Новицкого и М. Н. Гернет. М., 1915. С. 400.

на него крестьян. Процессуальные же особенности сословного суда ими не обсуждались.

С 1861 г. в результате работы Главного комитета по крестьянскому делу «светлой стороной судопроизводства» России стал волостной суд²¹⁹. На территориях волостей, относившихся к вышеназванным губерниям, сословные суды учреждались и действовали, руководствуясь «Общим положением о крестьянах...» от 19 февраля 1861 г. В соответствии со ст. 93 коллегия из 4–12 волостных судей должна была избираться ежегодно волостным сходом²²⁰. Предполагалось, что таким образом в число судей будут избраны наиболее уважаемые крестьяне-домохозяева, хранители сельских традиций и юридических обычаев. Фактически же порядок избрания судей определялся каждым сельским обществом самостоятельно, а волостной сход составлял лишь приговор об общем избрании. По свидетельству Комиссии М. Н. Любощинского, данная практика избрания судей существовала во всех волостях Темниковского уезда Тамбовской губернии, кроме Атюрьевской²²¹.

Количественные составы судебных корпусов волостных судов по отношению к числу крестьян волости в пределах одного уезда были неравномерны. Так, в Атюрьевской волости на 3 858 крестьян на должностях волостных судей состояли 12 человек²²², в Бабеевской на 1 567 крестьян – также 12²²³, а в Кушкинской на 1 540 крестьян было лишь 9 судей²²⁴.

Избрание судей проходило в форме прямого голосования путем «выкрикивания» имен крестьян – кандидатов в судьи. Сложившимся порядком нередко пользовались всевозможные «крикуны», которые «протаскивали» угодных им крестьян на судебские должности. Сами же крестьяне негативно высказывались о прямом способе голосования, говоря о том, что избрание волостных судей баллотировкой снижало риск выбора человека «по душе», без

²¹⁹См.: Временник Демидовского юридического лица. 1911. Кн. 104. С. 330.

²²⁰См.: ПСЗ РИ. 1863. Т. XXXVI. С. 128.

²²¹См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 259–311.

²²²Там же. С. 296.

²²³Там же. С. 273.

²²⁴Там же. С. 278.

давления со стороны должностных лиц сельского схода²²⁵. По свидетельству М. Н. Любощинского, волостной старшина Стрельниковской волости Темниковского уезда считал, что выборы волостных судей должны «совершаться посредством закрытой баллотировки, для того, чтобы каждый избирающий выражал свое желание свободно, а не приставал без смысла к крику некоторых, побойче, как это ныне бывает»²²⁶.

Волостные судьи, по общему правилу, отправляли правосудие в течение целого года либо в порядке ротации, в рамках которой они обязывались выбывать в заранее определенный срок, к примеру через два, четыре или шесть месяцев²²⁷. На практике срок замещения должностей судей мог изменяться из года в год. К примеру, в Атюрьевской волости судьи избирались сроком на один год, но должны были «сидеть не дольше месяца»²²⁸, в Барашевской волости «должны сидеть по очереди, которая досталась каждому на сходе по жребию»²²⁹, а в Стрельниковской волости судьями были крестьяне «одни и те же третий год»²³⁰. В результате общий срок службы волостного судьи был нормативно закреплён и являлся предельным. Фактически на его определение влияли различные местные факторы, включая количество жителей, проживающих на территории волости, количество рассматриваемых споров, отношение крестьян к волостному суду, а также его место в сельских судебных инстанциях.

Разбор дела в волостных судах, по общему правилу, начинался с допроса истца (потерпевшего), его свидетелей, ответчика (подсудимого) и его свидетелей²³¹. Указанный порядок рассмотрения споров строго не соблюдался. Так, в Бабеевской волости со слов крестьян было записано, что «при разборе дела спрашивали прежде просильщика, потом ответчика, коли они заспорят, то слушают свидетелей», причем «свидетели — родственники истцу или

²²⁵См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 292.

²²⁶Там же.

²²⁷См.: ПСЗ РИ. 1863. Т. XXXVI. С. 128

²²⁸Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 296.

²²⁹Там же. С. 284.

²³⁰Там же. С. 292.

²³¹См.: Там же. С. 260.

просильщику или ответчику не допускались»²³². Иной порядок волостного судопроизводства был зафиксирован в Барашевской волости Темниковского уезда. Рассмотрение дела заключалось в том, что «призывали истца да ответчика и приказывали им мириться, а не то судить обещали»²³³. В Стрельниковской волости жалобщика в ходе судебного заседания не заслушивали, а рассмотрение дела проходило следующим образом: «Спросят ответчика, свидетелей истцовых, ответчиковых и приговор сделают, что тот прав, а этот виноват», причем свидетелей «долго судьи мучают, для того, что не ошибется ли который-нибудь в слове»²³⁴.

Согласно нормам «Общего положения о крестьянах...» волостной суд ограждался от влияния чиновников волостного и сельского управления. Волостной старшина и сельский староста были не вправе вмешиваться в судопроизводство, а также присутствовать на заседаниях суда, фактически же волостные старшины являлись первыми должностными лицами, которых встречали крестьяне, обращаясь с жалобами и заявлениями в сословный суд. Они наиболее полно представляли все аспекты споров и взаимоотношений, возникавших между будущими истцами и ответчиками. Кроме того, крестьянский суд собирался исключительно по указанию старшин, которые утверждали его состав на каждое судебное заседание, причем из судей, проживавших поблизости от волостного правления, а «дальних старшина редко вызывает»²³⁵. В результате присутствие старшины в зале судебного заседания прочно вошло в практику, не оспаривалось ни судьями, ни крестьянами. Данное положение нарушало установленный законом порядок проведения судебного разбирательства, однако оправдывалось сформировавшимся в крестьянской среде мнением, что каждый крестьянин – представитель мира, сельской общины, а избранные из ее состава должностные лица (волостные старшины), являясь носителями сельской власти, выражали интересы большинства крестьян.

²³²Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 274.

²³³Там же. С. 285.

²³⁴Там же. С. 293.

²³⁵Там же. С. 296.

По прошествии нескольких лет с момента учреждения волостной юстиции крестьяне стали грамотнее в правовых вопросах. Многие не мирились со сложившейся практикой неограниченного влияния волостного старшины на деятельность органов сельского правосудия, обращались в вышестоящие инстанции с различными жалобами на те или иные правонарушения чиновников. К примеру, крестьяне деревни Самодуровка Краснослободского уезда Пензенской губернии Григорий и Александр Федотовы Вельмакины в поданной жалобе в губернское присутствие объясняли, что в 1906 г. им было присуждено по решению Троицкого волостного суда с крестьянина села Высокого Наровчатского уезда Алексея Мотькина 33 рубля. Эти деньги, несмотря на неоднократные просьбы к покровскому волостному старшине и земскому начальнику, до сих пор еще с Воробьева не взысканы, в связи с чем Вельмакины просили сделать распоряжение о взыскании с ответчика Воробьева присужденной суммы²³⁶.

В рамках рассмотрения дела земский начальник 2-го участка Наровчатского уезда донес в губернское присутствие, что Покровским волостным правлением в мае 1907 г. действительно была получена от Троицкого волостного суда выписка из его решения о взыскании с Мотькина в пользу просителя Григория Вельмакина 33 рублей. Согласно этой выписки волостным старшиной рекомендовалось уплатить в пользу истца Григория Вельмакина присужденную сумму, но Мотькин от добровольной уплаты отказался «за неимением средств». Старшина совместно с понятыми крестьянами, приступив к осмотру имущества ответчика, не нашел у него имущества, которое могло быть согласно закону описано и продано на удовлетворение иска. 21 июня 1907 г. один из просителей Григорий Вельмакин жаловался бывшему земскому начальнику на невзыскание означенных денег, но жалоба его согласно определению от 19 июля 1907 г. была оставлена без последствий, о чем и было сообщено Вельмакину 20 июля за № 2232 через Троицкое волостное правление. Кроме того, указывалось, что проситель имел

²³⁶См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 935. Л. 11.

право обжаловать определение в тридцатидневный срок Наровчатскому уездному съезду²³⁷.

На основании сведений земского начальника 2-го участка Наровчатского уезда губернское присутствие определило, что присужденные в пользу Вельмакиных с Мотькина 33 рубля не взысканы ввиду отсутствия у последнего имущества, «могущего быть проданным на удовлетворение этого взыскания», и что с жалобой на действия волостного старшины Григорий Вельмакин обращался к земскому начальнику, которым по постановлению от 21 июня 1907 г. она была оставлена без последствий, вследствие чего Вельмакину рекомендовалось обжаловать это постановление в уездном съезде в течение тридцати дней, следовательно, если Вельмакин указывал на постановление земского начальника как на «неправильное», то он мог обжаловать его «согласно объявлению»²³⁸. Губернское присутствие не удовлетворило жалобу Вельмакина и оставило ее «без последствий»²³⁹. Думается, что отказ земского начальника удовлетворить жалобу мотивировал крестьянина обратиться напрямую в губернское присутствие, поскольку рассмотрение своего дела в рамках уездного съезда представлялось ему неэффективным, так как в нем состояли должностные лица, по служебному положению связанные с тем из них, который рассмотрел жалобу Вельмакина, не разрешив вопрос по существу. Чаяния крестьянина не оправдались – вышестоящие инстанции оставили жалобу без удовлетворения.

Хотя волостные старшины долгое время влияли на ход, а равно и исход дел в сословных судах, волостные судьи в представлениях крестьян также пользовались авторитетом. Они считали, что «по пустякам» тревожить волостных судей «плохо было бы», сначала необходимо было разобраться «у себя в селе», а если «старосты со стариками не разберутся и когда волостной старшина не помирят», то следовало обращаться в волостной суд²⁴⁰. Следует отметить, что в некоторых селах нежелание крестьян обращаться в сословный суд

²³⁷См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 935. Л. 11.

²³⁸Там же.

²³⁹Там же. Л. 12.

²⁴⁰Груды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 273.

обуславливалось его принадлежностью к официальной государственной власти, далекой от быта сельских жителей. Частым явлением было уклонение крестьян от должности сельских судей, ибо в большинстве волостей жалования за работу они не получали и от повинностей не освобождались. Дополнительные обязанности отрывали крестьян от хозяйства, которое «терпело нужду»²⁴¹. В целом же крестьяне стремились быть избранными на судейскую должность, даже без жалования, вследствие чего выбор судей проходил так, чтобы «всякий хороший человек пробыл судьей, для того, чтобы всем было равно и одним не было обидно против других»²⁴².

В соответствии с примечанием 1 ст. 93 «Общего положения о крестьянах...» вознаграждение волостным судьям назначалось волостным сходом «по своему усмотрению». Волостные старшины, трактуя данную норму закона, высказывались, что «обществу было трудно положить еще и жалование судьям»²⁴³, в связи с чем они редко получали плату за свою работу, которая составляла от 5 до 60 рублей в год²⁴⁴. Осуществляя свою деятельность, часто, безвозмездно, все же они гордились должностью, в связи с чем в сознании многих судей проявлялось искаженное чувство превосходства не только над односельчанами, но и над другими должностными лицами волости. Негативное поведение нередко проявлялось в «беспробудном пьянстве», ссорах с другими участниками судебного процесса. Так, согласно постановлению Пензенского губернского присутствия от 13 февраля 1909 г. председатель Кривозерьевского волостного суда Саранского уезда Абдуль Жабар Шофейкин обращался в губернское присутствие с прошением, в котором объяснял, что делопроизводитель Кривозерьевского волостного суда, он же волостной писарь Василий Павлов Корнеев «неправильно ведет делопроизводство суда», без указания председателя выдавал копии с решений, устно оскорблял его, обзывая «мошенником и вором». Жалобщик пояснял, что на указанные действия Корнеева

²⁴¹Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 273.

²⁴²Там же. С. 259.

²⁴³Там же.

²⁴⁴См.: Безгин В. Б. Волостные суды России: компетенция, состав, практика. С. 40.

им приносилась жалоба земскому начальнику, который на повторное его словесное заявление по сему делу отвечал, что данная жалоба к нему не поступала, вследствие чего Шофейкин просил сделать распоряжение о разборе принесенной им жалобы на Корнеева «по закону»²⁴⁵.

Земский начальник 2-го участка Саранского уезда в представлении от 1 февраля за № 202 донес в губернское присутствие, что Шофейкиным 28 сентября 1907 г. подавалась жалоба на волостного писаря Корнеева о том, что он неправильно вел делопроизводство суда. В результате рассмотрения данной жалобы производилось дознание и 26 ноября того же года ревизия выявила, что делопроизводство волостного суда делопроизводителем Корнеевым «велось правильно». 16 января Шофейкин подал повторное прошение о нанесении ему оскорбления писарем Корнеевым, которое было передано на рассмотрение Еремеевского волостного суда, о чем Шофейкину было объявлено 1 февраля²⁴⁶. Шофейкин в двух жалобах, поданных пензенскому губернатору и в губернское присутствие, заявлял, что земский начальник «не только оставил без движения поданную им на писаря Корнеева жалобу, но еще временно отстранил его, председателя, от занимаемой им должности». Позднее по решению уездного съезда Шофейкин был уволен с должности председателя волостного суда²⁴⁷.

Из представленных уездным съездом в губернское присутствие материалов административного производства об увольнении Шофейкина следует, что земский начальник по результатам дознания указывал, что Шофейкин работал в суде в «нетрезвом виде» и во время разбора дел ругался «скверно-матерными словами», что не могло быть «терпимо при отправлении правосудия»²⁴⁸.

9 февраля в уездный съезд от Шофейкина поступила жалоба, в которой он опровергал показания допрошенных при дознании свидетелей. Уездный съезд в заседании 11 февраля рассмотрел данное дело и, согласившись с постановлением

²⁴⁵См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 947. Л. 15.

²⁴⁶Там же.

²⁴⁷Там же.

²⁴⁸Там же. Л. 16.

земского начальника, определил: «Председателя волостного суда Шофейкина от должности удалить окончательно»²⁴⁹.

Губернское присутствие рассмотрело настоящее дело и, обратившись к первой жалобе Шофейкина, касавшейся «необсуждения будто бы земским начальником жалоб его на неправильные действия делопроизводителя волостного суда Корнеева», не удовлетворило ее, так как из материалов проверки земского начальника усматривалось, что по жалобам Шофейкина производилось надлежащее расследование и «ни одна из них не подтвердилась». Обратившись к обсуждению второй жалобы «на неправильное удаление его от должности председателя волостного суда», губернское присутствие, приняв во внимание, что «постановления уездных съездов по такого рода делам почитаются окончательными», определило: жалобу Шофейкина «оставить без последствий, о чем ему и объявить»²⁵⁰.

Интересен случай увольнения с занимаемой должности волостного судьи за появление его в зале судебного заседания в нетрезвом виде. Крестьянин деревни Лыковщины Пятинской волости Саранского уезда Дмитрий Кузьмин Мельников в прошении, поданном 6 июня 1910 г. прокурору Пензенского окружного суда и переданном через губернатора в губернское присутствие, жаловался на пятинского волостного судью Ивана Кирпичникова, что последний отправлял правосудие по его делу в заседании суда в «пьяном виде», при этом указал на «неправильность произведенного по этому делу дознания волостным старшиной»²⁵¹.

По указанной жалобе земский начальник представил материалы административного производства, возбужденного по жалобе того же крестьянина, при этом согласно постановлению уездного съезда от 21 июня 1910 г. волостной судья Кирпичников был уволен с занимаемой им должности по представлению земского начальника на основании его постановления от 11 июня 1910 г.²⁵² Оно

²⁴⁹ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 947. Л. 16.

²⁵⁰Там же. Л. 17.

²⁵¹Там же. Д. 2100. Л. 6.

²⁵²См.: Там же. Л. 6.

могло быть обжаловано в уездном съезде, «но было ли об этом объявлено просителю, из производства не видно»²⁵³.

Рассмотрев все обстоятельства данного дела и приняв во внимание, что по жалобе Мельникова «хотя и состоялось постановление земского начальника, но было ли оно объявлено жалобщику, а равно разъяснен ли был ему срок и порядок обжалования этого постановления, не видно», губернское присутствие определило: «предложить земскому начальнику, если постановление его не было объявлено Мельникову, немедленно же объявить просителю с разъяснением порядка и срока его обжалования»²⁵⁴. Мельников с определением уездного съезда был ознакомлен, причем ему разъяснялось, что «по получении от земского начальника его разъяснения, если он будет недоволен постановлением его, то может обжаловать в имеющем быть указанном сем порядке»²⁵⁵.

Таким образом, рассмотренные выше примеры свидетельствуют о нетерпимости крестьян к нарушениям своих прав и интересов со стороны опороченных должностных лиц. Волостные судьи в сознании сельских жителей представлялись в качестве источника и носителя принципа справедливости, в связи с чем их некорректное поведение подрывало авторитет волостной юстиции в целом.

По сравнению с волостным судьей, более высоким авторитетом обладал волостной старшина, представлявшийся крестьянам чиновником государственного значения. В связи с этим на исследуемой территории сложилась практика разбора «мелких» споров крестьян волостным старшиной на месте происшествия при согласии всех участников, пытавшихся как можно лучше «уважить» старшину, преподнося ему «всевозможные угощения». Так, крестьянин деревни Большие Мордовские Пошаты Краснослободского уезда (ныне село Мордовские Пошаты) Михаил Степанович Ломакин в жалобе, предъявленной пензенскому губернатору и переданной по подведомственности в губернское присутствие, указывал, что он обращался к своему сельскому

²⁵³ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2100. Л. 6.

²⁵⁴Там же. Л. 7.

²⁵⁵Там же.

старосте, а затем к девиченскому волостному старшине с ходатайством о составлении описи общего имущества с его братом Василием и племянником «на предмет раздела» и о сборе для этого раздела сельского схода. Однако ни староста, ни старшина «под влиянием угощения брата Василия» описи имущества не составили и «схода не собрали». Кроме того, брат Василий нанес жалобщику оскорбление «действием», а именно «намахнулся на него топором». Ломакин просил разделить между ним и братом Василием с племянником имущество «по равной части», изъяв у Василия самовольно захваченное им имущество, а также «привлечь брата Василия к ответственности за нанесение ему оскорбления»²⁵⁶. Данный случай отражает фактическое безграничное влияние волостного старшины на различные сферы повседневной жизни крестьянина. Объединив в своем лице исполнительную и судебную ветви сельской власти, волостные старшины не пренебрегали подкупами и «угощениями», чем вызывали отрицательную реакцию со стороны простого деревенского обывателя.

Согласно нормам действовавшего дореволюционного законодательства о волостной юстиции волостные старшины вплоть до 1912 г. являлись исполнителями решений сословного суда. Бывали случаи, когда они пренебрегали интересами выигравшей стороны спора и затягивали с исполнением решения, чем вызывали недовольство односельчан, формировали недоверие последних к крестьянскому суду. К примеру, крестьянин деревни Шебдас Инсарского уезда Абрам Романов в жалобе, предъявленной в губернское присутствие, объяснял, что в соответствии с решением волостного суда в его пользу взысканы с крестьян Касима Малянова 1 рубль 30 копеек и Трофима Макарова 3 рубля. Однако волостной старшина, «несмотря на то, что прошло со дня решения 3 года, не приводит таковое в исполнение»²⁵⁷.

Интересен случай отказа исполнить решение волостного суда волостным старшиной в течение более 10 лет. Крестьянин села Новая Муравьевка Инсарского уезда Степан Сергеев Жадеев объяснял членам губернского

²⁵⁶ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 705. Л. 15–16.

²⁵⁷Там же. Д. 907. Л. 11.

присутствия, что решением Болдовского волостного суда, вынесенным 14 июня 1898 г., он был утвержден в правах на владение усадьбой, изъятой у него «самоуправлено» крестьянином Андреем Черновым, однако Чернов решение в добровольном порядке не исполнил и вновь нарушил право владения усадьбой Жадеева, в связи с чем он обращался в волостной суд с требованием изъять эту усадьбу, но согласно решению от 29 октября 1907 г. ему рекомендовалось «отыскивать с Чернова за владение усадьбы убытки». Чернов же продолжал пользоваться усадьбой²⁵⁸.

Волостное правление не предпринимало мер к прекращению незаконных действий Чернова, а земский начальник отказывался рассматривать жалобы по указанному делу. В связи с этим Жадеев просил «сделать распоряжение о приведении в исполнение решений Болдовского волостного суда от 17 июня 1898 г. и 29 октября 1907 г.»²⁵⁹

Земский начальник 6-го участка Инсарского уезда в объяснении от 8 апреля № 741 указывал, что жалобщик Жадеев с просьбой о чем-либо к нему не обращался. По наведенным справкам выяснилось, что Жадееву действительно была присуждена спорная усадьба, но Чернов вновь засеял ее. Жалобщик предъявлял к Чернову иск о взыскании убытков за пользование им усадьбой и «полом изгороди». Решениями Жадеев «остался недоволен и таковые им обжалованы Инсарскому уездному съезду»²⁶⁰.

Приняв во внимание, что согласно разъяснениям Правительствующего сената от 7 февраля 1905 г. № 727 жалобы на «медленность приведения в исполнение решений волостных судов рассматриваются земским начальником», а по материалам рассмотренного дела Жадеев с жалобами к земскому начальнику не обращался, губернское присутствие определило: «Препроводить жалобу Жадеева земскому начальнику, предложить ему постановить по таковой

²⁵⁸ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1481. Л. 6.

²⁵⁹Там же.

²⁶⁰Там же.

надлежащее определение, которое и объявить сторонам с разъяснением порядка и срока его обжалования»²⁶¹.

Медлительность при исполнении решений крестьянского суда волостными старшинами не являлась исключительным нарушением. Как и волостным судьям, старшинам предписывалось приводить в действие решения суда, используя обычно-правовые процессуальные инструменты, включая «жребий», «грех пополам». Однако встречались случаи нарушения традиций. К примеру, крестьяне села Николаевка Леонтий и Михаил Демкины заявляли уездному съезду, что они жаловались земскому начальнику 3-го участка Инсарского уезда на «неправильные действия» Старосивильско-Майданского волостного старшины при исполнении решения Старошайговского волостного суда, утвержденного уездным съездом 12 апреля 1907 г., по иску крестьян села Николаевка Дуткина и Усова о выделе половины ветряной мукомольной мельницы²⁶².

На затребованные уездным съездом сведения по жалобе Демкиных земский начальник 3-го участка согласно представлению от 3 февраля 1907 г. за № 300 сообщал, что крестьянами Демкиными (Демидовыми) была подана ему жалоба на «неправильные действия» волостного старшины Солдатова при исполнении решения Старошайговского волостного суда от 28 декабря 1906 г., утвержденного уездным съездом, которым было решено: «Ветряную мукомольную мельницу, состоящую в общем владении крестьян села Николаевка Кирея Усова и Ивана Дудкина с одной стороны, Леонтия и Михаила Демидовых с другой, по жребию или на любках предоставить во владение одной из сторон с тем, чтобы сторона, получившая мельницу, уплатила противной стороне деньгами 100 рублей»²⁶³.

Указанная жалоба 21 октября 1907 г. земским начальником была оставлена без рассмотрения на основании того, что крестьянами Леонтием и его снохой Феклой Демидовыми 28 мая 1907 г. также заявлялась устная жалоба на то, что старшина в противовес решению волостного суда и в отсутствие их определил присудить мельницу в пользу Усова и Дудкина. В объяснениях старшины

²⁶¹ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1481. Л. 7.

²⁶²Там же. Д. 1083. Л. 8.

²⁶³Там же.

указывалось, что 26 мая он прибыл в село Николаевка для исполнения решения суда, предварительно известив об этом стороны, в том числе и жалобщиков, «но Леонтий от него скрылся, а брат его Михаил Демидов от добровольной сделки с Усовым и Дудкиным отказался» и присутствовать при проведении процедуры «жребий» отказался. В связи с этим старшина в присутствии понятых Леонтия Ветряхина и Ивана Демидова «дал жребий», согласно которому «мельница досталась Усову и Дудкину, с которых тут же и были взысканы 100 рублей» в целях передачи их другой стороне спора. Указанные денежные средства были оставлены на хранение в волостном правлении. Земский начальник «не усмотрел из этого ничего противозаконного в действиях волостного старшины Солдатов», и словесная жалоба Демидовых от 2 июня была оставлена без удовлетворения, о чем Демидовым сообщалось через Старосивильско-Майданское волостное правление под расписку от 24 июня, а также жалобщикам Демидовым объявлялось постановление от 2 октября²⁶⁴.

При рассмотрении этого гражданского спора уездный съезд указывал, что Леонтий и Михаил Демкины (Демидовы) уклонились от добровольной сделки и «жребия» с Усовым и Дудкиным «о предоставлении, согласно решения съезда, одной из сторон владения мельницей с уплатой другой стороне по жребию 100 рублей», и определил: оставить жалобу Демкиных без удовлетворения²⁶⁵.

В жалобе губернскому присутствию на постановление уездного съезда Демкины писали, что волостной старшина «неправильно поступил, не известив их повестками о времени исполнения решения волостного суда, тогда как он обязан произвести раздел мельницы по жребию в присутствии тяжущихся и об этом составить протокол». Земский начальник и уездный съезд также принимали решения по их жалобам в нарушение норм законодательства. Демкины просили отменить решение уездного съезда и передать на новое рассмотрение их дело²⁶⁶.

Рассмотрев настоящее дело и приняв во внимание, что, по данным уездного съезда, волостной старшина извещал стороны об исполнении решения, но один из

²⁶⁴См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. Л. 9.

²⁶⁵Там же.

²⁶⁶См.: Там же.

жалобщиков Леонтий Демидов к приведению решения в исполнение не явился, а другой от добровольной сделки отказался, губернское присутствие определило: «Жалобу Демидовых оставить без последствий, о чем им и объявить, а также с возвращением производства уведомить Инсарский уездный съезд»²⁶⁷.

В результате волостной суд дал правильную оценку всем обстоятельствам спора и вынес справедливое для того периода решение. Между тем из-за неправомерных действий волостного старшины указанное выше решение не имело правовых последствий и вынуждало одну из сторон спора «отыскивать правду» – обращаться с жалобами, вплоть до губернского присутствия, затрачивая на это большие временные и денежные ресурсы.

Ведение делопроизводства в сословном суде было возложено на волостного писаря, который должен был вести ряд книг в волостном правлении, регистрировать заявления, вести протоколы и готовить решения волостного суда. За выполнение своих обязанностей писари, в отличие от иных должностных лиц волости, получали солидное вознаграждение. К примеру, в Стрелецкой волости Темниковского уезда волостной писарь получал 300 рублей в год, а волостной старшина – всего 180 рублей²⁶⁸. В ходе разбора дел писари, помимо своих прямых обязанностей, выполняли функции «толкователей» той или иной нормы законодательства, так как часто были единственными грамотными лицами в зале судебного заседания, в связи с чем при безграмотности судей и, наоборот, образованности писарей волостное судопроизводство описывалось мнением самих крестьянских судей, звучащим: «в суде ни для чего сидим, что писарь скажет, то и будет»²⁶⁹.

В архивных документах отражены случаи, когда волостные писари относились с пренебрежением к выполнению должностных обязанностей. Многие критические замечания крестьян по отношению к ним были оправданными, поскольку делопроизводство фактически находилось на низком уровне. В подтверждение данной позиции приведем дело Пензенского губернского

²⁶⁷См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. Л. 10.

²⁶⁸См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 259.

²⁶⁹Там же. С. 273.

присутствия о ревизии земскими начальниками делопроизводства волостных правлений и судов в 1907 г.: «Совершенно неправильное делопроизводство волостного суда обнаружено в Покровско-Арчадинской волости, где поступающие жалобы заносятся в настольные реестры только после разбора, тогда же заводятся и отдельные дела, так, в сентябре не записано и не заведено ни одного дела. Все остальные жалобы, по какому бы обстоятельству не разобравшиеся судом, просто уничтожаются. Точно так же приговоры и решения уже после исполнения записываются в книгу и только одни уголовные. Такое халатное отношение к производству суда положительно нетерпимо»²⁷⁰.

Зафиксировано немало случаев, когда делопроизводство в волостных судах не велось вообще. Так, крестьянин села Болдова той же волости Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне село Болдово Рузаевского района Республики Мордовия) Василий Андреев Павилов в поданном в губернское присутствие прошении объяснял, что 21 июля 1904 г. Рузаевским волостным судом рассматривалось гражданское дело по его иску к мулле деревни Татарская Пишля Полякову об аренде земельного участка. Решение суда по этому делу истцом обжаловалось в Инсарском уездном съезде. Между тем истец выяснил, что материалы по его делу в волостном суде отсутствовали, а также отсутствовала апелляционная жалоба. В связи с этим Павилов просил разъяснить ему, в каком порядке он может обжаловать решение волостного суда и где ему разыскать материалы его гражданского дела и письменные доказательства²⁷¹.

Губернское присутствие рассмотрело это дело 20 октября и усмотрело из доставленных земским начальником 4-го участка Инсарского уезда сведений, что гражданское дело Павилова рассматривалось «в бытность на службе бывшего волостного писаря Баландина». При его увольнении на должность писаря был принят Корнеев, причем им дело Павилова не принималось и «такового потом не оказалось записанным в разносной книге волостного правления»²⁷². Данный пример свидетельствует о халатности волостного писаря и его пренебрежении

²⁷⁰ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 661. Л. 20.

²⁷¹См.: Там же. Д. 511. Л. 39.

²⁷²Там же.

нормами процессуального права в ходе своей деятельности, что пагубно влияло на авторитет крестьянского суда.

Незаконное делопроизводство волостных писарей не могло не отражаться на крестьянах – сторонах разбирательств. Из-за ошибок, допускаемых писарями, лица, недовольные решениями волостных судов, не могли вовремя обратиться в вышестоящие инстанции. Интересен случай подачи жалобы на действия Панцыревского волостного писаря. Крестьянка деревни Осиной Панцыревской волости Городищенского уезда Федосья Алексеева Котькина в прошении, поданном в январе 1910 г. в губернское присутствие, объясняла, что она, несмотря на неоднократные просьбы как к делопроизводителю волостного суда, так и к земскому начальнику о выдаче ей копии решения волостного суда, вступившего в законную силу в сентябре 1909 г., по вопросу изъятия в ее пользу от крестьянина Кузьмы Гаврилова 400 квадратных саженей земли, «таковой до сего времени не получила». В требованиях она просила сделать распоряжение о выдаче «ей таковой и подлинного приговора схода от 3 августа 1908 г., коим общество удостоверяет принадлежность ей 400 квадратных саженей земли», и восстановить срок на обжалование данного решения волостного суда²⁷³.

По запросу губернского присутствия земский начальник 6-го участка Городищенского уезда представлением за № 628 донес, что в иске по делу Котькиной решением волостного суда от 29 августа 1909 г. просительнице отказано. Так как данное решение не было обжаловано, оно вступило в законную силу. Волостной писарь Найденов за невыдачу Котькиной копии решения волостного суда подвергся штрафу в размере 1 рубля.

Хотя земским начальником выносилось распоряжение выдать Котькиной требуемую ею копию решения волостного суда, но, во-первых «приведено ли оно в исполнение, из донесения земского начальника не усматривается», во-вторых, «относительно выдачи просительнице объясненного в докладе общественного приговора никаких распоряжений не сделано», в-третьих, ходатайства о восстановлении пропущенных сроков на обжалование решений волостных судов

²⁷³См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1908. Л. 7.

на основании указа Правительствующего сената от 28 августа 1906 г. № 2890 и циркуляра Министерства внутренних дел от 15 октября 1906 г. № 62 должны представляться в суд, который постановлял решение²⁷⁴. На основании этого губернское присутствие определило: «Прошение Котькиной препроводить к земскому начальнику с тем, чтобы последний, по наблюдении за выдачей просимых Котькиной копий, передал таковое на распоряжение волостного суда в отношении ходатайства о восстановлении ей срока на обжалование волостного суда, о чем и объявить просительнице»²⁷⁵. Следует отметить, что несвоевременная выдача копии решения суда являлась небольшим по степени опасности проступком волостного писаря, однако из рассмотренного примера усматриваются серьезные нарушения прав и законных интересов крестьянки Котькиной, вынужденной обратиться в губернское присутствие из-за невозможности получить решение суда и, как следствие, воспользоваться переданным ей земельным участком.

Нередко являясь единственным грамотным лицом из всех присутствующих в судебном заседании, волостные писари могли превышать свои служебные полномочия. Данные правонарушения выражались в том, что делопроизводители брали взятки со сторон и, невзирая на вывод суда по спорам и тяжбам, составляли подложные решения. По этому поводу П. Чубинский писал, что подкуп – редкое явление. Случалось, что сторона, выигравшая дело в волостном суде, «ставила магарыч», но «это без предварительного уговора и не влияет на характер решения»²⁷⁶. Подкупленный той или иной стороной процесса писарь мог предрешать исход спора, чем вынуждал крестьян обжаловать незаконно вынесенное решение. Так, крестьянин села Аксел Краснослободского уезда Иван Михайлов Самсонкин обращался в губернское присутствие с жалобой на постановление земского начальника 3-го участка Краснослободского уезда от 5 мая 1907 г. и о составлении аксельским волостным писарем Чарочкиным «подложного решения суда и принятии им с крестьянина Зубарева взятки

²⁷⁴См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1908. Л. 7.

²⁷⁵Там же. Л. 8.

²⁷⁶См.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край... С. VII.

40 рублей». В прошении Самсонкин излагал основания, по которым он считал Чарочкина виновным, а постановление земского начальника необоснованным и просил отменить его решение и рассмотреть жалобу по существу²⁷⁷.

Из представленного земским начальником 3-го участка Краснослободского уезда материала производства делался вывод, что Самсонкин обращался к нему с жалобой о «составлении писарем Чарочкиным подложного решения». Указанное прошение в рамках дознания было рассмотрено 5 мая, причем земский начальник нашел обвинение Чарочкина недоказанным и постановил: «Производство по сему делу прекратить, о чем Самсонкину и было объявлено с разъяснением, что постановление это может быть обжаловано губернскому присутствию в порядке надзора»²⁷⁸.

С 1889 г. органом, осуществляющим контроль за организацией и деятельностью волостной юстиции на местах, становится земский участковый начальник, обладавший широким кругом полномочий по отношению к волостному суду – от утверждения в должности волостных судей до отмены решений суда. Основной обязанностью земских участковых начальников являлось проведение ревизии не менее двух раз в год всех волостных судов, находившихся на территории земского участка. Устанавливалось, в каком состоянии находится здание сословного суда, каким образом организован порядок оповещения о времени заседаний, имеются ли необходимые нормативно-правовые документы. Так, земский начальник 4-го земского участка Инсарского уезда Пензенской губернии в акте ревизии Рузаевского волостного правления от 12 апреля 1910 г. указывал, что «помещение волостного правления, суда, архива, арестантских камер и обстановка сих удовлетворительная. Объявления вывешиваются на видных местах. Узаконения, книги и пособия в достаточном количестве»²⁷⁹. В ходе ревизии земскими участковыми начальниками устанавливались личности председателя волостного суда, волостных судей и писаря, размер получаемого ими вознаграждения, а также имеются ли у них

²⁷⁷См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 851. Л. 4.

²⁷⁸Там же.

²⁷⁹Там же. Д. 1791. Л. 37.

дисциплинарные взыскания либо поощрения. Согласно актам ревизий земских начальников за 1910 г., реализовавших свои полномочия на земских участках Пензенской губернии, информация следующая: в Рузаевском волостном суде 4-го земского участка Инсарского уезда «волостной писарь из числа местных Корнеев получает жалование 660 рублей в год. Имеет двух помощников от волости с содержанием по 300 рублей каждому. Дисциплинарные взыскания за 1910 г. на волостного писаря налагались два раза – денежный штраф в размере по 3 рубля за несвоевременное доставление отчета о поступлении окладных сборов за последнюю треть 1909 г.»²⁸⁰; в Староверхиссенском суде 6-го земского участка Инсарского уезда «председателем волостного суда состоит Пракофий Васильев Фирстов, грамотный с жалованием 60 рублей в год. Волостными судьями состоят Павел Иванов Урягаев, Абдул Кадир Юсупов Пугусов, Платон Григорьев Липенкин с жалованием 48 рублей каждому. Делопроизводителем волостного суда состоит волостной писарь Тимофей Семенов Макаров»²⁸¹; в Болдовском волостном суде 6-го участка Инсарского уезда «председателем волостного суда состоит Нугайбек Мусалов с 1 июля 1906 г., наград не получал и дисциплинарных взысканий на него не было. Жалование получает 96 рублей в год. Волостными судьями состоят: Максим Атиков, Емельян Шиндяпкин, Василий Беззубов с жалованием в 60 рублей каждому. Делопроизводителем волостного суда состоит болдовский волостной писарь Семен Иванов Варламов»²⁸²; в Трехсвятском суде 6-го участка Инсарского уезда «председателем волостного суда состоит Мухамед Шариф Альмяшев с 1 июля 1909 г., жалования получает 96 рублей в год. Судьи с 1 июля 1909 г.: Владимир Горшков, Назарий Киселев, Степан Глазунов с содержанием по 60 рублей в год каждому. Наград не получали, дисциплинарного взыскания наложено на них не было. Делопроизводителем волостного суда состоит волостной писарь Василий Варламов с 20 мая 1910 г. Кандидатами к волостным судьям состоят Дан Кузнецов, Митрофан Кусакин, Иван Филимонов и

²⁸⁰ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1791. Л. 37.

²⁸¹Там же. Л. 458.

²⁸²Там же. Л. 462.

Данил Пикулин»²⁸³; в Шадымо-Рыскинском волостном суде 6-го участка Инсарского уезда «председателем волостного суда состоит Иван Мельмискин с 1 июля 1909 г. Жалования получает 96 рублей в год, а волостные судьи по 60 рублей в год. Волостные судьи: Михаил Макаров, Николай Никишин, Петр Нестеров. Кандидаты в волостные судьи: Иван Краснорепов, Игнатий Ларкин, Алексей Капитонов (находится под судом) и Иван Ерошкин»²⁸⁴; в Шишкеевском волостном суде 4-го участка Инсарского уезда «волостной писарь Петр Михайлов Гуринев в Шишкеевской волости служит с 12 февраля 1907 г., а всего на службе служит 33 года. Награды получал в 1908 г. – похвальный лист за усердную службу. Жалования получает 600 рублей в год, но 22 ноября сего года волостным сходом при составлении сметы сбавлено до 420 рублей, каковое считаю уменьшенным незаслуженно, о чем и будет возбуждено ходатайство перед губернским присутствием об оставлении старого оклада. По волостному суду: состав волостных судей удовлетворяет своему назначению»²⁸⁵; в Саранском волостном суде Саранского уезда «председатель суда П. М. Маскинсков получает жалование 100 рублей, бессменно на должности пятое трехлетие, представлен к награде. Делопроизводитель суда И. П. Поляков с 1907 г., жалование 240 рублей. Председатель суда, а равно и делопроизводитель суда отлично знакомы с делом, и делопроизводство суда в отличном состоянии. Относятся все судьи к делу очень внимательно и вдумчиво»²⁸⁶. Согласно ревизии земских начальников волостных судов Лукояновского уезда в Большеарской волости «состав суда заключается в председателе, трех судей и четырех кандидатов к ним. Особого порядка замещения судей кандидатами не установлено. Делопроизводством суда заведует волостной писарь. При неявке в суд судей приглашаются кандидаты особыми приказами, но случаи эти весьма редки»²⁸⁷; в Михайловской волости: «председатель суда Андрей Антонов Кочнев, волостные судьи: Павел Матвеев Сундов, Гавриил Ларионов Лапшин, Василий Прохоров Кузьминов. Все служат с

²⁸³ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1791. Л. 468.

²⁸⁴Там же. Л. 470.

²⁸⁵Там же. Л. 546–547.

²⁸⁶Там же. Л. 684.

²⁸⁷ГА НО. Ф. 64. Оп. 8. Д. 8460. Л. 5.

22 ноября 1911 г. Жалования получают: председатель 100 рублей, судьи же 60 рублей в год. Административные взыскания не налагались»²⁸⁸.

Следующим этапом ревизий, осуществляемых земскими начальниками, было установление наличия у волостного писаря обязательных для ведения книг по делопроизводству. В акте ревизии записывалось, какие книги ведутся, а также выяснялось, правильно ли они оформлены. Число таких книг могло существенно различаться. Так, в Трехсвятском волостном суде Инсарского уезда велись следующие книги: «на записку входящих бумаг, на записку исходящих бумаг, настольный реестр уголовных дел, настольный реестр гражданских дел, книга справок о судимости, книга на записку лиц, содержащихся под арестом, алфавит лицам, осужденным по приговорам волостного суда, за проступки, на записку решений волостного суда, не приведенных в исполнение, и исполнительных листов, книга постановлений о лицах, подвергнутых взысканию волостного старшины согласно 64 и 86 ст. общего Положения, книга на записку вещественных доказательств, хранящихся в волостном правлении, алфавит лиц, опороченных по суду, алфавит гражданским делам волостного суда, алфавит уголовным делам волостного суда, штрафная книга, штрафной журнал по судебным делам»²⁸⁹. В Рузаевском волостном суде Инсарского уезда земский начальник указал лишь, что «входящий и исходящий журнал суда ведется»²⁹⁰. Думается, что нередко земские начальники описывали документы волостного суда лишь формально, учитывая основные журналы – общие для всех ведомств, без выявления важных недостатков в делопроизводстве.

Далее в актах ревизий земскими начальниками записывалось количество поступивших жалоб, рассмотренных или отложенных гражданских и уголовных дел. Так, в Староверхиссенском волостном суде Инсарского уезда Пензенской губернии «в 1909 г. было в производстве 433 дела, из них разрешено 430, а 3 дела перенесено на 1910 г.»²⁹¹; в Болдовском волостном суде Инсарского уезда «в

²⁸⁸ГА НО. Ф. 64. Оп. 8. Д. 8460. Л. 68.

²⁸⁹ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1791. Л. 468.

²⁹⁰Там же. Л. 39.

²⁹¹Там же. Л. 458.

1909 г. было в производстве 727 дел, из них разрешено 668, а 59 дел перенесены на 1910 г.»²⁹²; в Трехсвятском волостном суде «в 1909 г. в производстве было уголовных дел 92, из них разрешено 90, а 2 дела перенесено на 1910 г. В 1909 г. гражданских дел было 272, из них разрешено 267. Итого судебных дел было 364, из них разрешено 357»²⁹³; в Шадымо-Рыскинском волостном суде «в 1909 г. было разрешено 377 дел, на каждое заседание приходится 16 разрешенных дел. В 1909 г. в производстве было уголовных дел 102, из них разрешено 99, а 3 дела перенесены на 1910 г. Гражданских дел было 282, из них было разрешено 278, а 4 дела перенесены на 1910 г.»²⁹⁴; в Саранском волостном суде Саранского уезда «ко дню ревизии поступило дел: гражданских – 340, уголовных – 80. Решено судом дел: гражданских – 334, уголовных – 78»²⁹⁵; в Михайловский волостной суд Лукояновского уезда Нижегородской губернии за 1911 г. поступило 220 гражданских и 70 уголовных дел. В указанный период «решено гражданских 215 и уголовных 61 дело, из них прекращено на законном основании 60 гражданских и 15 уголовных, неисполненных решений 49 и приговоров 13»²⁹⁶. За аналогичный период в Большеарский волостной суд поступило 427 дел, «из того числа разрешено 420 дел и на 1 января 1912 г. остались неразрешенными 7 дел»²⁹⁷.

В заключении акта ревизии земского участкового начальника содержался вывод о деятельности волостного суда, отражавший критические замечания, разъяснения норм законодательства, поощрительные надписи за хорошую организацию работы судей и делопроизводителя. К примеру, в результате ревизии Ельниковского волостного суда Краснослободского уезда Пензенской губернии земским начальником 2-го участка было установлено, что «дела в суде разбираются успешно в промежуток между заявлением и разбором дела от одной недели до месяца, месячный промежуток объясняется расстоянием места суда до

²⁹²ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1791. Л. 462.

²⁹³Там же. Л. 468.

²⁹⁴Там же. Л. 470.

²⁹⁵Там же. Л. 684.

²⁹⁶См.: ГА НО. Ф. 64. Оп. 8. Д. 8460. Л. 69.

²⁹⁷Там же. Л. 5.

лиц, подлежащих вызову. Имеется книга на записку решений, подлежащих исполнению, из которой видно, что их исполнение не поспешное, а даже крайне медленное»²⁹⁸. Земским начальником 6-го участка Инсарского уезда было сделано следующее замечание: «Уголовное дело 1910 г. № 11 по обвинению по 38 ст. устава о наказаниях назначалось разбором на 6 мая и на 20 июня, между тем в том и другом случае дело было отложено ввиду неявки обвинителя и обвиняемых, хотя повестки и были вручены своевременно. Надлежит такие дела разбирать заочно»²⁹⁹. На аналогичное нарушение было указано должностным лицам Шадымо-Рыскинского волостного суда, а именно, что «уголовное дело за № 18 по обвинению Кулагина по 38 ст. суд дело производством прекратил за неявкой потерпевшего. Таковые дела не подлежат прекращению за примирением сторон. Дело будет представлено в уездный съезд»³⁰⁰. В ходе ревизии Михайловского волостного суда земский начальник отметил, что «в общем делопроизводство волостного суда ведется правильно и аккуратно»³⁰¹. При ревизии Саранского волостного суда земский начальник Саранского уезда указал: «Из произведенной ревизии можно вывести лишь одно заключение, что во всем видна дружная и отличная работа всех должностных лиц, и я считаю долгом принести мою глубокую благодарность всем должностным лицам, а особенно председателю суда П. М. Маскинскому и волостному писарю И. П. Полякову»³⁰².

Итак, основной целью ревизий земских участковых начальников являлся сбор наиболее полной, в том числе статистической, информации об организации и деятельности волостных судов на территории земского участка. По общему правилу данная информация содержала следующие определенные сведения: о техническом оснащении и материальном обеспечении волостного суда, его личном составе, включая имена, фамилии, размер вознаграждения судей и писарей, количестве поступивших жалоб, а также разрешенных во видам (уголовных и гражданских) дел за определенный период. Следует отметить, что в

²⁹⁸См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1791. Л. 414–415.

²⁹⁹Там же. Л. 458.

³⁰⁰Там же. Л. 470.

³⁰¹См.: ГА НО. Ф. 64. Оп. 8. Д. 8460. Л. 69.

³⁰²ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1791. Л. 685.

подавляющем большинстве актов ревизий земскими участковыми начальниками давалась положительная характеристика деятельности ревизованных ими сословных судов. Если же имелись недостатки, то они были некритичными и исправимыми. Начальники осознавали, что уровень организованности волостных судов напрямую зависел от их непосредственного участия, в силу чего отражение реальных, возможно, отрицательных черт устройства волостной юстиции было для чиновников невыгодно.

В силу требований действовавшего дореволюционного законодательства земские участковые начальники имели большое количество прав, однако их власть была небезгранична. В своей деятельности начальники были подотчетны высшим органам власти губерний – губернским присутствиям. Нередко после проведения ревизий деятельности волостных правлений и судов земским начальникам делались замечания со стороны вышестоящего государственного органа за упущения, допущенные при проверках. Интересно постановление Пензенского губернского присутствия от 13 июня 1908 г., в котором указано, что в результате ревизии «непременным членом» Пензенского губернского присутствия А. А. Корольковым делопроизводства Болдовского волостного правления и суда Инсарского уезда земскому начальнику 6-го участка «на предмет устранения и наблюдения за недопущением на будущее время» сообщены замечания и предложено «наблюдать и прекратить по волостному суду ныне ведущуюся запись в настольный реестр только тех дел, кои по усмотрению волостного писаря подлежат занесению в реестр и учету, все дела, равно как законченные миром, должны иметь подписанные мировые сделки и быть занесенными в настольные реестры и тем устранить на будущее время ныне существующий порядок, допускающий произвол делопроизводителя волостного суда; стесняться при сем расходом излишних бланков не допускать»³⁰³.

«Общее положение о крестьянах...», утвердившее отмену крепостного права на территории Российской империи, вместе с тем определило порядок взаимодействия крестьян между собой и с помещиками, причем базисом таких

³⁰³См.: ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1336. Л. 1.

правоотношений служило распределение земли между ними. Реформа 1861 г. изменила всю систему земельных правоотношений в деревне. Земельные участки стали единственным объектом, отражавшим благосостояние, и источником дохода крестьян. В новых пореформенных условиях у крестьян возникала необходимость выбора форм и методов ведения хозяйства, оформления прав частного владения землей, а также поиска адекватной защиты от всевозможных посягательств на такие права. Институтом реализации указанного права на защиту стал волостной суд, разрешавший споры, предметом которых выступало недвижимое и движимое имущество, находившееся в пределах крестьянского надела, которое было непосредственно связано с обработкой земельного участка, а равно с устройством крестьянского быта. В землях Мордовии, основным видом экономической деятельности являлось сельское хозяйство, причем по распаханности земель указанные территории занимали первые места в европейской части империи (было распаханно 60,1 % площади)³⁰⁴. В этой связи предметом гражданских споров крестьян в волостных судах чаще всего выступали институты земельных правоотношений. Согласно материалам, собранным комиссией М. Н. Любоцинского, на территории Темниковского уезда Тамбовской губернии все крестьяне занимались «исключительно хлебопашеством»³⁰⁵, причем вне зависимости от объема и вида принадлежавших им прав на землю. Нередкими гражданскими делами в волостных судах уезда являлись споры о перераспределении земельных участков, о потраве урожая, о невыплате арендных платежей за землю и т.д.

Интересны споры о незаконном завладении крестьянами чужими земельными участками. Так, в 1871 г. в Атюрьевском волостном суде крестьянин Я. жаловался на С. за насильственный захват у него 2 ½ десятины земли и пользование ею в течение 15 лет. Ответчик С. объяснил, что он землей владел около 13 лет в связи с покупкой ее у крестьянина Я. Согласно «домашнему условию», которое сгорело во время пожара, «земля по владенной записи

³⁰⁴См.: История Мордовии... С. 222.

³⁰⁵См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 287, 301, 306, 311, 319, 324.

показана за ним и он платит оброчную подать». 23 апреля волостным судом было определено: «Поручить старшине сделать на месте дознание, кто этою спорную земель до настоящего времени владел, и что по дознанию окажется, старшина имеет доложить суду для окончательного обсуждения этого дела»³⁰⁶.

Захваты земельных участков нередко являлись следствием расточительства глав крестьянских семей, причем члены последних были вынуждены обращаться в волостные суды для истребования земли в законное владение. К примеру, крестьяне М. и Х. в 1871 г. обращались в Барашевский волостной суд с жалобой на главу семейства Я. о самовольной отдаче им «местной четвертной земли... потому что он есть престарелый и не работник», содержащийся на попечении истцов. Данный земельный участок в количестве 40 десятин был отдан крестьянину Н. для посева ярового хлеба в 1871 г. за 6 рублей серебром³⁰⁷.

Домохозяин в самовольной отдаче земли на судебном заседании сознался. 13 июня волостным судом было определено: «Так как М. и Х. согласились оставить землю в пользовании Н. на снятие одного ярового хлеба, т.е. на 1861 г., с тем, чтобы последний уплатил им не более как к 29 числу сего июня месяца 5 рублей серебром, на что Н. и согласился, то мировую их сделку утвердит»³⁰⁸.

Расточительство было редким, однако не исключительным явлением в крестьянской среде. Случалось, что один из членов семьи распоряжался имуществом единолично, без учета мнения других членов. Такие сделки часто сопровождались внутренним семейным конфликтом, разрешавшимся в заседании волостного суда. Примером данного вида земельного спора служит гражданское дело, рассмотренное Атюрьевским волостным судом: солдат Ш. взыскивал с брата Н. «шесть осьмых» десятин земли, проданной им в Изимиценской даче в количестве двух участков и в Молчановской, стоившей двадцать рублей. Свидетели отсутствовали. Ответчик в продаже земли в указанных селениях в

³⁰⁶Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 302.

³⁰⁷Там же. С. 287.

³⁰⁸Там же.

количестве «пять осьмых» десятины сознался, кроме Молчановской дачи, «в которой земля от них отошла после размежевания»³⁰⁹.

15 августа тяжущиеся при волостном суде тяжбу прекратили мировым соглашением с условием, «чтобы Н. отдал брату солдату вместо проданной четверти десятины в Верхнегишлайском поле три восьмых десятины на сечах около Новочадовского рубежа»³¹⁰.

Случались захваты земель с распахиванием уже засеянных участков. При таких обстоятельствах потерпевшая сторона была обречена на неполучение урожая, необходимого для обеспечения своего быта. Так, Крестьяне Д. и Г. обращались в Атюрьевский волостной суд с заявлением о том, что крестьянин В. на загоне, «очищенном из подкустовника и посеянном ими просом», самовольно перепахал землю и посеял репу. Размер причиненного ущерба истцы оценили в 5 рублей. Свидетелем являлся крестьянин Г.

27 июня стороны пришли к миру, «с тем, чтобы крестьянин В. уплатил Д. и Г. 3 рубля серебром, а репу, посеянную им, оставил в свою пользу»³¹¹.

В соответствии со ст. 58 «Общего положения о крестьянах...» обязанность надзирать за целостностью запасов общественного урожая и за правильным порядком его расходования возлагалась на сельского старосту, причем, исполняя ее, последний имел право вмешиваться в сельскохозяйственную деятельность крестьян, связанную с обработкой земли. В силу этого возникали случаи несправедливого принудительного распределения земельных участков сельским старостой крестьянам, причем последние начинали враждовать между собой. Примером такого спора служит гражданское дело, рассмотренное волостным судом Кушкинской волости в 1870 г. Крестьянин К. жаловался на крестьянина С. за неправильный засев его земли и сбор с него урожая в количестве «5 телег ржи». При разбирательстве оказалось, что С. засеял спорный участок не самовольно, а по приказанию старосты за уклонение К. от разверстки земли. Суд определил:

³⁰⁹Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 304.

³¹⁰Там же.

³¹¹Там же. С. 303.

«Наделить землю у обоих, и если у кого из них окажется излишняя земля, то тот и обязан заплатить тому, у которого недостает против следующих душ земли»³¹².

Общинный уклад жизни крестьянского населения способствовал развитию в сознании односельчан чувства взаимопомощи, поддержки в быту. С учетом существовавшей обязанности выплаты податей за находившуюся во владении землю несостоятельным крестьянам приходилось передавать свои земельные участки другим лицам с правом обратного их истребования. Однако случалось, что принявшие землю крестьяне отказывались добровольно возвращать ее законному владельцу, вследствие чего «обиженные» были вынуждены жаловаться волостным судьям. Например, крестьянин И. жаловался волостным судьям на то, что крестьянин А. не возвращал ему землю на одну душу, отданную с 10-й ревизии из платежа податей «по несостоятельности его». Свидетелей не было. Ответчик же объяснял, что И. отдал землю на одну душу из платежа податей сроком с ревизии до ревизии, и он эту землю удобрил навозом. Волостной суд решил: «Землю от крестьянина А. на одну душу, отданную ему И. из платежа податей, впредь до справки возвратить прежнему владельцу И. и сего последнего на основании той же статьи за самовольную отдачу доставшейся ему по разделу земли заключить под арест сроком на полсутки»³¹³.

Практика волостных судов исследуемой территории отражала нередкие случаи незаконного завладения – захвата земельных участков одним крестьянином у другого, причем их мотивы и способы не были однообразны. Следует отметить, что данный вид проступков влек наиболее негативные последствия для потерпевшей стороны, так как оставлял ее без средств к существованию и обрекал на голод.

Наряду с конфликтами крестьян по поводу самовольного завладения земельными участками, на которых выращивались сельскохозяйственные культуры, распространенными были споры о лесных угодьях. Они были сложными, и стороны предпочитали передавать их на рассмотрение волостному

³¹²См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 283.

³¹³Там же. С. 302.

суду. К примеру, в 1871 г. Стрелецкий волостной суд принял иск крестьянина Ч. следующего содержания: в марте истцом был куплен у крестьян А. и Б. из принадлежащей им дачи, расположенной в селе Стрельникове, лес «с полдесятины за 12 рублей серебром». Цену истец уплатил сполна. Из лесных угодий вывез для бани только один сруб, между тем лес тот крестьяне А. и Б. продали крестьянину А. с товарищем, каковой ими и вывезен из указанного участка в размере 40 бревен на сумму 40 рублей и дров 20 возов на сумму 10 рублей. Истец просил взыскать с крестьян А. и Б. 50 рублей серебром³¹⁴.

На суд явились проситель Ч., ответчики А. и Б. и крестьянин А. Ответчики суду заявили, что действительно ими «по словесному договору» продан остаток леса «с четверть десятины» за 12 рублей серебром крестьянину А. Лес же со всего пространства им вывезен, «а продавать никому не продавали». Крестьянин А. объяснял, что «так как им у А. и Б. по всему лесу куплены дрова, и вообще мелкий лес, а потому действительно, по необъяснению продавцов, в купленном участке Ч. свезено им три воза сучковых дров и 17 бревушек ольховых пятиаршинных, толщиной до 3 вершков»³¹⁵.

Основываясь на объяснениях сторон, волостные судьи постановили: «Взыскать с крестьян А. и Б. в удовлетворение просителя Ч. за увезенные А. три воза хвороста по 20 копеек, 60 копеек и 17 бревушек по 10 копеек, 1 рубль 70 копеек, а всего 2 рубля 30 копеек»³¹⁶.

Таким образом, участки, на которых расположен лес, служили крестьянам в качестве источника древесины, которая могла использоваться для возведения различного вида построек и для обогрева крестьянских домов. В силу климатических условий территорий Пензенской и Тамбовской губерний жилища крестьян должны были быть холодоустойчивыми и требовали обогрева в течение девяти календарных месяцев в году, вследствие чего древесина была жизненно необходимым сырьем в крестьянском быту.

³¹⁴Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 271.

³¹⁵Там же.

³¹⁶Там же. С. 272.

В пореформенный период на территории Мордовии в среде крестьянского населения широкое распространение получили арендные сделки, объектом которых выступали земельные участки. Крестьяне старались арендовать пахотные земли, причем видами платежа являлись отработка в натуре, испольно и за деньги³¹⁷. В результате и арендодатели, и арендаторы пытались с выгодой для себя нарушить обязательства, предусмотренные соглашением об аренде. Самыми распространенными нарушениями условий договоров аренды земельных участков являлись отказы арендаторов от уплаты цены соглашения. Так, 7 июля 1871 г. в Стрелецком волостном суде слушалось прошение крестьянина М. о взыскании с крестьян Ю. и Е. денег в сумме 12 рублей за отданную им в арендное содержание землю в количестве шести десятин, но «отказавшихся от нее безвременно», т.е. после окончания сева, поэтому она осталась незасеянной «в залежи». Вызванный на суд крестьянин М. просьбу свою подтвердил, а Ю. и Е. заявили, что не хотели не сеять и никогда не отказывались от участка, а, напротив, один из них, Е., подтвердил, что они засеют землю. Крестьянин М. представил свидетеля крестьянина Т., при котором Ю. говорил, что он все 6 десятин засеивать не будет, «а только три десятины, потому что остальные три неудобные». Свидетель Т. все это подтвердил. М. объяснил суду, что «он и за таким справедливым показанием из 12 рублей уступает 5 рублей серебром»³¹⁸.

Принимая во внимание, что в сделке не имелось «должного условия о снятии этой земли в арендное содержание», волостной суд постановил: «Деньги за оставленную в залеж землю взыскать в сумме 7 р. на основании уступки самого М.»³¹⁹.

Бывало, что крестьяне-арендаторы не выплачивали сумму по договорным обязательствам за сданную им в аренду землю вследствие отсутствия у них денежных средств. Аренда земельных участков за деньги чаще была распространена в среде зажиточных крестьян, так как они имели в распоряжении свободные наличные. Между тем бедные крестьяне их не имели и прибегали к

³¹⁷См.: История Мордовии... С. 216–217.

³¹⁸Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 267.

³¹⁹Там же.

более тяжелым формам натуральной аренды³²⁰. Отсутствие денежных средств у бедного крестьянина-арендатора не являлось препятствием для принудительного их взыскания по решению волостного суда. Примером служит решение волостного суда Барашевской волости от 9 июня 1970 г., согласно которому волостной старшина предъявил иск к крестьянину Т. о взыскании денег в размере 9 рублей за сданные в аренду просеки. Волостной суд решил: «Так как сам Т. сознался на суде, что действительно должен 9 рублей, но только его товарищи не уплачивают ему, а потому с Т. взыскать 9 рублей и удовлетворить оными старшину, а ему, Т., предоставляется право явиться в волостной суд с жалобой на товарищей»³²¹.

Предметом земельных споров в рамках арендных соглашений крестьян выступали не только земельные участки, но и выращенный на них урожай, причем вопрос о его сборе и принадлежности одной из сторон разрешался волостными судами отдельно. Так, крестьянин К. в Атюрьевском волостном суде просил взыскать с П. за 1 десятину арендованной земли, засеянной овсом, плату в размере 10 рублей 30 копеек. Свидетелей не было. 20 августа тяжущиеся прекратили дело в результате заключения мирового соглашения «с обязательством П. уплатить К. за землю 7 рублей в следующие сроки: в Покров 3 рубля 50 копеек и к Михайлову дню 3 рубля 50 копеек, а овес с этой земли снять П.»³²².

Нередко волостные суды заменяли способ и порядок принудительного взыскания задолженностей по оплате договоров аренды, а именно вместо денежных средств ответчик был обязан передать истцу полученный урожай. Атюрьевским волостным судом было установлено следующее: крестьянин П. взыскивал с Х. 6 рублей за землю, «нанятую у него под посев хлеба ярового». Волостной суд определил: «Вместо взыскиваемых 6 рублей с Х. по случаю

³²⁰См.: История Мордовии... С. 218.

³²¹Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 287.

³²²Там же. С. 304.

неуплаты им предоставить право крестьянину К. воспользоваться посеянным на наемной земле Х. овсом»³²³.

В силу неграмотности крестьяне заключали соглашения аренды земельных участков в устной форме. В таких случаях для удостоверения сделки привлекались свидетели, причем при дальнейших спорах сторон последние были обязаны рассказать волостным судьям, при каких условиях и в каком порядке заключался договор. В 1871 г. в Барашевском волостном суде слушалось дело, согласно которому крестьяне Т. и В. жаловались на непредоставление земли, взятой ими у крестьян С., Р. и В. Свидетели П. и А. на суде показали, что действительно крестьяне деревни Идеевой отдавали под посев землю осенью в 1870 г., из которых С. получил с них, Т. и В., в задаток 5 рублей. Суд постановил: «На основании показаний свидетелей находит, что земля отдана крестьянами С., Р. и В. в количестве 3 1/9 десятин, а потому находит с показаниями свидетелей П. и А. землю эту возвратить обратно в пользование Т. и В. на один посев, т. е. на урожай 1872 г. ржи, а по снятии хлеба возвратить обратно прежним владельцам»³²⁴.

Интересен спор, рассмотренный Атюрьевским волостным судом в 1871 г., где крестьянин-арендодатель в рамках заключенного договора аренды обманул крестьянина-арендатора путем подмены одного земельного участка другим: крестьянин А. жаловался на М. за то, что он в феврале нанял у него две десятины земли под посев ярового хлеба за 8 рублей за рекой Пишляй под названием Тюбахи, но крестьянин М. вместо указанной территории отдал земельный участок в другом месте, где земля песчаная и непригодна для ведения сельского хозяйства. Свидетель крестьянин С. объяснял, «что при ряде на отдачу М. двух десятин А. был и слышал, что М. отдает землю в двух местах за речкой Пишляй на урочище под названием Тюбахилева сеч, где и у него есть владение около этих же загонов». Ответчик М. пояснял, что, когда им был сдан в аренду земельный участок в 2 десятины ценой по 4 рубля под яровой хлеб, то условия о его

³²³Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 304.

³²⁴Там же. С. 287.

местонахождении не оговаривались. Волостной суд, рассмотрев обстоятельства этого дела и жалобу просителя А., в соответствии с показаниями свидетеля и ответчика нашел виновным М. в непредоставлении А. в двух местах 2 десятин земли в Тюбахилевых сечах, «так как ни в каком случае быть не может, чтобы А. у него нанимал землю без указаний местности, как это показывает ответчик». Суд определил: обязать крестьянина М. отдать 2 десятины земли А. «в двух местах в той местности, где ему сказано М. при свидетеле С.»³²⁵.

Таким образом, крестьяне, использовавшие по большей части юридические обычаи в различных правоотношениях, при заключении договоров аренды применяли элементы, содержащиеся в позитивном праве, а именно форма (письменная, реже устная) соглашения, его возмездность, указание на строго определенный предмет, срок договора. Односторонний отказ от исполнения такого договора в среде крестьян не признавался и являлся основанием для обращения потерпевшей стороны в сословный суд, способный восстановить нарушенные права заявителей.

Земля, являвшаяся основным объектом различных соглашений крестьян как между собой, так и с лицами иных сословий, сама по себе не приносила дохода ее владельцу. Доходную часть земельного участка составляла цена урожая, созревшего на нем за определенный промежуток времени. Основными сельскохозяйственными культурами, возделываемыми на исследуемой территории, были зерновые. Урожайность по годам характеризовалась неустойчивостью. Хозяйства крестьян нередко страдали от засухи. В Пензенской губернии за вторую половину XIX в. по зерновым культурам недоборы урожая минимум до 25 % случались в среднем через каждые 7 лет, что приводило к голоду среди основной массы населения – крестьянства, а также падежу скота³²⁶. Семена различных сельскохозяйственных культур, а равно выращенный урожай признавались движимым имуществом, неразрывно связанным с земельными

³²⁵Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 301–302.

³²⁶См.: История Мордовии... С. 225.

правоотношениями крестьян, в силу чего нередко являлись предметом споров в волостных судах.

В высшей степени бедственными случаями утраты урожая являлись факты его умышленной потравы. Потерпевшей от уничтожения урожая стороне ничего не оставалось делать, как обращаться за помощью в волостной суд. К примеру, 3 января 1871 г. в Стрелецком волостном суде слушался иск сельского старосты следующего содержания: крестьянин К., имевший земельные участки в общем владении нераздельно с крестьянами К. и Ш., весной 1870 г. с согласия старосты и других крестьян из общего выгона оставил зарастать травой пай длиной 200 и шириной 40 сажень, на котором можно было вырастить урожай многолетних трав, а именно сена ценой в 70 копеек для ведения хозяйства крестьян И. и М. за данного на одно лето в стадо их быка. Пай же сохранялся до Петрова дня без всякой потравы. На Петров день крестьянин Ш., воспользовавшись отсутствием других крестьян, указанный пай «неизвестно по какому случаю» табуном своих лошадей в количестве 80 голов весь до основания стравил. В связи с этим староста просил за потраву пая взыскать с крестьянина Ш. денежный штраф. На судебном заседании истец поддержал заявленные требования, и судьи постановили: «За самовольную потраву оставленного с согласия из общего выгона пая взыскать с крестьянина Ш. в пользу крестьян деревни К. в удовлетворение крестьянина М. за данного быка двадцать рублей серебром»³²⁷.

У большей части крестьян исследуемых нами губерний не было принято хвалиться крепким хозяйством или большим урожаем, широко демонстрировать достаток. Такая позиция была обусловлена существованием общинных традиций уравниловки, а также тяжелым социально-экономическим положением крестьянства во второй половине XIX в.³²⁸ В периоды сбора урожая он распределялся в соответствии с размерами земельных участков, находившихся во владении конкретного лица или семьи. Однако случалось, что крестьяне взыскивали с односельчан, по их мнению, незаконно присвоенную часть урожая.

³²⁷Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 262.

³²⁸См.: Сушкова Ю. Н. Указ. соч. С.188.

В 1871 г. Атюрьевском волостным судом рассматривалось гражданское дело, согласно которому крестьянин Б. взыскивал с брата Н. С. «на полдуши брата солдата посеянную рожь», которую возделывали совместными усилиями, на общую сумму 10 рублей. Ответчик показал, что он не отдаст брату Б. требуемую часть ржи, потому что солдат по прибытии в отпуск «взыщет с него одного». Волостной суд решил: «Посеянную рожь на душу солдата разделить между двумя братьями пополам, так как земля эта обработана и посеяна и подать уплачена ими вместе»³²⁹.

Крестьяне, потерявшие собственный урожай, могли прибегать к тайному «снятию» чужого в целях обеспечения пропитания и быта. Потерпевшие от данных незаконных действий не мирились с самоуправством и обращались в волостной суд. К примеру, солдат Ф. жаловался на Р. за самовольное снятие с $\frac{1}{4}$ десятины 180 снопов ржи на 6 рублей 50 копеек и на посев $\frac{1}{4}$ десятины овса стоимостью 1 рубль 50 копеек. В доказательство принадлежности ему земли проситель представил удостоверение Устрахшиновского волостного правления. Волостной суд решил самовольно сжатую Р. рожь в количестве 180 снопов у него отобрать и отдать солдату Ф., а за $\frac{1}{4}$ десятины земли, засеянной овсом, взыскать с него же в пользу просителя 1 рубль 50 копеек³³⁰.

В рамках рассматриваемых судами дел о самовольном завладении урожаем важная роль отводилась как вещественным доказательствам, так и свидетельским показаниям лиц, видевших правонарушителей. В случае их отсутствия волостные суды отказывали в удовлетворении заявлений. Например, в Барашевском волостном суде на крестьянина И. жаловался крестьянин Н. о хищении с его загона 7 телег ржи на сумму 15 рублей серебром. Свидетелей обе стороны не представили. 31 августа судьи постановили: «Так как тяжущиеся не представили свидетелей, то в просьбе им отказать»³³¹.

В другом случае, основываясь на показаниях свидетелей, волостной суд установил, что крестьяне С. и А. жаловались на крестьян Ю. и К. за самовольный

³²⁹Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 304.

³³⁰См.: Там же. С. 303.

³³¹Там же. С. 288.

увоз 150 снопов овса с принадлежавшего им загона на сумму 4 рубля. Свидетели со стороны просителей К. и Т., со стороны ответчиков Н., М. и К. Волостной суд решил: «Землю в количестве 7 сажень, с которой увезено 150 снопов овса, признать принадлежащей просителю С. с товарищами и 150 снопов овса от Ю. и К. отобрать и отдать просителям»³³².

Взыскание похищенного урожая потерпевшей стороной происходило и в рамках уголовного судопроизводства. В таких случаях хищение квалифицировалось как кража, и, помимо возмещения потерпевшему крестьянину украденного имущества, к преступнику применялись различные меры наказания, предусмотренные законодательством Российской империи.

Примером уголовного судопроизводства о краже урожая служит дело, рассмотренное Атюрьевским волостным судом по жалобе крестьян А. и Б. на крестьянина И. за кражу в поле с их загонов овса на сумму 4 рубля. Ответчик И. при первом допросе пояснил, что он вывез овес ошибочно с загонов А. и Б., так как его загон арендован вблизи спорного у крестьянина Т. Крестьянин Т. на заседании суда пояснял, «что он ответчику внаймы никакого загона не давал, тогда И. в краже овса сознался». Волостной суд постановил: «Крестьянина И. 28 лет, замеченного в краже с поля хлеба в 1870 г., за кражу овса у крестьян А. и Б. наказать розгами дачей 20 ударов»³³³.

Неотъемлемой частью производственной базы сельского хозяйства в деревнях являлся рабочий скот. Работы, связанные с обработкой земельного участка, в большинстве случаев осуществлялись с использованием лошадей. Учитывая, что материально-техническая база на протяжении второй половины XIX – начала XX в. не претерпела заметных изменений, а обработка земли производилась примитивными орудиями труда (соха, деревянная борона)³³⁴, роль парнокопытных животных была неоспорима. Утрата земледельцем лошади исключала возможность нормального хода сельскохозяйственных работ, а равно расстраивала быт крестьянских семей. Рабочий скот признавался движимым

³³²Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 305.

³³³Там же. С. 310.

³³⁴См.: История Мордовии... С. 223.

имуществом, имевшим цену, и выступал в роли средства производства. Умышленная порча такого имущества расценивалась как правонарушение, которое рассматривалось волостными судами по правилам уголовного или гражданского судопроизводства.

Атюрьевским волостным судом слушалось гражданское дело, согласно которому крестьянин К. жаловался на Б. и О., что они сломали его лошади ногу, «которая к употреблению уже негодна», за что просил взыскать с них 35 рублей. Свидетели со стороны К. девица Е., Х., А., А., Ш., И., Ф. и К. Волостной суд определил: с крестьян Б. и О. взыскать за лошадь в пользу К. за вычетом 10 рублей, «вырученных чрез продажу оной татарам на зарез, двадцать пять рублей, а при добровольной неуплате взыскание это пополнить с имения их отца, живущего с ними вместе»³³⁵.

Рабочий скот нередко выступал в качестве предмета различного вида возмездных договоров (купли-продажи, займа и т.д.). Цена таких соглашений нередко завышалась, а неоплата вынуждала стороны прибегать к судебной защите нарушенных прав. Так, Стрелецким волостным судом в 1871 г. слушалось прошение крестьянина Ю. по делу о взыскании 43 рублей серебром с крестьянина Б. за покупку пшеничной муки на 29 рублей и лошади за 14 рублей. Истец просьбу свою подтвердил, ответчик от долга отказался, заявив, «что он все брал на деньги». Свидетели показали, что им известно, что Б. действительно был должен Ю. 43 рубля и что «это хорошо известно, потому что жена Ю. для Б. муку покупала у одного из свидетелей А.». Приняв во внимание объяснение сторон и свидетельские показания, судьи решили: «Денежные средства в размере 43 рублей взыскать с крестьянина Б. через местного старосту в пользу Ю.»³³⁶.

Интересными являлись споры крестьян, где рабочий скот выступал в качестве залога, являвшегося предметом долговых правоотношений крестьян. Так, волостные судьи слушали прошение крестьянина Д. по делу об угоне у него лошади из города Темникова крестьянином С. Факт хищения подтверждали

³³⁵Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 306.

³³⁶Там же. С. 266.

крестьянин П., староста В., И., сотский М., крестьяне Е., Н., М., Ш. и И. На суд явились проситель Д., ответчик С., из числа свидетелей Н., М., Е. и И. Ответчик заявил, что лошадь он действительно взял у Д. в городе Темникове, но она принадлежит не Д., а ему, С. Лошадь находилась у Д. в качестве обеспечения долга в размере 17 рублей, оставшихся за первоначальный угон собственной лошади Д. Свидетели Н., М. и Е. «справедливое заявление Д.» подтвердили. Судьи решили: «Деньги 17 рублей взыскать с С. в пользу Д. с другого имущества С., что и привести в исполнение через местного старосту»³³⁷.

Под определение «рабочий скот» в крестьянском быту подпадал весь крупный рогатый скот, включая коров и телят. Их ценность заключалась не только в способности обрабатывать земельные участки. Крупный рогатый скот являлся источником мяса, т.е. жизненно необходимого продукта питания. Противоправная утрата коров и телят возбуждала в крестьянской среде множественные конфликты, которые рассматривались волостными судьями. В 1871 г. Стрелецкий волостной суд рассмотрел заявление «солдатского сына Т.» по делу о самовольном отобрании братом его Н. принадлежащего ему с матерью теленка. На суд явилась мать просителя, ответчик же по вызову не явился без уважительных причин. Мать просителя солдатка А. просьбу сына подтвердила, добавив, что Н. при разделе вместо теленка взял на свою часть четыре овцы. Волостные судьи разрешили дело заочно и постановили: «Отобранного самовольно Н. теленка признать собственностью брата его Т. на том основании, что взамен его Н. при разделе получены уже четыре овцы»³³⁸.

Крестьяне, привыкшие обустроить свой быт на основе принципа общинности, с 1861 г. были вынуждены вести хозяйство на новых рыночных началах. Каждый домохозяин, получавший во владение земельный участок, старался по своему усмотрению распоряжаться этим имуществом, а равно возводить постройки и организовывать двор. Бывали случаи, когда недовольные односельчане отказывались мириться с новыми правилами землепользования и

³³⁷Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 271.

³³⁸Там же. С. 266.

чинили препятствия законным владельцам земли, что приводило к спорам, даже в пределах одной семьи. Примером подобного конфликта выступает гражданское дело, рассмотренное Атюрьевским волостным судом, согласно которому крестьянка Б. жаловалась «на недопущение ее к постройке дома на общей усадьбе после раздела братьями Н. и В.». Дело окончилось мировой сделкой «с обязательством Н. и В. уступить Б. третью часть из усадьбы сзади двора поперек. Из огорода же под двор Б. нисколько не занимает и огород между ними остается, как они ныне владеют»³³⁹.

В 1889 г. изменилась организационно-правовая основа деятельности волостного суда. Крестьяне – стороны судебного разбирательства в указанный период, стали грамотнее в правовом смысле, применяли различные виды доказательств. Порядок судебного заседания также претерпел практические изменения. Судьи рассматривали представленные доказательства и оценивали их не по отдельности, а в совокупности, делали выводы о противоречивости свидетельских показаний. Распространенным инструментом судебного следствия при рассмотрении земельных споров становится «осмотр местности». При выезде на место расположения объекта земельного спора судьям проще изучить обстоятельства правонарушений, а также опросить жителей деревни. Вместе с тем осмотр местности позволял волостным судьям объективно оценить межевые параметры участка, удостовериться в наличии или отсутствии различного вида строений на спорной земле. К примеру, 17 декабря 1909 г. Теньгушевский волостной суд Темниковского уезда в составе председателя суда Лезина, судей Сергеева, Кочеткова, Сафронова рассматривал гражданское дело по иску крестьянина деревни Мордовские Новоселки Козьмы Иванова Сафронова, предъявленному к крестьянину той же деревни Ивану Ефимову Клочкову, о сносе конюшни и бани и взыскании убытков 15 рублей.

Крестьянин деревни Мордовские Новоселки Козьма Иванов Сафронов письменно заявил Теньгушевскому волостному суду, что крестьянин одной с ним деревни Иван Ефимов Клочков на его дворовой усадьбе возвел конюшню и баню,

³³⁹Груды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 303.

чем «причинил ему остановку работы двора, чрез что он терпит убытку 15 рублей». На судебном заседании истец представил расписку от 24 июня 1908 г. о покупке усадьбы. Ответчик объяснил, что конюшню он построил на своей усадьбе и что истцу он ее не продавал, а расписку считает недействительной.

Свидетель Григорий Иванов Первушкин показал, что ответчик Клочков продал истцу усадебную землю «количеством в ширину 4 аршины, в длину по конец усадьбы», причем ответчик застроил конюшней и баней усадьбу у истца сзади двора.

В назначенный день волостной суд в присутствии сельского старосты деревни Мордовские Новоселки, понятых, а также тяжущихся сторон приступил к осмотру построек и усадьбы. В результате оказалось, что «усадьба в длину 111 сажень, каковой находится под постройками у обоих по 14 сажень в длину и в ширину, усадьбы имеют мерой у истца 5 сажень и ответчика 6 сажень 2 аршина спереди и сзади дворов по 9 сажень», во дворе находятся постройки ответчика – конюшня и баня.

Примирения по делу не состоялось. Волостной суд, рассмотрев обстоятельства дела и представленную истцом расписку от 24 июня 1908 г. о покупке усадьбы, выслушав объяснения сторон и показания свидетелей, решил иск Сафронова признать доказанным и подлежащим удовлетворению на основании расписки и показаний свидетелей Первушкиных. Суд обязал ответчика передвинуть постройки на 2 аршина, а также постановил взыскать с него 15 рублей убытков³⁴⁰.

Организационно-правовые основы деятельности волостных судов, располагавшихся на территориях Симбирской, Нижегородской, Тамбовской и Пензенской губерний в период с 1861 по 1912 г., базировались на общих принципах волостной юстиции Российской империи. В результате анализа архивного материала и с учетом географического положения исследуемых территорий делается вывод, что основным объектом споров крестьян выступали земельные правоотношения, а предметом – земельные участки, рабочий скот,

³⁴⁰См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2.

инвентарь, урожай и другое как движимое, так и недвижимое имущество крестьян, непосредственно связанное со сферой сельского хозяйства. В рассматриваемый период в среде сельских жителей распространение получили различные виды обязательств, включая аренду, займ, сервитут, причем при заключении данных сделок сельские жители, наряду с обычным, применяли нормы позитивного права. Защищая свои законные права и интересы при одностороннем отказе от исполнения договора, стороны нередко обращались в волостной суд, о чем свидетельствует представленный архивный материал.

В 1889 г. во всех уездах, включая исследуемые, учреждался институт земских участковых начальников. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что среднее число земских участков на территориях уездов составляло от 4 до 6. Сохранившиеся акты ревизий земскими начальниками крестьянских судов свидетельствуют о разнообразии в подходах к надзору за их деятельностью, вследствие чего нередким явлением было бесконтрольное функционирование волостных судов из-за простого нежелания земских начальников исполнять возложенные на них должностные обязанности, в других же уездах названные чиновники достаточно хорошо знали все проблемы крестьянского суда, старались найти способы их решения, приводили его деятельность в соответствие с действовавшим в тот период законодательством.

2.2. Волостное судопроизводство в 1912–1917 гг.

Законодательство о волостном судоустройстве и судопроизводстве с момента учреждения в 1861 г. и до 1917 г. неоднократно пересматривалось. Видоизменению подлежали вопросы организации крестьянского суда, связанные с пределами его полномочий, порядком обжалования решений, формирования судейского корпуса. Неизменной осталась базовая цель создания волостных судов – ограждение лиц крестьянского сословия от вмешательства в их быт помещиков, а равно защита интересов крестьян при распределении земли.

В начале XX в. вопрос об организационно-правовых основах деятельности волостного суда являлся следствием изменения земельных правоотношений крестьян, в том числе проживавших на территориях Тамбовской, Пензенской, Нижегородской и Симбирской губерний. Рассмотрение данных проблем началось в первом десятилетии XX в. Редакционной комиссией по пересмотру законоположений о крестьянах и Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Закон от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда», по нашему мнению, можно назвать итогом их деятельности³⁴¹.

Основными целями деятельности Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах, учрежденной в 1902 г., являлись устранение недостатков в деятельности волостного суда в целях «пресечения проступков и правильного разрешения имущественных тяжб и споров на твердых, отвечающих народному правосознанию, основаниях», разработка правил, определявших права крестьян на «различные виды надельных угодий», установление порядка взаимодействия между крестьянским населением и другими сословиями в сфере земельных правоотношений, поиск способов, «содействовавших развитию в среде крестьянского населения личной предприимчивости», выработка мер, направленных на обеспечение правового воспитания в крестьянской среде³⁴².

³⁴¹См.: ПСЗ РИ. 1915. Т. XXXII. С. 662.

³⁴²См.: Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах... С. 38–39.

Члены комиссии указывали, что крестьянское население сословно обособлено и связано с признаком «своеобразия всего их поземельно-хозяйственного строя, опирающегося на отведенный им ради обеспечения их быта специальный запас земель»³⁴³. Данная сословная обособленность требовала упорядочения деятельности волостного суда и отыскания способов и приемов, необходимых для правового воспитания крестьянского населения. Реализация указанных задач была обусловлена тем, что «надельные земли, служа обеспечением быта крестьян, не могли составлять предмет свободного оборота и не подлежали действию общих гражданских законов»³⁴⁴. Решение о преобразовании волостного суда, высказанное в заключении Редакционной комиссии, явилось следствием пересмотра форм крестьянского землепользования. Члены комиссии указывали, что нормативно-правовые акты от 19 февраля 1861 г. «не ввели новшества в существовавшие до их издания способы владения крестьян их землями, а лишь утвердили тот распорядок, который искони установился в местности»³⁴⁵, причем определяющими формами землепользования служили коллективная (общинная) и индивидуальная (подворная).

Анализируя указанные формы хозяйствования, Редакционная комиссия пришла к выводу, что плюсами коллективного землепользования являются его соответствие историческому ходу развития и «характеру русского народа», предупреждение возникновения пролетариата, равномерное распределение «народного богатства», в силу чего реализовалась правоохранительная функция, а именно крестьяне ограждались от вмешательства в их быт лиц дворянского сословия. Отрицательная сторона заключалась в чересполосности и дробности земельных участков, отсутствии у крестьян – членов общины интереса к новым, усовершенствованным способам обработки земли, частых переделах земельных участков, отсутствии у отдельных членов общины чувства уважения прав и интересов других членов, а также распространении взгляда крестьян на землю как на «общее достояние» всей общины.

³⁴³Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах... С. 17.

³⁴⁴Там же. С. 19.

³⁴⁵Там же.

Базисом недостатков той или иной формы землепользования являлся человеческий фактор, а именно уровень культурного развития крестьянина, причем было необходимо «не изменение юридического характера владения землей, а меры иного порядка – уничтожение дробности и чересполосности отдельных крестьянских полос, сведение владений каждого двора в один отрубной участок, словом, переход к хуторскому хозяйству»³⁴⁶. Ведение хуторского хозяйства предполагало владение крестьянином земельным участком на праве собственности, самостоятельную обработку данного участка «без помощи мира». Установление данного порядка землепользования предполагало преобразование различных сфер жизни крестьян, в том числе подлежали пересмотру проекты правительства о правовом воспитании населения.

Таким образом, Редакционная комиссия, выдвинувшая положения о коренном преобразовании органов крестьянского управления и суда, центром реформирования представляла земельные правоотношения крестьян. В этой связи были аргументированы взгляды о первостепенном принципе защиты прав и законных интересов лиц низшего сословия вследствие смены форм землепользования.

По мнению членов Редакционной комиссии, «Общее положение о крестьянах...» от 19 февраля 1861 г. не в полной мере урегулировало вопросы крестьянского управления, судопроизводства и порядка землепользования, вследствие чего «большое расстройство» получило экономическое благополучие деревни. В сознании крестьян не укрепилось «уважения к праву вообще и основного в гражданской жизни понятия о неприкосновенности чужой собственности в частности»³⁴⁷. Такое положение сложилось в том числе из-за отсутствия у крестьян до 1861 г. каких-либо прав собственности на недвижимое имущество (земельные участки). Низкий уровень правосознания сельских жителей в сфере земельных правоотношений признавался обоснованным. Частое «отсутствие укрепленных межевыми знаками границ крестьянского надела

³⁴⁶Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах... С. 23.

³⁴⁷Там же. С. 36.

открывало крестьянам доступ в черту владельческих угодий и возможность безнаказанного расширения своего владения путем захвата соседских участков»³⁴⁸. Логичными последствиями являлись незаконные вырубki леса, распахивание участков, а равно «потравы» урожая. В итоге крестьяне вступали в конфликты с односельчанами, которые заканчивались судебным разбирательством. В совокупности мер, направленных на упорядочение земельных правоотношений крестьян, главенствующая роль членами Редакционной комиссии отводилась волостному суду, способному «правильно разрешать имущественные споры и тяжбы на твердых, отвечающих народному правосознанию основаниях»³⁴⁹.

Наряду с Редакционной комиссией по пересмотру законоположений о крестьянах, в первом десятилетии XX в. вопросы крестьянского землепользования с акцентом на правовое воспитание сельского населения посредством обособленного крестьянского суда рассматривало Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Местные комитеты по аналогии с Редакционной комиссией проводили сравнительный анализ форм крестьянского землепользования и их зависимости от сложившихся методов крестьянского управления и отправления правосудия³⁵⁰. Указывалось на неустойчивый характер общинного пользования землей и пагубное «влияние уравнительного строя на моральную сторону крестьянской среды»³⁵¹. Совокупность трех базовых признаков деревни до XX в., а именно общинный строй, крестьянское управление и сословное правосудие, не способствовали сохранению имущества крестьян, из которых «более энергичные старались уйти в города, где мир не мог посягнуть на результаты труда, и они защищались общим правопорядком, а не сельскими властями и судом»³⁵². Между тем представители Нижегородской и Тамбовской губерний высказывались за сохранение общинной формы владения землей, а

³⁴⁸Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах... С. 37.

³⁴⁹Там же. С. 38.

³⁵⁰См.: Риттих А. А. Крестьянское землепользование. СПб., 1903. С. 130.

³⁵¹Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. С. 4.

³⁵²Там же.

представители Симбирской губернии, кроме того, выступали за право свободного выдела своего надела (Симбирская губерния)³⁵³.

С момента учреждения волостной юстиции и до начала XX в. крестьянское правосознание видоизменилось. Широкое распространение стали получать разного рода сделки, предметом которых выступала наделная земля, а именно купля-продажа, аренда, залоговые правоотношения. В этой связи судебная защита законных интересов сторон договоров признавалась незыблемым правом. Местные комитеты указывали на сложившуюся практику применения местных обычаев в данной сфере, причем большинство из них подчеркивало их отрицательную роль в качестве источника права. Основным аргументом являлись частые случаи отмены решений волостных судов, вынесенных на основании того или иного обычая, высшими инстанциями, руководствовавшимися общегражданскими законами.

Итак, исследование проблем крестьянского управления, судопроизводства и землепользования в начале XX в. членами Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности легло в основу реформирования организации и деятельности волостной юстиции, в том числе на территории Мордовии. Крестьяне – стороны судебного разбирательства в начале XX в. стали грамотнее в правовом смысле, применяли различные виды доказательств, предусмотренные нормативно-правовыми актами. Основным же неизменным объектом споров оставались земельные участки и связанное с ними движимое и недвижимое имущество.

Базовым доказательством, фигурировавшим в большинстве гражданских аграрных споров крестьян, с 1912 г. стала земельная межа, причем нарушение межевых границ возбуждало вражду между односельчанами. Нередкими были случаи долгих конфликтов между соседями, доходивших до судебного разбирательства, когда они не могли определить границы смежных земельных участков. К примеру, 20 октября 1913 г. Бутаковский волостной суд

³⁵³Риттих А. А. Крестьянское землепользование. С. 69, 74.

Темниковского уезда Тамбовской губернии в составе председателя Плаксина, судей Яшкова, Петракова, Якунькова рассматривал гражданское дело по иску крестьян села Бутаково Федора и Дмитрия Захаровых Разгильдеевых, предъявленному к односельчанину Якову Дмитриеву Сюндюкову «о восстановлении нарушенного владения землею»³⁵⁴.

Крестьяне села Бутаково Федор и Дмитрий Захаровы Разгильдеевы письменно заявили Бутаковскому волостному суду, что Яков Дмитриев Сюндюков 17 мая 1912 г. в яровом поле на купленном им загоне у крестьянина Егора Зайцева в первый год своего владения самовольно нарушил полукруглую земельную межу, сделал ее «несколько прямой и припахал к себе смежных с ними двух загонов, засеянных просом и овсом, мерою в 1 сажень 1 $\frac{1}{4}$ аршин шириною и 6 сажень длины», а в другом загоне «3 квадратных сажени». Разгильдеевы просили восстановить их право на владение землей в указанном размере, нарушенное Сюндюковым, и взыскать с него судебные издержки в размере 50 рублей. Данное гражданское дело было предметом рассмотрения 29 июля. Решение определением Темниковского уездного съезда от 17 января 1913 г. было отменено и для нового разбора по существу передано в Бутаковский волостной суд согласно предписанию от 25 мая 1913 г. № 95³⁵⁵.

Волостной суд в полном составе в присутствии сторон и свидетелей произвел осмотр спорной местности и измерил ее. В результате установлено, что длина загона Сюндюкова имела 50 сажень, ширина с одного конца 10 сажень 1 аршин, в середине 8 сажень 2 $\frac{1}{2}$ аршина, а с другого конца 8 $\frac{1}{4}$ сажени. В границы загона упирались концами загоны Федора Васильева Разгильдеева, спорный загон истцов, имевший в ширину 3 сажени 1 $\frac{1}{2}$ аршина, загон Ивана Яковлева Разгильдеева, загон дворян Рафека и вдовы Айши Дивеевых, загон Екатерины и Авдотьи Разгильдеевых, спорный загон истцов Федора и Дмитрия Разгильдеевых, имевший ширину 5 сажень 2 аршина, загон Тимофея Яковлева Разгильдеева. Материальная граница этих загонов «не прямая, а полукруглая,

³⁵⁴ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.

³⁵⁵Там же.

признаков слома межи и захвата земли Сюдюковым совершенно никаких не заметно»³⁵⁶.

В заявлении Разгильдеевы просили присудить им земли в первом загоне длиной 6 сажений и шириной 1 $\frac{1}{4}$ аршина, а в другом 3 квадратных сажени. На осмотре судом истцы объяснили противоположное, т.е. «вместо ширины длину». Хозяева остальных 6 загонов, имевших общую границу, осмотру не препятствовали. На суде просители Федор и Дмитрий Захаровы Разгильдеевы, подтверждая свое заявление, просили «присудить в их пользу землю, самовольно захваченную Сюдюковым». Ответчик Яков Сюдюков объяснил, что «никакой межи не ломал и земли у Разгильдеевых не захватывал, а пахал по той меже, как купил его сын Тимофей, почему и просил в иске отказать»³⁵⁷.

Свидетели по делу показали, что бывший сельский староста Сюдюков «был при осмотрах в первый раз местности и видел, что межа была сломана, сколько захватил Сюдюков земли, сказать не может, а когда мерили второй раз рулеткой, то захвата земли со стороны Сюдюкова никакого не оказалось». Яков Яковлев Дивеев показал, что «он был при осмотрах местности и видел, что межа сломана и Сюдюков захватил земли у Разгильдеевых 3 аршина». Александр Васильев Дивеев показал, что «он видел сломанную межу, но кто это сделал, сказать не может, и сколько было захвата, сказать не может». Михаил Афанасьев Клочков сообщил, что «он знает, что межу сломал Яков Сюдюков и прихватил в его пользу земли Разгильдеевых длины аршина на 3 во всю ширину их загона». Андрей Васильев Захаров свидетельствовал, что «земля Зайцева, перешедшая к Сюдюкову, была у него в аренде, и он хорошо знает, что межа между загонами была настоящая, заросшая травой и полукруглая, кто ломал межу, он не знает, так как не видел, но по осмотру сего числа он заметил, что нарушение таковой последовало со стороны Сюдюкова». Иван Федоров Сюдюков показал, что он по этому делу ничего не знает, только сегодня он видел, что межа полукруглая и часть истцы оставили незапаханной. Петр Емануилов Сюдюков сообщил, что

³⁵⁶ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.

³⁵⁷Там же.

«кто ломал межу, он не видел, только, по его мнению, загон Сюдюкова въездной и нарушителями этого являются все хозяева загонов, которые упираются в тот загон». Данил Федоров Сюдюков свидетельствовал, что «спорный загон Сюдюкова был у него ранее в аренде, и межа у него как была ранее, так и сейчас в таком же виде находится, а так как в этот загон упираются много загонов других лиц, которые и могли прихватывать в свою пользу»³⁵⁸.

Рассмотрев данное дело и выслушав объяснения сторон, показания свидетелей, волостной суд нашел иск просителей Разгильдеевых не подлежащим удовлетворению, так как «свидетели Дивеев и Клочкин в отношении захвата земли Сюдюковым дали разноречивые показания, ввиду этого показанию их суд дать вероятия не может, что подтверждается и произведенным осмотром суда, по которому выяснилось, что никаких признаков слома межи совершенно не видно, ввиду этого и захвата со стороны Сюдюкова никакого не было, остальные свидетели отзывались даже незнанием количества захвата, кроме того, просьба Разгильдеевых не заслуживает доверия еще и потому, что в заявлении они просят отобрать от Сюдюкова земли в первом загоне 6 сажень длины и 1 $\frac{1}{4}$ аршина ширины, а в другом в 3 квадратных сажени. На осмотре же они показывали совсем противоположное, ввиду этого истцы сами не знают, что просят, и просьба ввиду этого удовлетворению никоим образом не подлежит, а потому определил: в иске просителям Федору и Дмитрию Захаровым Разгильдеевым по сему делу отказать»³⁵⁹.

Таким образом, сохранение первоначальных границ земельных участков обеспечивало положительные добрососедские отношения между жителями деревень. Между тем поломка пограничных знаков – меж провоцировала крестьян к нарушению обычного порядка ведения сельского хозяйства и распахиванию соседской земли. Справедливые решения по данной категории споров был способен принимать исключительно сословный суд.

³⁵⁸ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.

³⁵⁹Там же. Л. 75.

Под влиянием Первой мировой войны происходило заметное ухудшение условий жизни крестьянского населения. Изменения в социально-экономической сфере оставили отпечаток в сознании крестьян. Историки – исследователи сельского быта указывали, что в период войны «это был уже не просто крестьянин-бунтарь по своей природе, а крестьянин, который начинал разбираться в складывающейся ситуации и готовый к тому, чтобы пойти на осознанные действия по изменению существующего порядка»³⁶⁰. Нехватка продовольствия, рост цен обостряли аграрный вопрос в деревне, причем крестьяне не спешили отчуждать свои земли, а старались занять, в том числе незаконно, большее количество участков, что нередко возбуждало вражду односельчан. 3 марта 1914 г. Бедишевский волостной суд Темниковского уезда в составе председателя Нанютина, судей Терехина и Новикова слушал гражданское дело по иску крестьянина д. Кафтейка Егора Григорьева Киткова об изъятии из владения крестьянина Григория Максимова Овчинникова усадьбы и о сносе с нее построек³⁶¹.

18 февраля истец предъявил местному волостному старшине устную жалобу, в которой объяснил, что «во время отсутствия его на стороне крестьянин той же деревни Григорий Максимов Овчинников самовольно заселил принадлежавшую ему, жалобщику, усадьбу 8,85 сажень». Китков просил постановить решение об изъятии из владения Овчинникова усадьбы и о сносе с нее построек. Стоимость иска оценил в 100 рублей³⁶².

На судебное заседание явились истец, который «исковые требования свои подтвердил, но добавил, что из всего количества захваченной Овчинниковым усадьбы он оспаривает одну третью часть, т.к. остальные две трети принадлежат его другим двум братьям». Ответчик же посчитал исковые требования необоснованными, поскольку «оспариваемая истцом усадьба досталась ответчику

³⁶⁰См.: История Мордовии... С. 346.

³⁶¹См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

³⁶²См.: Там же.

по наследству от отца его, ныне умершего, но каким порядком перешла эта усадьба во владение его отца, он не знает»³⁶³.

Опрошенный свидетель крестьянин д. Кафтейка Иван Ефремов Панютин показал, что «он знает, что ответчик Овчинников заселил своими постройками усадьбу, принадлежащую семейству истца Киткова, собственниками этой усадьбы как наследники являются истец Егор Григорьев и его два брата». Крестьянин Антип Терентьев Кудинов свидетельствовал, что «на спорной усадьбе некогда стояли постройки отца Егора Киткова, которые около 12 лет тому назад уничтожены, и усадьба некоторое время оставалась совсем пустой, но около полутора лет она была заселена ответчиком Овчинниковым в количестве 8 саженой ширины и 80 саженой длины». Свидетель Мирон Иванов Соловьев на суд не явился и о причинах неявки не заявил³⁶⁴.

Волостной суд постановил: «Дело это разбором отложить до другого заседания, а о неявке свидетеля Соловьева сообщить волостному старшине для наложения взыскания». Повторное заседание было назначено на 24 марта 1914 г.³⁶⁵

24 марта 1914 г. Бедишевский волостной суд приступил к разбору дела. Истец исковые требования подтвердил. Ответчик, как и в первом заседании, объявил их незаконными.

Мирон Иванов Соловьев подтвердил, что «Овчинников владеет усадьбой, некогда принадлежавшей отцу истца, ныне умершему Григорию Киткову, количество всей этой усадьбы 8 саженой ширины и 80 саженой длины, часть этой усадьбы занята постройками Овчинникова. Истец Егор Китков действительно является наследником 1/3 части имущества умершего отца. Из общей площади спорной усадьбы Овчинников владеет не всю часть, а только 6 саженой ширины, остальная часть 2 сажени ширины должна находиться у другого истца». Свидетель Иван Ильин Овчинников указывал, что «спорная земля должна принадлежать семейству Овчинниковых, хотя не отрицает того обстоятельства,

³⁶³ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

³⁶⁴Там же.

³⁶⁵Там же. Л. 2.

что около двадцати лет тому назад она находилась во владении Киткова, но каким порядком перешла она к Овчинниковым, не знает»³⁶⁶. Истец просил «не предавать вероятия» показаниям свидетеля Овчинникова в пользу ответчика, так как они состоят в кровном родстве. Свидетель Филипп Андреев Чехлов пояснял, что «он знает только то, что в течение последних 15 лет спорная усадьба находится во владении ответчика Овчинникова». Иван Арефьев Соловьев заявил, что «он знает, что спорная усадьба прежде принадлежала семейству Киткова, но уже около 15 лет ... ей владеет семейство ответчика Овчинникова, величина ее 6 сажень ширины 80 сажень длины»³⁶⁷.

Волостной суд, находя обстоятельства дела достаточно выясненными, постановил: разобрать дело без свидетеля Агапова, а о неявке его сообщить местному волостному старшине для наложения взыскания.

Рассмотрев дело и выслушав стороны и свидетелей, волостной суд указал, что свидетельскими показаниями подтвердилось то обстоятельство, что ответчик владеет усадебной землей, принадлежащей семейству истца, в количестве 6 сажень ширины и 80 сажень длины, из которых истец «простирает свои права на 1/3 часть». Волостной суд определил: «Изъять из владения крестьянина д. Кафтейка Григория Максимова Овчинникова и представить во владение истца Егора Григорьева Киткова часть усадьбы мерой две сажени ширины и восемьдесят сажень длины, предварительно снеся с этой части постройки ответчика Овчинникова»³⁶⁸.

На данное решение Бедишевского волостного суда Темниковского уезда ответчиком была подана жалоба, исходя из содержания которой можно сделать вывод, что грамотность и правосознание крестьянского населения в начале XX в. заметно возросли, так как ответчик ссылался на неправильное применение норм материального и процессуального права и указывал: «...усадьбу, которую отыскивает Китков, приобрел мой покойный отец около 20 лет тому назад, и от отца усадьба эта перешла мне по наследству». Ответчик просил суд обратить

³⁶⁶ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

³⁶⁷Там же. Л. 3.

³⁶⁸Там же.

внимание на давность владения усадьбой, однако ходатайство не было отражено в протоколе заседания. По мнению ответчика, Китков «не является старшим членом семьи Китковых. Семья эта нераздельна, потому, не имея доверенности от братьев, не имел право предъявлять иск об отобрании хотя бы и принадлежащей семейству Китковых усадьбы»³⁶⁹.

Тяжелое социально-экономическое положение деревни вынуждало крестьян поддерживать решения сельских обществ в целях обеспечения достойного и сытого существования. Срабатывали одни из основных черт традиционного крестьянского сознания – «соборность и коллективизм»³⁷⁰. Нередко члены общин преследовали личные выгоды и старались изъять из пользования земельные участки у лиц – не членов. В этой связи интересны гражданские дела, рассмотренные волостными судами, об изъятии сельскими обществами земельных участков у крестьян. Например, 26 мая 1914 г. Стрельниковский волостной суд Темниковского уезда в составе председателя Васякина, судей Шавнина, Урманчеева, Гордеева слушал гражданское дело по иску уполномоченных Кишаловского сельского общества Василия Егорова Бельского и Тита Иванова Мустайкина к крестьянину деревни Духонькиной Атюрьевской волости Семену Васильеву Кабаеву о земле на 2 души³⁷¹.

На судебном заседании уполномоченные Кишаловского общества Василий Егоров Бельский и Тит Иванов Мустайкин по приговору от 23 января поддерживали исковые требования, объяснили, что Кишаловским сельским обществом по приговору от 7 февраля 1910 г. ответчик Кабаев с сыном были наделены землей на 2 души. Вышеупомянутый приговор определением Темниковского уездного съезда от 23 июля 1912 г. был оставлен без утверждения, так как «крестьянин деревни Духонькиной, а не села Кишал Кабаев наделен землей на 1 душу» по приговору Духонькинского сельского общества от 13 октября 1905 г., которой он фактически пользуется, а значит, по закону «не имеет права на получение от Кишаловского сельского общества надела». В доказательство была представлена

³⁶⁹ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.

³⁷⁰См.: История Мордовии... С. 346.

³⁷¹См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

справка Атюрьевского волостного правления за № 94 от 1914 г. Истцы просили изъять из владения Кабаева земельный надел в пользу общества³⁷².

Ответчик Кабаев объяснил, что он «как принятый крестьянином Кишал Николаем Кошуркиным на правах родного сына имел право на получение надела со своим сыном от Кишаловского общества и как проживавший в селе Кишал, он землей в дер. Духонькиной не пользуется, а потому уступить отыскиваемые на 2 души земли не желает»³⁷³.

Сельский староста села Кишал Лебин показал, что крестьянин Семен Кабаев по приговору Кишаловского сельского общества от 7 февраля 1910 г. был наделен земельным наделом на 2 души, а так как «онный приговор Темниковским уездным съездом оставлен и как крестьянин дер. Духонькиной Кабаев пользуется земельным наделом по месту приписки, то отыскиваемые земли он должен возвратить обратно Кишаловскому обществу как неправильно полученные им от него»³⁷⁴.

Волостной суд, выслушав объяснения сторон, показания свидетеля Лебина и приняв во внимание, что «из представленной копии посемейного списка на семью Николая Кошуркина видно, что Кабаев в числе сыновей его не значится, на что сделал ссылку Кабаев о его усыновлении», а также что «Кишаловским сельским обществом по приговору от 7 февраля 1910 г. Кабаев наделен землей на 2 души, но, как видно из справки Стрельниковского волостного правления от 23 апреля 1914 г., таковой приговор определением уездного съезда от 23 июля 1912 г. оставлен без утверждения и ссылка Кабаева о непользовании земельным наделом в дер. Духонькиной является неосновательной по имеющейся в деле справке Атюрьевского волостного правления за № 94 от 1914 г.», постановил, что «иск уполномоченных Кишаловского сельского общества Бельского и Мустайкина является доказанным и подлежащим удовлетворению»³⁷⁵.

³⁷²ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³⁷³Там же.

³⁷⁴Там же.

³⁷⁵Там же. Л. 2.

Аналогичным решением закончилось рассмотрение гражданского дела в Кочемировском волостном суде 22 июня 1914 г., где в составе председателя А. Д. Харитонова, судей С. В. Макунина и А. Д. Комейкина слушался иск сельского общества села Кочемирова к крестьянину этого же Харлампия Алексееву Селезневу об изъятии земельного надела на одну душу³⁷⁶.

Поверенный общества крестьян села Кочемирова крестьянин Ефим Иванов Анохин, представив приговор о наделении его правами на ведение дела в суде, предъявил в Кочемировский волостной суд исковое заявление, в котором пояснялось, что «крестьянин села Кочемирова Харлампий Алексеев Селезнев взял от общества в 1902 г. в арендное содержание на 12 лет земельный надел на одну душу. Срок аренды окончился, а Селезнев землю ту не возвращает». Анохин просил постановить решение об изъятии у Селезнева «упомянутого однодушевого надела в пользу его доверителей»³⁷⁷.

Ответчик Харлампий Алексеев Селезнев объяснил, что «земли на одну душу он брал от общества до прихода Горшкова. Кроме податей ничего не платил»³⁷⁸. Волостной суд, выслушав стороны и рассмотрев обстоятельства дела, а также приговор Кочемировского общества от 23 апреля 1902 г., по которому ответчик Селезнев взял у сельского общества земельный надел на одну душу отсутствующего Козьмы Горшкова, нашел иск «вполне основательным и подлежащим удовлетворению», так как «из приговора ясно видно, что Селезнев взял земли от общества на 12 лет или до прихода Горшкова, который и до настоящего времени на родину не прибыл. Арендный же срок истек». Волостной суд определил: «Отобрать от крестьянина Харлампия Алексеева Селезнева в пользу общества крестьян села Кочемирова земли на одну душу со всеми причитающимися на сию угодьями»³⁷⁹.

Итак, сельские общества ревностно защищали предоставленное им правительством право собственности на земельные участки в пределах деревни.

³⁷⁶ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

³⁷⁷Там же.

³⁷⁸Там же.

³⁷⁹Там же.

Следует отметить, что подавляющее большинство споров обществ с крестьянами заканчивалось удовлетворением первых, так как волостные судьи были выходцами из крестьян и старались поддерживать позицию «большинства», гарантирующего справедливость в разрешении аграрных вопросов.

В начале XX в. новым мотивом, побуждавшим крестьян заключать различные виды договоров, объектом которых выступали земельные участки, стали отъезды сельских жителей в другие регионы в целях поиска дополнительного заработка и по другим причинам. Крестьяне, стараясь не оставлять землю бесхозной, сдавали ее в аренду на определенный срок, ограничивавшийся днем прибытия в родное село. Срок такой аренды мог продолжаться в течение нескольких лет и десятилетий. Нередко при данных обстоятельствах арендаторы, заблуждаясь, полагали, что арендодатель умер или пропал без вести, и считали, что полученный земельный участок по закону принадлежит им.

Случалось, что арендодатели по возвращении требовали вернуть землю, на что получали необоснованный отказ арендаторов. В практике волостных судов данные правоотношения признавались незаконными захватами имущества и рассматривались в порядке гражданского судопроизводства. К примеру, Стрелецкий волостной суд в 1913 г. рассматривал исковое заявление крестьянки д. Тювьевой Марьяны Абдул Халековой Исаевой «об отобрании от крестьянина Рамазана Салехова Исаева принадлежавших ей 7 десятин пахотной и луговой земли четвертного подворного права, с посеянным хлебом». На суде истица подтвердила иск, объяснила, что «7 лет тому назад, уезжая во Владикавказ, сдала в аренду ответчику Исаеву всю без остатка пахотную и луговую землю четвертного подворного права, доставшуюся ей по наследству от отца Абдул Халека Исаева, впредь до возвращения, с тем условием, чтобы Исаев уплачивал повинности и высылал ей арендных денег по 25 рублей каждый год». Исаев же не платил арендную плату и «не вносил даже подать». Исаева возвратилась на свое постоянное место жительства, в связи с чем просила суд отобрать принадлежащие ей земельные участки.

Ответчик Исаев объяснил, что «он действительно пользуется землей, принадлежащей истице Марьяне Исаевой, в количестве 7 десятин, из коей удобной 4 ½ десятины, а остальная неудобная земля», кроме того, представил договор аренды земельного участка от детей истицы от 13 сентября 1909 г. Просил в иске отказать³⁸⁰.

Опрошенный по делу свидетель Хусяин Исаев показал, что «отыскиваемая Исаевой земля в количестве 7 десятин досталась ей по наследству от умершего ее отца Абдул Халека Исаева как единственной наследнице». Более никаких доказательств в суд представлено не было.

Рассмотрев настоящее дело, суд нашел иск Исаевой подлежащим удовлетворению потому, что, «сдавая землю ответчику Исаеву, дети истицы не имели на это положительно никакого права без уполномочия на это собственницы земли истицы Исаевой, вследствие сего предъявленный к делу договор об аренде этой земли от 13 сентября 1909 г. не может считаться законным и имеющим для дела значение». Суд определил «отобрать от крестьянина д. Тювьевой Рамазана Салехова Исаева семь десятин земли четвертного права с посеянным на ней хлебом и передать таковую крестьянке той же деревни Марьяне Абдул Халековой Исаевой»³⁸¹.

Ответчик не согласился с данным решением Стрелецкого волостного суда, посчитав присуждение посева истице незаконным, и обратился с жалобой в Темниковский уездный съезд. 22 ноября 1913 г. Темниковский уездный съезд слушал дело по иску крестьянки дер. Тювьевой Марьяны Абдул Халековой Исаевой. Доверенный ответчика частный поверенный А. А. Эсселевич, поддерживая изложенное в жалобе своего доверителя, объяснил, что его доверитель против «присуждения от него в пользу истицы земли ничего не имеет, но лишь без посева, ибо доверитель его продлил владение за арендованную землю сверх установленного срока вследствие слуха о смерти истицы». Эсселевич представил копию договора от 26 мая 1905 г.³⁸²

³⁸⁰ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³⁸¹Там же. Л. 2.

³⁸²Там же. Л. 22.

Рассмотрев дело и имея в виду, что «против отсуждения от ответчика в пользу истицы служащей предметом спора по настоящему делу земли ответчик ничего не имеет, съезд, считая излишним входить в обсуждение приведенных в жалобе его доводов, признает решение Стрелецкого волостного суда правильным. Что же касается присуждения истице посева, то и в этом отношении съезд находит, что, присудив посев истице, волостной суд поступил правильно, ибо разные, ни на чем не основанные слухи о смерти истицы для удержания спорной земли по истечении арендного срока для ответчика законной причины составлять не могли». Съезд определил: «Решение волостного суда утвердить»³⁸³.

Нежелание крестьян отчуждать объект аренды – земельный участок нередко сопровождалось отказом уплачивать предусмотренные соглашением арендные платежи. В подобных случаях, помимо требования о возврате земли, истцы взыскивали стоимость аренды за весь период действия обязательств. Так, Петр Анисимов в заявлении, поданном в Преображенский волостной суд 8 сентября 1914 г., объяснил, что в августе 1900 г. при выбытии его «с родины на сторонние заработки» им был сдан в арендное содержание земельный надел по Старокадомскому сельскому обществу на 3 души с посеянным на урожай 1901 г. озимым хлебом на срок до его возвращения. Надел был отдан в аренду брату заявителя Матвею Антонову Анисимову на 2 души и зятю Матвею Комарову на 1 душу с обязательством платить за землю «безнедоимочно все повинности» и, кроме того, по 5 рублей в год арендную плату за каждую душу. В 1903 г. с согласия истца указанные земельные участки были переданы в аренду Матвею Комарову на тех же условиях, на которых их арендовал Матвей Анисимов, причем Комаровым было внесено истцу 15 рублей арендной платы за 1904 г. За остальные же 10 лет, т.е. с 1905 по 1915 г., плату в сумме 150 рублей Комаров не вносил и землю не вернул. Петр Анисимов просил волостных судей отобрать у Матвея Комарова наделные земли на 3 души с посеянным на урожай 1915 г. хлебом и взыскать с него 150 рублей арендных платежей³⁸⁴.

³⁸³ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.

³⁸⁴См.: Там же. Д. 44. Л. 42.

21 сентября 1914 г. на судебном заседании истец Анисимов поддержал иск в полном объеме. Ответчик Комаров объяснил, что «землю Анисимова он арендует 25 лет и что при взятии таковой в аренду озимый посев у Анисимова им был куплен за деньги, причем не было постановлено и условие о платеже Анисимову ежегодной аренды по 5 рублей за душу, хотя по собственному своему желанию за пользование означенной землей им уплачено лично Анисимову 15 рублей, его сыну Ивану 15 рублей, брату его Матвею Анисимову, для передачи, 15 рублей и прежде 25 лет тому назад было выдано Анисимову 30 рублей»³⁸⁵. Комаров был согласен возвратить землю Анисимову, но только без озимого посева.

В результате волостной суд, усматривая, что иск Анисимова доказан показаниями свидетелей и «признанием самого ответчика Комарова», определил: «Отобрать от Матвея Васильева Комарова в пользу истца Петра Анисимова наделной земли на три души с посеянным озимым хлебом на урожай 1915 г., кроме того, взыскать с Комарова в пользу Анисимова 115 рублей за аренду сказанной земли с 1905 по 1914 г. включительно»³⁸⁶.

Удовлетворение волостным судом требования о выплате 115 рублей было расценено ответчиком незаконным, и он подал жалобу в уездный съезд. Последний же отказал в ее удовлетворении и указал следующее: «Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, съезд находит, что собственным признанием ответчика Матвея Комарова, сделанным в волостном суде, а также показаниями допрошенных волостным судом и съездом свидетелей со стороны истца и представленным удостоверением Преображенского волостного правления устанавливается, что спорный по делу трехдушевой земельный надел истца Анисимова с 1904 г. находится в арендном пользовании ответчика Матвея Комарова, каковой надел, по показанию свидетеля Матвея Анисимова (брата истца, а ответчику – шурина) должен быть возвращен истцу с озимым посевом, причем показанием этого же свидетеля удостоверяется, что обусловленная арендная плата в размере 5 рублей в год с каждого земельного надела ответчиком

³⁸⁵ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 44. Л. 42.

³⁸⁶Там же.

Комаровым уплачена истцу лишь за 1904 г., за последующие же годы, т.е. с 1905 по 1914 г. включительно, сказанная аренда Комаровым истцу Анисимову не внесена. Кроме того, показаниями допрошенных в заседании съезда 27 февраля по ходатайству ответчика (указанных в его жалобе) свидетелей Антона Никитина и Григория Анисимова доказательства нисколько не опровергаются»³⁸⁷. Уездный съезд определил: «Решение волостного суда утвердить»³⁸⁸.

Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что наиболее распространенной сделкой в исследуемый период в землях Мордовии являлась аренда, объектом которой выступал земельный участок. К данному виду соглашений крестьяне-арендодатели прибегали прежде всего из-за тяжелого экономического положения, нехватки реальных денежных средств. Арендаторами также являлись беднейшие крестьяне, неспособные оплачивать арендные платежи из-за малого урожая, засухи и других факторов. В результате стороны договора не получали выгоды от его заключения и вступали в длительный спор, рассматриваемый сословным судом.

Во втором десятилетии XX в. в сознании крестьян прочно укрепился факт наличия свободы, предоставленной Манифестом 1861 г. Право пользования, владения и распоряжения по собственному усмотрению недвижимым имуществом породило ряд процессуальных способов защиты, ранее неизвестных крестьянским судам. Одним из них стал институт под названием «земская давность владения имуществом» – срок, по истечении которого собственником имущества признавалось лицо, владевшее им, в том числе на незаконных основаниях, непрерывно в течение определенного количества лет. Доводы же законных правообладателей при разрешении споров о владении имуществом с использованием земской давности отклонялись волостным судом.

Интересен случай применения земской давности владения имуществом, разбиравшийся 3 февраля 1915 г. в Бабеевском волостном суде Темниковского уезда. Доверенная крестьянки деревни Алексеевка Евдокии Федоровой

³⁸⁷ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 44. Л. 43.

³⁸⁸Там же.

Ермаковой крестьянка Матрена Ефимова Богатова в прошении, поданном в волостной суд, объясняла, что после смерти отца ее доверительницы Федора Михайлова Ермакова осталась надельная земля на 1 ½ души, которой пользуется крестьянин деревни Алексеевка Иван Федоров Савин. На эту землю ее доверительница утверждена в правах наследства решением Темниковского уездного съезда, копию с которого истица представила в суд. Богатова просила суд постановить решение об отобрании от Ивана Савина земельного надела на 1 ½ души и передать его Евдокии Ермаковой. Цену иска определила в 150 рублей³⁸⁹.

Доверенная истицы Ермаковой, доказывая заявленные требования, объяснила, что земельный надел на 1 ½ души, оставшийся после смерти Федора Ермакова, находится во владении ответчика Савина в течение 24 лет. Ответчик в суде объяснил, что «отец истицы Ермаковой – Федор Ермаков лет 30 тому назад, уезжая на сторону, продал ему свой дом и надельную землю на 1 ½ души, каковая земля с того время находится в беспорном владении его, следовательно, в силу земской давности он приобрел свое право на эту землю»³⁹⁰. Свидетель Петр Петров Богатов показал, что ему известно лишь то, что «Авдотья Ермакова состоит единственной наследницей к имуществу, оставшемуся после смерти ее отца Федора Ермакова»³⁹¹.

Волостной суд, рассмотрев данное дело, нашел, что «как из объяснений на суде ответчика Савина, так равно и самой доверенной от истицы Ермаковой Матрены Богатовой видно, что земельный надел на 1 ½ души, об отобрании которого просит Ермакова, находится в беспорном владении ответчика Савина уже более двух земских давностей, следовательно, в силу давнего владения Савин является собственником означенной земли»³⁹².

Аналогичным решением волостного суда закончилось рассмотрение гражданского дела крестьян деревни Нижний Пишляй Стрельниковской волости

³⁸⁹См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

³⁹⁰Там же.

³⁹¹Там же. Л. 2

³⁹²Там же.

Темниковского уезда, где на судебном разбирательстве истцы крестьяне д. Нижний Пишляй Хусяин Невмитуллин, Хаким Салехов, Усман Рехметуллин Вергасовы, поддерживая исковые требования, объясняли, что ими по условию от 5 февраля 1890 г. была заложена земля 2 ½ десятины за 225 рублей крестьянину с. Стрельникова Василию Леонову Кузьеву. В настоящее время просители «сами желают пользоваться спорной землей». Наследники Кузьева крестьяне с. Стрельникова Осип Михайлов, Николай и Сергей Васильевы и Тимофей Леонов Кузьевы не возвращают указанную землю. Они просили судей «отобрать от Кузьевых 2 ½ десятины спорной земли в их, просителей, пользу, при этом представили копию условия». Ответчики указывали, что спорной землей они пользуются по наследству «бесспорно, всего 25 лет»³⁹³. Рассмотрев обстоятельства данного дела, волостной суд признал исковые требования просителей не подлежащими удовлетворению на том основании, что «ответчики спорной землей пользуются около 25 лет, что прошло две земских давности»³⁹⁴.

Таким образом, при установлении собственника земельного участка волостными судьями отвергались любые доказательства, опровергавшие институт земской давности владения. Вместе с тем стороне гражданского дела, ссылавшейся на пользование землей в течение длительного времени, было достаточно дать устные показания в обоснование своей позиции.

Революционные преобразования российской государственности в 1917 г. изменили государственный строй страны. Абсолютная монархия в качестве формы правления подлежала ликвидации. В свою очередь временные органы государственного управления были свергнуты в октябре 1917 г. радикальными социалистами и большевистской фракцией социал-демократической партии, в дальнейшем сформировавшими Российскую коммунистическую партию (большевиков). Новой властью были ликвидированы все принципы и основания монархического государства. Базовым нормативно-правовым актом стал Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 12 (25) ноября 1917 г.³⁹⁵

³⁹³ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

³⁹⁴Там же.

³⁹⁵См.: СУиР РКП. 1942. № 3. С. 26.

Декретом предусматривались упразднение сословного деления граждан России, ликвидация организаций и учреждений, образованных по сословному принципу. Между тем волостной суд являлся органом крестьянского сословного правосудия, т.е. органом, учрежденным исключительно для крестьянского сословия, а значит, подлежал ликвидации.

24 ноября 1917 г. Советом народных комиссаров РСФСР был издан Декрет «О суде»³⁹⁶, пункт 1 которого предусматривал ликвидацию всех судебных инстанций, существовавших в Российской империи, включая окружной суд, военные и морские суды, а также Правительствующий сенат «со всеми департаментами». Полномочия мирового судьи возлагались на местный суд, состав которого формировался «прямыми демократическими выборами». Организационно-правовые основы нового суда были частично изменены и дополнены 15 февраля 1918 г. Декретом «О суде № 2»³⁹⁷, 20 июля 1918 г. Декретом «О суде № 3»³⁹⁸, 30 ноября 1918 г. Декретом «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»³⁹⁹.

В силу стремительных преобразований в области управления и судостроительства региональные власти нередко не понимали, какая роль отводилась волостному суду и какое место он будет занимать в системе органов местного самоуправления. В указанный период население деревень, не зная о ликвидации сословных органов правосудия, продолжало исполнять требования законоположений о волостном суде и защищать в нем свои права и интересы. Вместе с тем были крестьяне, которые на фоне революционной смуты и отсутствия законодательной базы пытались лоббировать собственные интересы в крестьянских судах посредством избрания на должности судей «нужных людей».

Интересен случай незаконной смены состава волостных судей в Саранском волостном суде. 18 мая 1917 г. Саранский уездный комиссар Временного правительства в своем обращении указал Саранскому волостному

³⁹⁶СУиР РИКП. 1942. № 4. С. 41.

³⁹⁷Там же. № 26. С. 363.

³⁹⁸Там же. № 52. С. 687.

³⁹⁹Там же. № 85. С. 1195.

исполнительному комитету следующее: «Некоторыми волостными исполнительными комитетами и волостными сходами отстранены от должности волостные судьи, причем в некоторых волостях взамен устранившихся судей выбраны новые, а в некоторых судебные дела разбираются волостными исполнительными комитетами. Но как устранение бывших волостных судей до истечения трехлетнего срока службы представляется незаконным, так и разрешение исполнительными комитетами судебных дел составляет превышение и присвоение судебной власти с последствиями напрасной затраты времени и труда на разбор дел и безусловной недействительности всех постановленных комитетами судебных решений. Поэтому для восстановления нарушенного порядка и законности предписываю волостным комитетам в состоянии отправления местного волостного правосудия призвать к отправлению судебных обязанностей впредь до истечения трехлетнего срока прежних волостных судей»⁴⁰⁰.

29 мая 1917 г. в ответ на указанное обращение Саранский волостной исполнительный комитет донес, что в волостной суд вновь допущены старые судьи, срок службы которых не истек, а судебные функции за время отстранения волостных судей от их обязанностей с 8 марта 1917 г. по 29 мая ни кем не выполнялись⁴⁰¹.

18 июня 1917 г. члены внеочередного волостного схода Саранской волости в количестве 85 человек от 124 домохозяев объяснили председателю волостного исполнительного комитета, что его решение они считают неправильным и «просят допустить к исполнению судебных функций по волостному суду вновь избранных судей в марте месяце, а старых судей допустить не желают». В состав суда вошли: Щетинин Константин Алексеевич (в председатели суда) из д. Александровка, Кулебякин Петр Петрович (в волостные судьи) из Алексеевского общества, Корочкин Иван Евдокимович из с. Посоп, Сысуев Иван Евдокимович из с. Посоп, Фалилеев Николай Григорьевич (кандидат в

⁴⁰⁰ЦГА РМ. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

⁴⁰¹Там же. Л. 2.

председатели суда) из г. Саранска, Калашников Николай Иванович (кандидат в судьи) из д. Николаевка, Селезнев Григорий Иванович из д. Владимировка, Корабельщиков Иван Андреевич из Саранска⁴⁰².

19 июня 1917 г. председатель Саранского волостного исполнительного комитета написал прошение уездному комиссару Временного правительства с просьбой разрешить вопрос о деятельности волостного суда в новых условиях, возможности замены старых судей и порядке судопроизводства. Однако ответы на поставленные вопросы им не были получены.

22 июня 1917 г. указанные вопросы были поставлены вновь. 27 августа 1917 г. Саранское волостное правление Саранского уезда Пензенской губернии донесло Саранскому уездному комиссару, что в волости имеется большое количество неразрешенных гражданских, в частности земельных, споров крестьян. Волостной суд не мог приступить к их рассмотрению, так как состав судей не был утвержден⁴⁰³.

Однако новый состав Саранского волостного суда так и не был сформирован, а старый подлежал упразднению из-за сословного признака. Крестьяне, предчувствуя скорый крах имперских учреждений, не спешили избирать судей и в целом передавать назревшие споры на рассмотрение в волостной суд, а утверждали, что им «местный суд не нужен и что судебные дела должен разбирать волостной комитет»⁴⁰⁴. Следует отметить, что описанный пример отрицания деятельности сословного суда не являлся единичным и был характерен для большинства волостей Российской империи.

Таким образом, преобразования в области местного судопроизводства, начавшиеся в первом десятилетии XX в., являлись частью масштабной аграрной реформы. основополагающие начала «нового» устройства системы местных судов были сформулированы Редакционной комиссией по пересмотру законоположений о крестьянах и Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности, рекомендовавших правительству

⁴⁰²ЦГА РМ. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–6.

⁴⁰³Там же. Л. 3.

⁴⁰⁴Там же. Л. 7.

ликвидировать общинный способ владения наделной землей и привнесших в крестьянскую среду основы личной индивидуальной предприимчивости. Данные преобразования не могли не отразиться на деятельности сословного суда и получили нормативное закрепление в 1912 г. в Законе «О преобразовании местного суда»⁴⁰⁵. Анализ рассмотренных выше протоколов и решений судов позволяет сделать вывод, что их деятельность в исследуемый период приобрела более строгий и формализованный характер, негативное влияние должностных лиц волости было искоренено. Основой решений, выносимых коллегией волостных судей, уже не являлись исключительно показания сельских старост и других чиновников, распространение получили различные виды доказательств, такие как межевые знаки границ земельных участков, доводы свидетелей, письменные документы. Обновленные земельные правоотношения порождали новые основания возникновения права собственности на землю, к примеру институт земской давности владения, имевший приоритет в сравнении с другими доказательствами. С учетом сложившейся революционной обстановки во втором десятилетии XX в. крестьянский суд был обречен на упразднение в связи с ликвидацией всех учреждений Российской империи, носивших признак сословности, однако опыт его деятельности лег в основу новых судебных институтов с широким народным представительством.

Итак, порядок организации волостной юстиции в землях Мордовии базировался на началах местного правосудия, очерченных «Общим положением о крестьянах...» от 19 февраля 1861 г. Анализ же эмпирических источников деятельности волостных судов на исследуемой территории, таких как решения губернских присутствий, уездных съездов земских участковых начальников, самих судов, а также трудов этнографическо-статистических экспедиций и комиссий, позволяет сделать вывод об их отличительных особенностях, заключавшихся в использовании юридических обычаев крестьян при вступлении в различного рода сделки, а также разрешении конфликтов.

⁴⁰⁵ПСЗ РИ. 1915. Т. XXXII. С. 662.

Подавляющее большинство споров, рассмотренных волостными судами с момента их учреждения и до 1917 г., на исследуемой территории основывалось на требованиях о перераспределении земельных участков, строений и сооружений, рабочего инвентаря и скота, а также о защите законных прав и интересов крестьян при исполнении обязательств, принятых в рамках заключенных сделок.

Изучение архивных материалов свидетельствует, что волостные судьи реализовывали возложенные на них трудовые обязанности в одноименных судах по большей части безвозмездно, однако не отказывались от «почетной», на их взгляд, должности, так как обладание ею предполагало ряд льгот и гарантий. Следует отметить, что из-за неясности некоторых положений законодательства и проявления правового нигилизма в крестьянской среде волостные судьи нередко превышали служебные полномочия в целях удовлетворения собственных потребностей. Между тем преобразования различных сторон организации и деятельности судов в 1889 и 1912 гг. существенно повлияли на судебский корпус, в результате чего на должность судей назначались исключительно «мудрые» домохозяева, достаточно зрелого возраста.

Проблемным остается вопрос о взаимоотношениях сельских должностных лиц, включая волостных судей, с земскими участковыми начальниками, получившими в 1889 г. обширные права по контролю за деятельностью сельских и волостных обществ. Из ряда сохранившихся решений губернских присутствий и уездных съездов земских участковых начальников следует, что последние, принимая жалобы от недовольных решениями судов крестьян, старались предпринимать все возможные меры для их разрешения. Вместе с тем некоторые жалобы могли не доходить даже до уездных съездов, что существенно ограничивало права крестьян на апелляцию. Думается, что данный порядок сложился исключительно из-за личного пассивного нежелания отдельных участковых начальников добросовестно выполнять свои должностные обязанности, что негативно отражалось на их статусе и общем восприятии крестьянским населением.

ГЛАВА 3. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ВОЛОСТНЫМИ СУДАМИ ОБЫЧНОГО ПРАВА (ОПЫТ МОРДОВИИ)

3.1. Практика применения волостными судами юридических обычаев русского народа

Организационно-правовые основы деятельности волостной юстиции, учрежденной «Общим положением о крестьянах...» от 19 февраля 1861 г., неоднократно изменялись. Практика же применения юридического обычая в качестве источника права сохранялась вплоть до установления советской власти. Порядок применения местного обычая волостным судом первоначально определялся ст. 107 названного документа, предусматривавшей, что в случае отказа сторонами по делу от примирения и отсутствия правоустанавливающих соглашений волостной суд обязывался «решить дело на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту». «Временные правила...» от 12 июля 1889 г. конкретизировали положение о местном обычае и установили, что последний применялся в совокупности доказательств сторон, чаще по делам о наследовании крестьянского имущества. Закон «О преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г. не изменил порядок применения местного обычая сословными судами и по аналогии с «Временными правилами...» сохранил распространенную практику в части рассмотрения дел о наследстве и разделе крестьянского имущества.

Издавна в отношении крестьян Российской империи действовал особый правовой режим, способствовавший формированию самобытной отрасли так называемого «крестьянского права»⁴⁰⁶. Оно складывалось в рамках полного подчинения крестьян помещикам, вследствие чего гражданский быт сельских жителей, а равно различные правоотношения оставались в стороне от позитивного права⁴⁰⁷. Применение юридического обычая в качестве источника

⁴⁰⁶См.: Исаев И. А. История государства и права России : учебник. М., 2004. С. 425.

⁴⁰⁷См.: Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению). М., 1888. С. 4.

права в деятельности крестьянского суда считалось приоритетным на всем протяжении времени его существования, поскольку определяло, по существу, роль и место волостного суда как сословного органа крестьянского правосудия.

Введение законодателем в содержание «Общего положения о крестьянах...» нормы, указывавшей на применение местных обычаев волостными судами при рассмотрении дел, вызывало в среде дореволюционных юристов споры по вопросу соотношения обычного и позитивного права. Отдельные юристы полагали, что обычай должен составлять основу законодательства либо дополнять его. Так, С. В. Пахман отмечал, что большая часть населения Российской империи, в особенности в гражданских правоотношениях, руководствовалась не нормами позитивного права, а правилами, «слагавшимися путем обычая и во многом не согласными с началами законодательства», причем законодатель наделил такие правила юридической силой, предоставив волостным судам право выносить решения по спорам крестьян на основании местных обычаев⁴⁰⁸. Оппоненты данного мнения утверждали, что внесение народных обычаев в закон нежелательно потому, что «обычаи простонародья образуют собой мир младенческого правосознания, пережитый уже нацией в смысле высшего культурного класса»⁴⁰⁹.

Фактически в дореволюционный период российской государственности распространенной практикой разрешения споров между крестьянами было обращение к комплексу сельских институтов, действовавших на основе обычного права, а именно суд сельского старосты, суд стариков, суд сельского старосты с выборными, суд сельского старосты с добросовестными, суд сельского старосты с посредниками, третейские суды, учреждавшиеся для рассмотрения заранее определенных видов конфликтов⁴¹⁰. К примеру, русский этнограф, археолог князь В. В. Тенишев указывал на существование обычая у крестьян Тамбовской губернии обращаться к суду стариков и соседей по делам о потраве скота или урожая: «Порядок разбирательства дела в этом суде примирительный и

⁴⁰⁸Пахман С. В. Обычное гражданское право в России... С. 3.

⁴⁰⁹Мухин В. Ф. Указ. соч. С. 6.

⁴¹⁰См.: Пахман С. В. Обычное гражданское право в России... С. 382–388.

заключается в следующем: крестьянин при потраве у него хлеба, или огорода чужим скотом, при перекосе ли травы на лугах или хлеба в поле, или же при перепашке конопляника, либо огородной или полевой земли заявляет об этом жалобу сельскому старосте, который приглашает стариков или же соседей потерпевшего и виновного и они стараются свести стороны на мир»⁴¹¹. В иных случаях крестьяне обращались к судам стариков, соседей, а позднее в волостной суд.

Приговоры указанных деревенских обычно-правовых институтов разрешения споров предусматривали самобытную систему назначения наказаний. Так, в Пензенской губернии был зафиксирован случай исполнения такого приговора: человека, укравшего у женщины рубашку и запихавшего ее в квасную гущу, раздели, по всему селу водили и «в ведро били – его срамили»⁴¹².

Процедура неофициального сельского судопроизводства являлась предшествующим этапом волостного разбирательства и преследовала цель примирить тяжущиеся стороны. Данный порядок рассмотрения крестьянских споров был зафиксирован комиссией М. Н. Любощинского на территории волостей Темниковского уезда Тамбовской губернии. Например, крестьяне Стрелецкой волости перед подачей жалобы в волостной суд разбирали ее у себя дома, у старосты со стариками, «если они не разберут, то идут к старшине, и если он не помирят, просят его сказать волостным судьям, чтобы разобрали»⁴¹³. Крестьяне Стрельниковской волости указывали, что «часто разбираются у себя дома, прося сельского старосту со стариками или старшину рассудить их», если же спор не прекращался миром, то обращались в волостной суд⁴¹⁴.

На исследуемой территории в дореволюционный период существовало множество сельских неофициальных институтов правосудия, учреждавшихся самими крестьянами для разрешения споров между собой. Предпочтение волостной юстиции сельскими жителями не случайно, так как суды находились

⁴¹¹Тенишев В. В. Указ. соч. С. 65–66.

⁴¹²Там же. С. 43–44.

⁴¹³Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 259.

⁴¹⁴Там же. С. 292.

вблизи места жительства сторон конфликта, разрешали споры на основании местных обычаев⁴¹⁵. Кроме того, указанные институты правосудия чаще мирили тяжущиеся стороны, в том числе по уголовно наказуемым проступкам, чем приобрели уважение в крестьянской среде.

В обычном праве русских крестьян не получили четкого разграничения понятия «уголовное» и «гражданское» дело. Под уголовным делом крестьяне подразумевали деятельность государственных органов правосудия, полномочных рассматривать такие составы преступлений, как убийство, поджог, кража в крупном размере, т.е. виды правонарушений, наказания за совершение которых были сопряжены с лишением свободы. К гражданским делам сельские жители относили все остальные споры, по их мнению, «маловажные», «простые»⁴¹⁶.

Понятие «преступление» в рамках обычного права было схоже с понятием «грех»⁴¹⁷. В то же время русский народ различал их по содержанию и степени ответственности виновных лиц при их совершении. По свидетельству исследователя обычного права Е. Т. Соловьева, грехом и одновременно преступлением крестьяне признавали проступки, вследствие совершения которых наносился материальный и моральный ущерб членам общины⁴¹⁸. К таковым относили убийство, воровство, кровавую драку, конокрадство. Если же объектом посягательства выступало государственное имущество, например казенный лес, то крестьяне не видели в его самовольной порубке «греха», потому что народ рассматривал лесные угодья как свою собственность, принадлежащую всем вместе и каждому в отдельности⁴¹⁹, в связи с чем такие деяния обозначались «преступлением».

Следует отметить, что мелкая кража у русских крестьян не признавалась в качестве «преступления» или «греха» и являлась частным нарушением права⁴²⁰. Волостные суды при рассмотрении данного вида правонарушений старались не

⁴¹⁵См.: Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. С. 10.

⁴¹⁶См.: Тенишев В. В. Указ. соч. С. 11–12.

⁴¹⁷См.: Сборник народных юридических обычаев / под общ. ред. С. В. Пахмана. СПб., 1900. Т. 2. С. 277.

⁴¹⁸Там же.

⁴¹⁹См.: Там же.

⁴²⁰Там же. С. 278.

назначать судебные заседания и мирили стороны. К примеру, нередко так случалось в Стрелецкой волости⁴²¹.

Принципы приоритета трудового начала, общей семейной собственности и общинного быта определяли имущественные правоотношения крестьян и отличали обычное право от позитивного. Нормы писанного закона в большей степени регламентировали правоотношения, объектом которых выступала личная собственность субъектов права. В свою очередь юридические обычаи крестьян указывали на общность владения имуществом между членами одной семьи на равных правах с несением равных обязанностей по его содержанию, к примеру, «долг, сделанный одним из членов семьи, падает на всю семью, так как предполагалось, что заем был сделан на общие потребности семьи»⁴²².

Раздельность имущественных прав членов семьи была чужда обычному праву, однако сами разделы общего имущества крестьян были нередки, а возникавшие споры в рамках данных правоотношений передавались на рассмотрение волостному суду. Так, крестьяне Стрелецкой волости Темниковского уезда Тамбовской губернии поясняли, что «разделы при жизни часты, чаще всего из-за несогласий»⁴²³; в Стрельниковской волости «разделы часты; главная тому причина семейные ссоры»⁴²⁴.

Принцип общей семейной собственности в обычном праве распространял свое действие в том числе на правоотношения крестьянского населения, связанные с наследованием имущества. Большая его часть была непосредственно связана с обработкой земли, причем количество и исправность такого имущества прямо влияли на благосостояние сельских жителей, в связи с чем крестьяне бережно относились к орудиям труда, чтобы после смерти оставить их членам своей семьи.

Порядок наследования имущества у крестьян формировался под влиянием экономических условий в регионах Российской империи. Базовым фактором

⁴²¹См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 260.

⁴²²Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. С. 13.

⁴²³Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 261.

⁴²⁴Там же. С. 293.

выступало «трудовое начало» – отношение членов крестьянской семьи к своему хозяйству. В случае смерти главы семьи, самостоятельно обустроившего быт, наследниками являлись его супруга с сыновьями. В противном случае вдова оставалась в семье в положении работницы, не наследуя имущество мужа⁴²⁵. Вместе с тем совокупность двух факторов – кровное родство и принадлежность к семье определяла права наследников в отдельно взятой крестьянской семье. Интересными являются случаи, когда «лицо постороннее, но принятое в семью и жившее в ней, наследовало подобно кровным родственникам, и, наоборот, кровные родственники, порвавшие с ней всякую фактическую связь, обыкновенно вовсе устранялись от наследования»⁴²⁶.

Механизм вступления в наследство у русских крестьян, проживавших в землях Мордовии в исследуемый период, основывался на совокупности вышеуказанных принципов трудового начала, общности семейной собственности и общинного быта с учетом особенностей, сложившихся в той или иной волости. Крестьяне Стрелецкой волости поясняли, что после смерти домохозяина наследниками первой очереди являлись сыновья, обладавшие равными правами к наследственной массе⁴²⁷. Сыновья, проходившие военную службу, а равно жившие отдельно от семьи, имели равные права на имущество, наряду с братьями, жившими с родителями, вследствие того что «солдат за семью же служил, а помогал ли дому отсутствующий или нет – про то знал отец»⁴²⁸. К примеру, в 1871 г. Стрелецкий волостной суд рассматривал иск рядового солдата Е. к его брату А. о выделе истцу «законной части» из недвижимого имущества, оставшегося после смерти их отца. Вызванный на суд рядовой Е. требования свои поддержал. Ответчик же заявил, что он беспрепятственно выдаст Е. половину имущества, оставшегося после смерти отца. Однако истец отказался принимать его и указал, что желает получить половину из того имущества, которое приобреталось самим А. после пожара в усадьбе отца и падежа скота,

⁴²⁵См.: Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. С. 13.

⁴²⁶Мухин В. Ф. Указ. соч. С. 20.

⁴²⁷См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 262, 275, 280, 285, 294, 299.

⁴²⁸Там же. С. 275.

основываясь на том, что за сгоревшее в 1859 г. строение ответчик получил страховую выплату в размере 53 рубля⁴²⁹.

Приглашенный в судебное заседание волостной старшина указал, что у крестьянина А. и брата его рядового Е. после смерти их отца осталось следующее имущество: две лошади, «одна из которых во время извоза А. в дороге пала, а другая – рыжий мерин, стоящий 40 рублей, в настоящее время находится налицо», рогатый скот отсутствует, так как пал во время падежа в 1860 г., излишнего хлеба, как ржаного, так и ярового, «кроме необходимого для прокормления семейства, ничего не осталось», дом сгорел в 1859 г. Страховое возмещение ответчиком получено в размере 53 рублей, и «долгу по умершем отце их осталось всего 138 рублей 23 копейки», которые выплачивал крестьянин А.⁴³⁰ По словам старшины, на сходе крестьяне решили рядовому Е. выделить из общего имущества лошадь стоимостью 40 рублей, баню, приобретенную после пожара «трудами крестьянина А., половину от оставшихся после смерти отца земельных участков пахотной и сенокосной земли»⁴³¹.

На основании вышеизложенного волостные судьи постановили: «Определение схода в отношении раздела утвердить, так как страховые деньги 53 рубля за сгоревшее общее строение хотя и получены одним крестьянином А., но им же уплачен весь после отца их долг, из которого падало на часть рядового Е. 69 рублей 11 ½ копейки, и что сходом ему, Е., как ясно оказывается, выделена из движимого имущества не половинная часть имения отца, а все, что только осталось»⁴³².

Обычное право русских крестьян регламентировало не только порядок вступления военнотружеников в наследство, но и обратный процесс наследования членами семьи имущества, оставшегося после смерти солдат. К примеру, в Симбирской губернии произошел случай, когда после смерти крестьянина, находившегося на военной службе, «оставалось кое-какое имущество стоимостью

⁴²⁹Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 267

⁴³⁰Там же.

⁴³¹Там же. С. 268.

⁴³²Там же.

в тридцать рублей». Военное начальство сделало запрос о том, кому выдать деньги. У умершего оставались отец, мать, вдова и ребенок. Вдова впоследствии вышла замуж, взяв с собой ребенка. Между отцом и вдовой солдата возник спор: первый говорил, что «ему должно принадлежать имущество сына, так как, отдавая сына в службу, он снарядил его, понес много убытков», вторая же указывала, что «у покойного есть ребенок, которому и должно принадлежать имущество»⁴³³. «Посторонние мужики говорили, что отец прав, ведь и внук, сколько ни живи у отчима, а все придет к дедушке». Волостные судьи присудили «имущество малолетнему наперекор крестьянскому обычаю». Однако уездный съезд отменил решение, и «во второй раз суд решил дело на основании местных обычаев в пользу отца умершего»⁴³⁴.

Факт принятия наследства порождал возникновение обязательств у наследника содержать вновь полученное имущество и уплачивать за него подати и пошлины. Случалось, что крестьяне в силу неимения финансовых средств умышленно не вступали в наследство, дабы избежать бремени по его содержанию. Так, в 1871 г. волостные судьи Стрелецкой волости слушали устную жалобу крестьянина У. о неплатеже его братом фельдфебелем Н. казенных податей за полдуши их умершего отца, так как «другую половину души он принял и уже платит бесспорно по случаю раздела земли, по законной части»⁴³⁵. Ответчик заявил, что он не платил податей потому, что надворное строение отца не разделено, к тому же он находился «в бессрочном отпуску, вследствие чего может быть потребован на службу». Приняв же во внимание, что земля, оставшаяся после смерти отца сторон спора, была разделена по частям, волостной суд постановил: «Подать за полдуши обязан платить фельдфебель, подворный покос, о котором заявил фельдфебель, что он им не владеет, положили: владеть таковым пополам с отправлением натуральных общественных повинностей»⁴³⁶.

⁴³³Генишев В. В. Указ. соч. С. 178.

⁴³⁴Там же. С. 179.

⁴³⁵Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 271.

⁴³⁶Там же.

Особый порядок наследования на исследуемой территории сложился в отношении принятых в семьи лиц, не состоявших в кровном родстве с умершим, таких как падчерицы и пасынки, а также вдов, чьи умершие мужья проживали отдельно от «большой» крестьянской семьи, причем в различных волостях одного уезда могли существовать кардинальные различия в его осуществлении. Так, в Стрелецкой волости пасынки, падчерицы, усыновленные и рожденные вне брака дети не призывались к наследству, однако пасынок имел право на имущество матери, а усыновленные и рожденные вне брака являлись наследниками в случае их признания в волостном правлении⁴³⁷. В Стрельниковской волости пасынки наследовали наравне с родными сыновьями, а падчерицы отстранялись от наследства⁴³⁸. Вдовы отделенных от семьи сыновей, если имели ребенка мужского пола, наследовали все имущество умершего домохозяина за него, если же были бездетны либо имели ребенка женского пола, сами вступали в наследство. Вдовы, совместно проживавшие с семьей умершего, если имели детей мужского пола, наследовали имущество за них, а если были бездетны либо имели дочь, отстранялись от наследства⁴³⁹.

Бывали случаи, когда раздел наследственной массы осуществлялся на основании оставленного умершим завещания, причем такой порядок наследования нередко возбуждал ссоры наследников между собой и доводил их до судебного разбирательства. В этой связи в различных местностях были выработаны обычаи по оценке волостным судом завещания. Крестьяне Стрелецкой волости указывали, что завещание могло быть сделано как в письменной, так и в устной форме, однако «волостной суд верит таким только, которые подписаны священником и засвидетельствованы в волости»⁴⁴⁰. Русское население Стрельниковской волости поясняло, что в их местности отсутствовали письменные завещания, имелись устные, сказанные священнику при свидетелях⁴⁴¹. Сословные суды рассматривали духовные завещания в качестве

⁴³⁷Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 262.

⁴³⁸Там же. С. 275–276.

⁴³⁹Там же. С. 262, 280, 286, 294, 299.

⁴⁴⁰Там же. С. 261.

⁴⁴¹Там же. С. 293.

вещественных доказательств, устанавливавших право собственности крестьянина на имущество. Так, крестьянка Стрелецкой волости И. жаловалась на самовольную продажу сестрой ее мужа А. дома С. Исследовав письменные доказательства сторон и «усматривая, что дом достался А. по духовному завещанию и что муж И. находился в отсутствии и о продаже ничего не знал», волостные судьи решили «оставить разбирательство до тех пор, покуда муж просительницы не уведомит о том, желает ли он получить часть из дома, проданного его сестрой»⁴⁴².

Случалось, что после смерти домохозяина наследниками имущества оставались его несовершеннолетние дети, неспособные в полном объеме иметь права и нести обязанности по ведению хозяйства. В таких случаях сельскими чиновниками назначалась опека над наследуемым имуществом, причем порядок данных действий строился на обычаях, сложившихся в месте открытия наследства. К примеру, в Стрелецкой волости старшина избирал опекуна, причем имущество ему передавал сельский сход «по описи, составленной старостой». Опекун был обязан проводить ревизию переданного имущества 3 раза в год⁴⁴³.

Отдельное место в крестьянском быту занимали правоотношения, связанные с заключением и расторжением брака, ведением супругами общего хозяйства. Нормы позитивного дореволюционного права в недостаточной степени регламентировали порядок разрешения семейных споров, и в роли регулятора в данной сфере нередко выступало обычное право. Волостной суд же, являясь органом крестьянского правосудия, был правомочен разрешать семейные споры. Ему были подсудны все категории дел данной сферы, включая споры о защите личных неимущественных и имущественных прав крестьян. Мотивами для возбуждения судопроизводства могли стать «дурная жизнь», «буйство» и пьянство мужа, причем суд в данном случае защищал права всей семьи и сложившиеся патриархальные традиции, а его решения в большей степени носили предупредительный характер. К примеру, крестьянский суд имел право

⁴⁴²Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 272.

⁴⁴³Там же. С. 261.

рассматривать заявления лиц о расточительстве членов их семей, преимущественно домохозяев. Судебные процессы по данной категории дел заканчивались возвращением заявлений истцам, так как судьи не считали себя вправе вмешиваться в это чисто семейное дело, причем указывали просителю, чтобы «впредь суда пустыми своими смутами не беспокоил и на отца ябеду не вел»⁴⁴⁴.

В соответствии с обычно-правовыми воззрениями русских крестьян в условиях действия патриархальных традиций власть домохозяев распространялась не только на кровных членов семьи, но и на жен их сыновей. Случалось, что при самовольном уходе жены из дома отец мужа обращался в волостной суд с требованием обязать ее уплатить штраф. Так, в 1872 г. в Бабеевском волостном суде крестьянин А. жаловался на свою сноху Т. за «тайный уход» из семьи и «взятие зипуна». Доказательств, подтверждавших самовольное «взятие зипуна», ответчиком не было представлено. Волостной суд определил: «Солдатку Т. за тайный уход оштрафовать 4 рублями в пользу просителя, но с тем, что если впоследствии зипун окажется у него, то он обязан заплатить Т. 12 рублей»⁴⁴⁵.

Брачно-семейные обычаи русских крестьян получили широкое применение при заключении брачного союза. Случалось, что после свадьбы скоропостижно умирал один из супругов. Второй супруг в соответствии с религиозными нормами и обычаями был обязан организовать все похоронные и поминальные мероприятия, в особенности если умирал муж. Между тем в крестьянском сознании уход жены из дома в данный период расценивался семьей мужа в качестве оскорбления сельских традиций и возбуждал злобу. Так, в 1871 г. волостные судьи Кушкинской волости рассматривали словесную жалобу крестьянина Ц. в том, что он женил своего сына Ф. на дочери крестьян Т. Д. и выдал Т. на одежду дочери 25 рублей, но сын Ф. «в скором времени после женитьбы через 11 недель умер»⁴⁴⁶. Дочь Т. после смерти своего мужа «не

⁴⁴⁴Сушкова Ю. Н. Указ. соч. С. 160.

⁴⁴⁵Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 278.

⁴⁴⁶Там же. С. 283.

прожила в доме Ц. двух недель», чем нарушила обычный «сорокоустный срок», и ушла самовольно в дом своих родителей. Волостной суд постановил: «Как дочь Д., не прожив сорокоустного времени, ушла к Т., взыскать с него, Т., 5 рублей серебром для удовлетворения Ц.»⁴⁴⁷.

Перед заключением брака главы семей, по общему правилу, разрешали вопросы о передаваемом друг другу имуществе, а равно о статусе данного имущества и правах на него будущих супругов. Указанное имущество дифференцировалось по основанию внесения стороной жениха или невесты. Так, имущество, передаваемое семьей жениха, называлось «кладкой», а невесты – «приданым». При нарушении брачных традиций, в частности при отказе от заключения брака, потерпевшая сторона могла потребовать возвратить полученные вещи и материальные ценности, а равно взыскать денежную компенсацию.

Влияние юридических обычаев, отражавших брачно-семейные отношения членов семей русских крестьян, сопровождало их с момента начала подготовки к заключению брачного союза до кончины одного из супругов, т.е. на протяжении всей их совместной жизни. Обычное право регламентировало спорные нормативно не закрепленные права супругов на добрачное и совместное имущество, его раздел, регулировало порядок расторжения брака.

Принцип применения обычного права в рамках волостного судопроизводства распространял свое действие на весь ход слушания дел. Местные обычаи, выступающие в роли доказательств, вместе с тем выполняли функцию «особенных» процессуальных инструментов, определявших порядок рассмотрения крестьянских споров при недостаточности иных доказательств. К таковым относятся «божба», «жребий» и «грех пополам».

«Божба» – особая форма присяги, в рамках которой крестьянин должен был говорить правду после того, как «побожился перед образом». В нормах дореволюционного гражданского законодательства не указывалось, в каком порядке реализовывался данный процессуальный инструмент, однако по общему

⁴⁴⁷Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 283.

правилу «божба» назначалась судьями исключительно с согласия обеих сторон в деле. Отказ «побожиться» мог быть воспринят судьями «за явный признак неправоты»⁴⁴⁸. Интересный способ божбы русских крестьян в волостном суде был записан В. В. Тенишевым. Он звучал так: «Порази меня, Господи, если вру. Убей меня, Господи. Не допусти меня до завтрашнего дня. Ослепи меня, Господи. Мать Пресвятая Богородица, разрази мою грешную утробу, если вру. Отсуши, Господи, мои руки и ноги. Лопни мои глаза. Лопни мое чрево. Отсохни язык. Провались я на этом месте. Почерней я, как земля. Не видать мне Божьего храма. Не видать мне белого света. Не видать мне детей моих»⁴⁴⁹.

В Краснослободском уезде Пензенской губернии «божились» не только стороны разбирательств, но и свидетели. Так, русские крестьяне по этому поводу поясняли, что «кладут на стол, покрытый белой холстиной, икону, крест и ставят чашку со святой водой, к иконе прилепляют свечу желтого воска. Тот, кто желает принять присягу, подходит к столу, делает три земных поклона и целует икону с крестом, после этого он делает поклоны присутствующим на три стороны. Затем начинает излагать свои показания. Когда он кончит, то его спрашивают: «Верно ли, что ты сказал?». Тогда присягающий говорит: «Вот эта икона и святой крест мои свидетели, что я сказал правду», – и целует крест и икону, а потом выпивает из чашечки три глотка святой воды. Если кто во время присяги соврет, когда он будет целовать крест и икону, то у него перекошится лицо, а когда станет пить святую воду, то отнимется язык. Поэтому ложные свидетели никогда не принимают присяги, а тому, кто присягнет, крестьяне верят»⁴⁵⁰.

Другим самобытным способом доказывания являлся «жребий», применявшийся при разделе спорного крестьянского имущества, в том числе в рамках наследственных правоотношений. «Жребий» нередко заменял «божбу» в случаях, когда выяснялся вопрос, «какой из сторон или кому из свидетелей следовало дать присягу»⁴⁵¹. Вместе с тем крестьяне негативно относились к

⁴⁴⁸Пахман С. В. Обычное гражданское право в России... С. 422–425.

⁴⁴⁹Тенишев В. В. Указ. соч. С. 140.

⁴⁵⁰Там же. С. 141.

⁴⁵¹Пахман С. В. Обычное гражданское право в России... С. 426.

«жребию» и нередко подавали апелляционные жалобы на решения волостных судов, вынесенные с помощью «жребия», считая, что он «слеп и виноватого оправдать мог»⁴⁵².

Особенным процессуальным инструментом, устанавливавшим «половинную ответственность» сторон спора, считался «грех пополам», призванный разрешать «сомнительные» конфликты крестьян посредством уступок и компромиссов. «Грех пополам» применялся в случаях недостаточности или при полном отсутствии доказательств в материалах дела, отсутствии умысла на причинение вреда виновным лицом, равной степени вины сторон в содеянном, невозможности определения объема ущерба, обращения с заявлением в волостной суд потерпевшей стороной по истечении длительного срока с момента причинения вреда⁴⁵³.

В Темниковском уезде Тамбовской губернии указанные выше процессуальные инструменты применялись волостными судами, наряду с позитивными способами разрешения споров. Так, крестьяне Стрелецкой волости заявляли, что «божба за доказательство не принималась, и по жребию дел не случалось», «грех пополам» применялся «в случае неумышленно причиненных убытков»⁴⁵⁴; в Бабеевской волости «божбе не верили, жребия не бывало», а «грех пополам часто раскладывался в таких делах, когда истец не совсем прав»⁴⁵⁵; в волостных судах Кушкинской волости «допускалась и божба, жребий нет», а «грех пополам, когда ни проситель, ни ответчик доказать своего дела не могли»⁴⁵⁶; в Стрельниковской волости отсутствовал обычай рассмотрения споров с помощью «божбы» и «жребия», а «грех пополам делили, когда не виноват ответчик в этом грехе, а истца нельзя не удовлетворить»⁴⁵⁷.

Немаловажную роль при рассмотрении споров крестьян волостными судами играли вещественные доказательства. Их сбор и оценка также происходили в

⁴⁵²Пахман С. В. Обычное гражданское право в России... С. 427.

⁴⁵³См.: Там же. С. 430–440.

⁴⁵⁴Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 261.

⁴⁵⁵Там же. С. 274.

⁴⁵⁶Там же. С. 280.

⁴⁵⁷Там же. С. 293.

порядке, предусмотренном обычно-правовыми институтами. Интересными являлись случаи изъятия урожая в качестве доказательства данного вида, к примеру семян, муки, снопов сена. Поскольку они были схожи у всех крестьян одной деревни, для выявления нужных использовали обычай. Так, в русской деревне Симбирской губернии был зафиксирован следующий случай: «На одного крестьянина пало подозрение, что он увез чужие снопы. Явились к нему на гумно сотник, десятник и понятые с потерпевшим. У подозреваемого все снопы сложены в копну. Стали из разных мест копны выдергивать по одному снопу. Потерпевший смотрит. Вытащили несколько снопов, он все не признает. Но вот вытащили сноп, осматривает: «Это мой», говорит потерпевший. «Вот смотрите, у меня сноха крутит поясные налево, этот налево кручен». Рядом оказалось три таких снопа. «Где ты это взял», – спрашивают у подозреваемого. Он начал говорить, что у него парень так же вяжет снопы. Предложили ему принести свой сноп. Но так как на самом деле не было таких снопов, то пришлось повиниться»⁴⁵⁸.

Таким образом, со времени освобождения крестьян из крепостной зависимости особое внимание стало уделяться изучению обычного права народов Российской империи, и прежде всего русского народа, существенно влиявшего на развитие юридической культуры других этносов. Особенности политико-правового уклада крестьянской жизни обуславливали становление волостной юстиции, призванной разрешать споры с учетом народных традиций. Практика применения волостными судами обычаев русских свидетельствует о распространении права владения, основанного на труде («трудовом начале»), основным гарантом которого выступала сельская община, состоявшая из крестьянских семей, отличавшихся патриархальностью, строгим подчинением младших членов старшим, зависимым положением женщин. Волостные судьи поддерживали власть домохозяев и старались не вмешиваться в их «чисто семейные» распоряжения.

⁴⁵⁸Генишев В. В. Указ. соч. С. 115.

3.2. Практика применения волостными судами юридических обычаев мордовского народа

До принятия христианства понятия о добре и зле в правосознании мордовского народа определялись в соответствии с исконно сложившимися верованиями в различных языческих богов. Верховным божеством являлся бог Шкай (Нишке), который мог как помогать людям в быту, так и наказывать их за нарушение традиционного уклада жизни. Дохристианские религиозные воззрения мордвы являлись гарантом соблюдения правил поведения в общине и юридических обычаев, поскольку считалось, что их нарушение влекло наказание со стороны как земных институтов, так и божественных⁴⁵⁹.

К концу XVIII в. официально все мордовское население, проживавшее на территориях Пензенской, Тамбовской, Нижегородской и Симбирской губерний, приняло христианство (православие)⁴⁶⁰. Восприняв русское православие, мордовский народ переосмыслил его, приспособил к своей повседневной жизни, в результате чего сформировался мордовский вариант православия на бытовом уровне, представлявший собой русское православие в синтезе с мордовским язычеством⁴⁶¹. Мордва стала применять русские юридические обычаи для нормативного закрепления фактов рождения, заключения брачного союза, смерти. В рамках судопроизводства в качестве доказательств правдивости показаний сторон стали использоваться такие церковные атрибуты, как распятие и икона. Глядя на них, сельские жители приносили клятвы. Также в мордовских селениях применялись различные формы «божьего суда», включая клятвенную присягу. По свидетельству М. Н. Любоцинского, крестьяне Дракинской волости Спасского уезда Тамбовской губернии, разбирая споры в волостном суде, «коли других доказательств нет», применяли «божбу»; в Атюрьевской волости «божба» допускалась, когда «один скажет другому, чтобы побожился, и если другой

⁴⁵⁹См.: Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в. : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Чебоксары, 2009. С. 34.

⁴⁶⁰См.: Маркелов М. Т. Указ. соч. С. 107.

⁴⁶¹См.: Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в. С. 35.

побожится, то первый отступается от дела»; в Барашевской волости присягу не использовали⁴⁶².

При разрешении споров крестьян важная роль у мордвы отводилась общине. К 1861 г. ее состав формировали как большие, так и малые семьи. Число членов первой нередко доходило до нескольких десятков человек⁴⁶³. Основной деятельностью семьи являлось земледелие в его трехпольной форме⁴⁶⁴. Ее главой обычно являлся самый старший мужчина, однако в некоторых селах женщины наравне с мужчинами управляли хозяйством. Главе семьи принадлежало право заключать различного рода сделки, вести переговоры от лица семьи, представлять семью перед общиной, церковью и органами власти, он отвечал за свой дом перед начальством, платил подати и нес повинности⁴⁶⁵. Мордовская община являлась хранителем обычаев и основой неофициальных судилищ, издревле гарантирующих справедливость при вынесении решений. К примеру, в Дракинской волости крестьяне, кроме волостного суда, имели в селениях «свой суд – старосты со стариками»⁴⁶⁶. Данные формы обычно-правовых судебных институтов при вынесении решений нередко «выдумывали» своеобразные наказания, виды которых отсутствовали в нормах позитивного права. Случалось, что и волостные судьи по своему усмотрению назначали наказания, к примеру, за правонарушения небольшой тяжести крестьяне приговаривались к штрафу в пользу мира. Так, в 1879 г. судьи Ичалковского волостного суда Нижегородской губернии Василий Фролов Кулаков, Дмитрий Вечканов и Иван Пустынников поясняли, что во время разбора жалобы старшего унтер-офицера Антона Назарова, которой просил удовлетворить его взысканием с крестьянина села Ичалки Дмитрия Назарова за «обругание им паршивым и поганым солдатишком», по показаниям свидетелей Петра Дороненкова и Павла Четвергова оштрафовали Дмитрия Назарова на 50 копеек и объявили, что приговор будет обращен в пользу мирских сумм, а не в пользу Антона Назарова, так как убытков в результате

⁴⁶²Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 241, 285, 298.

⁴⁶³См.: Бытовая культура мордвы / под общ. ред. Н. Ф. Мокшина. Саранск, 1990. С. 20.

⁴⁶⁴См.: Маркелов М. Т. Избранные труды. Саранск, 2009. С. 106.

⁴⁶⁵См.: Бытовая культура мордвы. С. 20.

⁴⁶⁶Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 240.

обругания он никаких не потерпел. «Однако решением истец остался недоволен»⁴⁶⁷.

Нарушение обычно-правового уклада жизни общины в мордовских деревнях влекло назначение «срамных» наказаний. К примеру, за неоднократное «нарушение спокойствия» в селе мордвин мог быть навсегда изгнан из него. Так, в 1871 г. в Дракинском волостном суде слушалось дело крестьянина Б. на односельчанина М. «об обиде сына его С.». Волостной суд удовлетворил иск Б., а крестьянина М. признал «вполне виновным», причем «М. был судим волостным судом 8 или более раз, обществом признан в дурном поведении и во всех отношениях каверзного характера». В связи с этим волостной суд постановил: «За такое нарушение тишины и спокойствия в обществе подвергнуть его денежному взысканию три рубля серебром в пользу обиженного мальчика С. с внушением ему, М., что если он еще позволит себе оскорбить кого-либо, то будет изгнан в конец селения и поставлен пред правительством как человек, нетерпимый в обществе»⁴⁶⁸.

Обращение мордовского крестьянства к юридическим обычаям в большинстве случаев использовалось в спорах о разделе наследственной массы по аналогии с другими близко проживавшими народами, однако с особенностями, присущими исключительно мордве. В Дракинской и Атюрьевской волостях Темниковского уезда сельские жители утверждали, что наследниками признавались сыновья умершего, которые получали все имущество в равных долях. Пасынки призывались к наследству, если на них были «сделаны бумаги в волостном правлении»⁴⁶⁹. Нарушение данного порядка доводило спорящие стороны до волостного разбирательства. Крестьянин И. взыскивал с брата К. из общего имения «половинной части из нераздельных свиней 6 из крупных и мелких, гусей 35, точилу, солоду 6 пудов, всего на сумму 27 рублей»⁴⁷⁰. Ответчик К. показал, что свиньи действительно нераздельны и, по его мнению, следует

⁴⁶⁷ЦА НО. Ф. 69. Оп. 651. Д. 21. Л. 2.

⁴⁶⁸Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 243.

⁴⁶⁹Там же. С. 242, 299.

⁴⁷⁰Там же. С. 304.

разделить их по числу душ, а «не по братски, равно и гусей». Свидетель П. указал, что действительно у них «было солода около воза». Атюрьевский волостной суд решил: «На основании существующего при разделах у крестьян обычая, свиней и гусей разделить между братьями И. и К. пополам: из 13 свиней 6 И. а 7 К., гусей из 14 по 7 каждому, гири и точилу делить тоже пополам, т.е. одному три, а другому точилу по жребью, солода и корья разделить по числу работников – И. две части, а К. три части, а так как солода уже в настоящее время нет, то вместо его с К. взыскать в пользу брата деньгами три рубля шестьдесят копеек серебром, а из корья, купленного на местные деньги, отдать И. 28 пудов»⁴⁷¹.

Женщина-вдова в мордовских селениях в случаях, если умерший муж проживал с ней отдельно от семьи, вступала в наследство за сына, если же была бездетна либо имела дочь, принимала наследство на себя. В случаях, если умерший муж не был отделен от семьи, вдова получала его часть наследства на ребенка мужского пола, в иных случаях отстранялась от наследства⁴⁷². Примером данного порядка наследования служит следующее гражданское дело: вдова Р. просила дозволить ей посеять хлеб на участке земли, оставшейся после смерти ее мужа В., чего не позволял ей крестьянин П.⁴⁷³ Ответчик П. показал, что истица от него отделилась с сыном от прежнего брака, а от их брака детей нет, поэтому землей на душу брата он желал пользоваться сам. Волостной суд, рассмотрев все обстоятельства данного дела, пришел к выводу: «Землю на душу покойного В., бездетного, предоставить в пользу братьев П. с обязательством их платить за оною подати и повинности»⁴⁷⁴.

Случалось, что действие мордовских обычаев о порядке наследования имущества вдовами оборачивалось для них отлучением от наследства. Интересен случай, произошедший в деревне Поповка Жегаловской волости Темниковского уезда в 1913 г. Крестьянки Анастасия Николаева и Дарья Иванова Акашевы в прошении, поданном в суд, излагали, что деверья их – крестьяне д. Поповка

⁴⁷¹Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 304.

⁴⁷²Там же. С. 242, 299.

⁴⁷³Там же. С. 304.

⁴⁷⁴Там же.

Григорий и Николай Александровы и свекровь Матрена Ильина Акашевы выгнали их из дома, не дав ничего из имущества, а так как мужья истиц не были отделены и имущество состояло в нераздельном пользовании, то они по местному обычаю имеют право на получение частей, принадлежавших их мужьям, и просили выделить им каждой по $\frac{1}{4}$ части из всего имущества, которое заключается в следующем: изба стоящая – 40 рублей, сени – 10 рублей, конюшня – 10 рублей, хлев – 7 рублей, двор – 10 рублей, 2 амбара – 20 рублей, баня – 10 рублей, сарай – 5 рублей, серая матка – 30 рублей, серый мерин – 50 рублей, жеребчик – 35 рублей, две рыжих коровы – 60 рублей, черная корова – 35 рублей, телка рыжая – 15 рублей, два бычка – 15 рублей, две свиньи – 15 рублей, 20 овец – 60 рублей, пять ягнят – 7 рублей 50 копеек, три телеги – 21 рубль, 3 саней – 15 рублей, три хомута – 15 рублей, двупарный плуг – 10 рублей, соха – 50 копеек, три бороны – 1 рубль 50 копеек, 5 кадок – 1 рубль 50 копеек, шерсти 1 пуд – 18 рублей, 3 600 снопов необмолоченной ржи – 140 рублей 40 копеек, 2 700 снопов необмолоченного овса – 97 рублей 20 копеек, 600 снопов необмолоченного проса – 16 рублей 80 копеек, гречихи 25 мер – 12 рублей 50 копеек, гороха 5 мер – 3 рубля 50 копеек, картофеля 15 четвертей – 18 рублей, срубы сосновые 9 аршин – 100 рублей, 8 аршин – 70 рублей, 7 аршин – 30 рублей, 9 аршин – 70 рублей, 5 аршин – 10 рублей, а всего на сумму 1105 рублей 40 копеек и земельный надел на 6 $\frac{1}{2}$ души⁴⁷⁵.

Истицы Анастасия и Дарья Акашевы изложенное в прошении подтвердили. Ответчики Григорий и Николай Акашевы объяснили, что по местному обычаю все имущество принадлежит их матери, а потому просили в иске отказать. Ответчица Матрена Акашева объяснила, что все имущество принадлежит ей и она не желает «выделить истицам какую-либо часть»⁴⁷⁶.

Свидетель крестьянин д. Поповка Иван Николаев Молин показал, что «по существующему в д. Поповка местному обычаю жены после смерти мужей, как имеющие детей, так и не имеющие, получают из движимого и недвижимого

⁴⁷⁵См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁴⁷⁶Там же. Л. 2.

имущества полные части причитающегося их мужьям, поэтому истицы имеют права каждая на $\frac{1}{4}$ долю из всего имущества. Ответчики Акашевы действительно владеют указанным в прошении имуществом всего на 1 105 рублей 40 копеек и наделной землей на $6\frac{1}{2}$ души. Имущество Акашевым досталось по наследству от отца их Александра Акашева»⁴⁷⁷.

Волостной суд дал оценку всем представленным доказательствам и принял во внимание, «что как по заявлению сторон, так и по удостоверению свидетеля Молина по существующему в д. Поповка местному обычаю жены после смерти мужей получают полные части их как из движимого, так и из недвижимого имущества». При вынесении решения волостные судьи указали, что «право на все имущество, оставшееся после смерти Александра Акашева, о разделе которого просят истицы, принадлежит его жене – ответчице Матрене Ильиной Акашевой и что ни остальные два ответчика – Григорий и Николай Акашевы, и ни мужья истиц прав на означенное имущество не имели, а следовательно, этого права не имеют и истицы»⁴⁷⁸. На основании изложенного волостной суд оставил исковое заявление Акашевых без удовлетворения.

На данное решение Жегаловского волостного суда истицы подали жалобу в Темниковский уездный съезд. По их мнению, волостным судом был неправильно растолкован местный мордовский обычай о порядке наследования имущества. В жалобе Акашевы указывали следующее. По смыслу специальных крестьянских законоположений, крестьянское имущество считается общим достоянием всех членов крестьянской семьи, а ни одного ее главы, участки наделной земли, находящиеся в нераздельном владении матери и детей или нескольких лиц, составляют общую собственность. В данном случае волостной суд, признав общее семейное имущество личной собственностью одной свекрови Матрены Акашевой, поступил вопреки указанным законоположениям. На волостном суде Молин категорически удостоверил о существующем в д. Поповка местном обычае, по которому жены после смерти мужей, как имеющие, так и не имеющие

⁴⁷⁷ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

⁴⁷⁸Там же.

детей, получают из движимого и недвижимого имущества полные части, наследниками к которым выступали их покойные мужья, но волостной суд, несмотря на такие доказательства, в иске им отказал. Истицы просили об отмене решения волостного суда и об удовлетворении их иска⁴⁷⁹.

Исследовав доводы заявителей, обстоятельства дела, Темниковский уездный съезд отказал в удовлетворении жалобы Акашевых и оставил без изменения решение Жегаловского волостного суда по следующим основаниям. Имущество умершего наследодателя Александра Акашева, о выделе частей из которого просят истицы, в силу существующего в д. Поповка обычая о порядке наследования перешло к жене покойного Акашева, т. е. ответчице по делу Матрене Акашевой. Означенный обычай, указанный самими истицами в их исковом заявлении, доказан допрошенным волостным судом свидетелем Молиным, существующие же местные обычаи о порядке наследования имущества крестьян при разрешении судебных споров имеют особое преимущество перед общими законами⁴⁸⁰.

Между тем Дракинский волостной суд по-иному трактовал подобный мордовский обычай. Так, 23 ноября 1871 г. была заявлена жалоба крестьянина Л. к снохе своей Н. о том, что они «во избежание вражды и ссоры между собою желают миролюбиво разойтись, имение же их просят разделить между собой без притеснения». Волостные судьи указали, что хотя обстоятельства дела подлежат рассмотрению сельского схода, «но, уважая его просьбу и миролюбное согласие», постановили следующее: «Предоставить в пользование снохе Н. один амбар, находящийся на дворе, семь заметов с сараями и плетень на дворе, остальное же все оставить в пользовании Л., хлеб же, находящийся на гумне и в поле, разделить на две части, и постановление это по записке в книгу считать конченным»⁴⁸¹.

Случалось, что после смерти крестьянина-домохозяина единственными наследниками признавались его несовершеннолетние дети. Согласно обычаям над ними назначалась опека, причем в мордовских селениях опекуны назначались

⁴⁷⁹См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 29. Л. 26.

⁴⁸⁰Там же. Л. 27.

⁴⁸¹Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 244–245.

сельским сходом либо сельским старостой с учетом мнения старейшин. Опекуны были обязаны охранять права наследников на имущество от посягательств со стороны третьих лиц. Бывало же, когда нерадивые попечители пользовались наследством детей, а при достижении ими совершеннолетия не спешили его возвращать. В данных случаях волостные суды принимали сторону опекаемых и тем самым утверждали действие крестьянских обычаев. Так, крестьяне деревни Варнаевой Вознесенской волости Темниковского уезда Иван и Василий Михайловы Лесковы устно заявили волостному суду 7 июля 1908 г. что «по смерти деда их Николая, а затем сына одного Василия Лескова осталась наделная земля на 2 души и усадьба в деревне Варнаевой». Единственными и законными наследниками были истцы, что удостоверено обществом крестьян деревни Варнаевой в приговоре от 9 мая 1908 г. и Вознесенским волостным правлением от 26 июня 1908 г. № 978. Спорной землей пользуются «односельцы Сергей Семенов и Петр Федоров Веденькины, коим земля была передана обществом до возраста наследников». Истцы просили указанный земельный надел изъять у ответчиков в свою пользу⁴⁸². Ответчики пояснили, что «лет 35 тому назад общество крестьян д. Варнаевой силой наделило на них наделную землю на две души, оставшуюся по смерти Николая Лескова, деда истцов, так как тогда платежи за землю были больше и никто добровольно землю не брал»⁴⁸³.

Свидетель крестьянин деревни Варнаевой Николай Павлов Васьков пояснил, «что наделная земля на две души осталась по смерти Николая Лескова, и в силу наследства и по местным обычаям таковая должна принадлежать Ивану и Василию Лесковым, родным внукам покойного Николая Лескова». Веденькину земля «была передана обществом на время до возраста сирот». Павел Павлов Васьков свидетельствовал: «Я не помню, когда передавало общество землю на 2 души Николая Лескова Веденькиным, знаю лишь то, что земля на 2 души покойного Николая Лескова должна принадлежать Ивану и Василию Лесковым, как ближайшим родственникам, в силу существующего местного обычая».

⁴⁸²См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

⁴⁸³Там же.

Михаил Андреев Лесков заявил, что «земля покойного Николая Лескова на 2 души должна принадлежать Василию и Ивану Лесковым как ближайшим родственникам покойного – внукам». Сельский староста д. Варнаевой Михаил Андреев Гришков дал такие же показания⁴⁸⁴.

Рассмотрев обстоятельства дела и представленные истцами документы, выслушав стороны и свидетелей, волостной суд установил: «Приговором и удостоверением установлено, что наделная земля на 2 души и усадьба, оставшаяся по смерти Лескова, должна принадлежать единственным наследникам оного: Ивану и Василию Лесковым. Ссылка Веденькиных на то, что они пользуются землей около 35 лет, значения не имеет, так как закон о давности для волостного суда необязателен и земля им была передана на время»⁴⁸⁵. Волостной суд определил: «Присудить крестьянам деревни Варнаевой Ивану и Василию Михайловым Лесковым от односельцев Сергея Семенова и Петра Федорова Веденькиных наделной земли, как полевой, так луговой, усадебной и огородной, на две души»⁴⁸⁶.

По общему правилу при рассмотрении дел, связанных с имуществом опекаемых лиц, волостные судьи иногда склоняли стороны к миру, чем и заканчивалось дело. Так, в Атюрьевском волостном суде слушалось гражданское дело, согласно материалам которого опекун А. и мать малолетнего О. «отыскивали» с Н. и А. имение, оставшееся после смерти отца малолетнего Н. «Опекун А. и мать О. иск свой прекратили мировой сделкой с обязательством Н. и А. уплатить в пользу малолетнего за часть имения, оставшегося после смерти отца, 43 рубля серебром»⁴⁸⁷.

Бывали случаи, когда после смерти крестьянина наследником его имущества являлись сестры в силу отсутствия других членов семьи. Посторонние же лица мужского пола при таких обстоятельствах всячески посягали на открывшееся наследство, пользуясь женской беззащитностью. В данных случаях

⁴⁸⁴ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

⁴⁸⁵Там же.

⁴⁸⁶Там же. Л. 37.

⁴⁸⁷Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 305.

волостной суд принимал позицию прямой наследницы и отстранял посягающих. К примеру, 15 января 1876 г. волостные судьи Ичалковского волостного суда слушали прошение крестьянской девицы, проживавшей в Дивеевском женском монастыре, Елизаветы Евстигнеевой Русяевой. Родной покойный ее брат Родион Евстигнеев Русяев в 1875 г. купил у священника села Рождествено Василия Амасийского корову за 25 рублей серебром и после покупки скончался. Деньги за корову выплатил продавцу крестьянин села Ичалки Роман Максимов Кулясов деньгами, вырученными от продажи конопляного семени крестьянину Алексею Семенову. Кулясов присвоил корову себе. В доказательство иска Русяева представила свидетелей крестьян села Ичалки Дмитрия Гаврилова Ганкина, Алексея Алексеева Андропова, Григория Федорова Русяева, Михаила Егорова Русяева. Ответчик для доказательства своих доводов пригласил священника села Рождествено Василия Амасийского. Истица просила судей «корову, находящуюся у Кулясова, возратить ей как принадлежащую по наследству»⁴⁸⁸.

Свидетель крестьянин Дмитрий Ганкин пояснил, что «покойный Родион Русяев приходил к нему и, когда он был жив, дома показывал ему эту самую корову, которая куплена у священника Амасийского». Алексей Андронов свидетельствовал, что «покойный Родион Евстигнеев при нем лично посылал Михаила и Григория Русяевых отобрать от крестьянина Романа Кулясова купленную им на свои деньги корову». Михаил и Григорий Русяевы объяснили, что «покойный действительно их посылал к Кулясову за коровой, которая находится по настоящее время у Кулясова»⁴⁸⁹.

Выслушав всех свидетелей, волостной суд решил «от крестьянина Романа Максимова Кулясова корову отобрать и вручить ее девице Елизавете Русяевой, а если корова эта, боже сохрани, помрет или произойдет над нею какое-либо происшествие еще у крестьянина Кулясова, то он должен уплатить ей, Русяевой, заплаченную за нее цену двадцать пять рублей, а в случае недобровольной его уплаты означенных денег или невыдачи коровы Русяевой, то описать у него

⁴⁸⁸ЦА НО. Ф. 69. Оп. 651. Д. 9. Л. 6–7.

⁴⁸⁹Там же. Л. 8.

имущество и продать с торгов и вырученными деньгами удовлетворить ее, Русяеву»⁴⁹⁰.

В целях снятия разногласий по разделу наследственной массы мордва практиковала составление завещаний, причем они имели юридическую силу в случае их подписания священнослужителем села и удостоверения волостным правлением⁴⁹¹. Крестьяне утверждали, что «споров по таким завещаниям не возникало» и «волостному суду не приходилось разбирать дела по ним»⁴⁹².

Действие обычного права в мордовских селениях, наряду с наследственными, получило распространение в брачно-семейных отношениях супругов и детей. Заключение брака у мордвы представлялось одной из основных обязанностей человека, долгом, вследствие исполнения которого укреплялась хозяйственная значимость семьи, так как брак приводил новых работниц – жен, а также был залогом крепкого хозяйства в последующих поколениях⁴⁹³.

Мордовские обычаи в полном объеме регламентировали порядок вступления молодоженов в брак, их дальнейшее совместное проживание, включая распределение прав на добрачное имущество супругов, производство семейных разделов. В селениях у мордвы «приданого» не было, напротив, существовал обычай, согласно которому «жених давал деньги отцу невесты, который расходовал их обыкновенно на наряд невесты»⁴⁹⁴. По утверждению крестьян, сумма такой «кладки» зависела от красоты и состояния здоровья невесты. Если же «по смерти отца» оставалась часть из этих денег, то она шла дочери, за которую он их получил⁴⁹⁵. Широкое применение обычаев в имущественных правоотношениях у мордвы не влекло за собой приобретение прав домохозяина на добрачное личное имущество жены. Родители невесты перед заключением брака снаряжали ее, передавали лучшие вещи, украшения, домашнюю утварь. В случае расторжения брачного союза такое имущество оставалось у жены.

⁴⁹⁰ЦА НО. Ф. 69. Оп. 651. Д. 9. Л. 9.

⁴⁹¹См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 241.

⁴⁹²Там же. С. 299.

⁴⁹³См.: Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. С. 248.

⁴⁹⁴Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 262.

⁴⁹⁵Там же. С. 242.

Случалось, что крестьяне нарушали данные традиционные устои, обиженные же обращались в волостной суд для раздела совместного имущества. Так, в Атяшевском волостном суде в 1873 г. слушалось дело о недействительности сделки в форме продажи мужем пяти золотых монет с головного украшения жены без ее согласия. Жена А. Т. в объяснении своей позиции указала, что «деньги коплены и пришиты прабабкой ее по матери Анной», в связи с чем волостной суд постановил обязать ответчика И. Т. возместить своей жене семьдесят пять рублей или же предоставить «три золотых катерининских, да десять крестовых рублевиков серебряных». Кроме того, суд решил «дать ему 18 розог и арестовать при правлении на два дня, если наказания принять не захочет... чтобы впредь с чужим добром умел врачаться»⁴⁹⁶.

Аналогичным образом было прекращено гражданское дело, рассмотренное Атюрьевским волостным судом в 1871 г., по материалам которого крестьянка Г. просила взыскать с крестьянки С. 2 рубля серебром за самовольное удержание 3 холстов. С. показала, что она не отдает холст бывшей своей снохе потому, что «Г. обязана выплатить ей 4 рубля серебром, употребленные во время свадьбы»⁴⁹⁷. Волостной суд определил: «От крестьянки С. отобрать два холста, принадлежащие, по ее показанию, Г., которой вручить по принадлежности ей, а в иске в 4 рубля серебром со снохи Г. С. отказать»⁴⁹⁸.

Случалось, что после смерти жены муж присваивал ее имущество и требовал у родителей умершей возврата ее личных вещей. Данные споры рассматривались волостным судом, который примирял стороны и делил имущество на основании существовавших мордовских обычаев. В 1871 г. в Дракинский волостной суд была заявлена жалоба крестьянина К. о том, что после смерти жены его М. остались «2 золотых шелковых платка», стоившие шесть рублей, и другие вещи, которые находятся у матери покойной жены Е⁴⁹⁹. Истец просил «означенные вещи от тещи Е. отобрать и вручить ему». Волостной суд,

⁴⁹⁶Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. С. 159.

⁴⁹⁷Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 303.

⁴⁹⁸Там же.

⁴⁹⁹Там же. С. 244.

рассмотрев все обстоятельства дела, указал, что «вещи, находящиеся у Е., отданы по принадлежности К., а находящиеся у него, К., вещи, т.е. полушубок, одна овца и прочие, взяты Е., следовательно вещей как у тех, так и у других ничего не оставалось». В связи с этим судьи постановили: «Жалобу, заявленную К., оставить без последствий»⁵⁰⁰.

В исключительных случаях, к примеру после смерти бездетной жены, муж был обязан все ее личное имущество вернуть прежней семье, где оно поступало не в общую собственность дома, а матери умершей⁵⁰¹. Между тем рабочий скот «во всяком случае, делался собственностью мужа»⁵⁰².

В целом свадебная церемония для мордвы являлась мероприятием, требовавшим немалых денежных затрат, в связи с чем существовали обычаи, прямо запрещавшие отказываться от заключения брачного союза в ходе приготовления к нему по «надуманным основаниям». Так, при рассмотрении в волостном суде семейного спора крестьян села Верхиссы Инсарского уезда выяснилось, что жених отказался от заключения брака из-за того, что будущая супруга неоднократно встречалась с фельдшером из села Исса. Волостной суд взыскал с жениха убытки, а также «за бесчестную славу на девку, им пущенную», взыскал «10 рублей в ее пользу» и приговорил к десяти ударам розгами, «чтобы впредь девку не срамил»⁵⁰³. Тот же волостной суд взыскал с крестьянина, отказавшегося дать благословение на заключение брака его дочери с односельчанином из-за якобы «дурной болезни» последнего, 20 рублей и 10 рублей за «бесчестье»⁵⁰⁴.

Бывало, что после внесения добрачных взносов свадебная церемония все же отменялась. В данных случаях супруги имели право вернуть такие взносы обратно в семьи либо один из них, признанный потерпевшим, был вправе взыскать убытки. Так, в 1871 г. в Атюрьевском волостном суде крестьянин Н. просил взыскать с П. 13 рублей 50 копеек, израсходованных им при сватании

⁵⁰⁰Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 244.

⁵⁰¹Бытовая культура мордвы. С. 23.

⁵⁰²Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 299.

⁵⁰³Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. С. 158.

⁵⁰⁴Там же.

дочери, а также 25 рублей за «бесчестие» дочери из-за отказа жениха заключить брачный союз⁵⁰⁵. Рассмотрение дела закончилось мировой сделкой с обязательством крестьянина П. возместить крестьянину Н. убытки в размере 13 рублей 50 копеек⁵⁰⁶.

По объективным же причинам, препятствовавшим заключению брака, суд отказывал в удовлетворении исков данного вида. В селе Кемешкир Пензенской губернии жених отказался от заключения брака из-за болезни. Отец невесты обратился в волостной суд, потребовав взыскать с семьи жениха убытки. Волостной суд не удовлетворил исковые требования просителя и освободил отца жениха от какой-либо компенсации за причиненные расходы⁵⁰⁷.

Распространенным явлением в мордовских селах в исследуемый период стали семейные разделы. Основной их причиной было вступление в брак членов семьи мужского пола – сыновей домохозяина. Большие размеры семьи затрудняли управление. Теснота дома, ссоры, недоверие к главе семьи, стремление вести собственное хозяйство вынуждали молодоженов обуустраивать собственный быт и делить имущество отца⁵⁰⁸. По утверждению крестьян Темниковского и Спасского уездов Тамбовской губернии, «разделы при жизни отца случались часто, по большей части из-за семейных несогласий», «поссорится семья – сей час сыновья кричали делиться»⁵⁰⁹. Разделы семейного имущества сопровождались определенными обычаями. Домохозяин клал на стол хлеб с солью, зажигал лампы, и члены семьи молились за благополучие нового хозяйства, чтобы рождались дети и плодился скот, а также чтобы боги не отвернулись от новой семьи⁵¹⁰. Быт во вновь образованной мордовской семье был значительно проще, свободнее по сравнению с большой семьей. Домохозяин новой семьи становился равноправным членом общины и участвовал в

⁵⁰⁵См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 300.

⁵⁰⁶Там же.

⁵⁰⁷См.: Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. С. 158.

⁵⁰⁸См.: Бытовая культура мордвы. С.26.

⁵⁰⁹Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 241, 298.

⁵¹⁰См.: Бытовая культура мордвы. С. 26.

разрешении сельских вопросов. Жена также получала большую свободу и самостоятельность⁵¹¹.

Домашние конфликты в мордовских семьях были редким явлением. К примеру, уход жены из дома был недопустим. Когда же она уходила, муж приезжал за ней, причем с целью посрамления привязывал ее за волосы к оглоблям и вел домой⁵¹². Сословный суд при рассмотрении данных правоотношений поддерживал патриархальные традиции и принимал сторону супруга. Так, Атяшевский волостной суд в 1873 г. вследствие ухода жены из дома из-за «буйства» мужа постановил «взыскать с родителей жены в пользу мужа пять рублей 20 копеек проторей и убытков, а жену вернуть мужу немедленно». Однако, учитывая воспитательно-предупредительный характер судебного разбирательства, во время слушания судьи «щуняли» мужа и учили его, как жить с женой, чтобы она в следующий раз не уходила⁵¹³.

Бывали случаи, когда волостные судьи при рассмотрении проступков мужей, выразившихся в избиении жен, все же принимали сторону потерпевших. Так, 4 сентября 1871 г. волостной суд Дракинской волости, выслушав жалобу, заявленную крестьянином Ж. на сына Б. о причинении им побоев дочери его Н., определил ее «заслуживающей уважения, так как это подтверждено свидетелями, но, принимая во внимание сознание Б., волостные судьи решили взыскать с него за обиду девушки Н. пять рублей и оными удовлетворить просителя»⁵¹⁴.

Итак, одним из важнейших институтов развития обычного права мордовского народа являлась сельская община, способствовавшая укреплению роли волостной юстиции в народной среде. Мордовский этнос формировал самобытный менталитет, значимым компонентом которого было обычное право, аккумулировавшее представления о справедливости, порядке и способах разрешения споров, о сущности правонарушения и наказания, системе доказывания. Деятельность волостных судов основывалась на обычаях

⁵¹¹Бытовая культура мордвы. С. 27.

⁵¹²Там же.

⁵¹³См.: Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. С. 159.

⁵¹⁴Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 243.

мордовского народа, отражала его дохристианские верования, выражавшиеся в практике применения клятвенной присяги по «мордовской вере – шерти», мордовских молебнов. Особое внимание волостная юстиция уделяла рассмотрению споров в сфере брачно-семейных отношений, взаимоотношений между членами семьи. При этом, в отличие от статуса женщин у русских, у мордвы крестьянка обладала большим объемом прав, что подтверждается материалами гражданских дел, где мордовские женщины выступали истцами. В целом мордва в случае возникновения спорных ситуаций предпочитала обращаться в собственные обычно-правовые институты, хотя и волостной суд ее «крайне удовлетворял».

3.3. Практика применения волостными судами юридических обычаев татарского народа

Наряду с русским народом и мордвой, на территориях Пензенской, Тамбовской, Нижегородской и Симбирской губерний проживали крестьяне, относящиеся к татарскому этносу, а именно к этнической группе татар Среднего Поволжья – мишарям. Формирование их быта и обычно-правовых воззрений происходило под влиянием различных факторов, а именно: соседство с мордовским и русским народами, отношение к исламу, преобладание сельского хозяйства над остальными производственными сферами деятельности⁵¹⁵.

В исследуемый период на территории Мордовии татары-мишари проживали преимущественно большими неразделенными семьями, расселяемыми компактными родственными группами в разных концах деревни. Как правило, семья базировалась на патриархальных традициях, ее состав формировали 3–4 работника мужского пола, что позволяло обеспечивать себя хлебом, мясом, одеждой и домашней утварью⁵¹⁶.

Патриархальные традиции мишарской семьи выражались в том, что каждый из ее членов беспрекословно подчинялся домохозяину. Глава распределял все работы, сам же выполнял наиболее ответственные, к примеру сеял хлеб. Распашкой и дальнейшей обработкой земли занимались другие члены семьи мужского пола. Сбором урожая, приготовлением пищи, уходом за одеждой занимались женщины. В деревне Иняты Саранского уезда был зафиксирован обычай сева хлеба, описывавший роль каждого члена семьи мишарей. Так, за один день до начала полевых работ женщины выпекали два каравая хлеба, один из которых жертвовали нищим и неимущим, другой делили на куски и подсаживали. Первый кусок съедал домохозяин, остальные же распределялись между членами семьи. Последний кусок отдавали лошади перед выходом в поле.

⁵¹⁵См.: Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 27.

⁵¹⁶Там же. С. 141–142.

В завершение обряда каждый глава семьи проводил моления по исламским верованиям⁵¹⁷.

Действие патриархальных обычаев в среде татарских крестьян долгое время обуславливало зависимое положение их женщин. К примеру, супруга, согласно обычаям, не имела права называть домохозяина и его родственников-мужчин по имени, сидеть с ними за одним столом и заводить разговор. Случалось, что свекор, перед тем как зайти в дом, кашлем предупреждал снох о своем прибытии, чтобы они могли уйти в другие комнаты⁵¹⁸. Женщины были не вправе участвовать в общественной жизни деревни, причем в некоторых из них им не разрешалось даже обращаться с заявлениями с сельские институты власти. К примеру, в одном татарском селе Нижегородской губернии в середине XIX в. был зафиксирован случай о судебных тяжбах в волостном суде четырех замужних татарок, имевших земли по праву наследства. Указанные земли были незаконно захвачены соседями, причем просительницы, объясняя свое обращение в сословный суд, указывали, что не могли защитить свои права у старейшин села, так как им согласно «нормам шариата» было невозможно разрешать дела совместно с лицами мужского пола (старейшинами), в особенности в их «молодых летах»⁵¹⁹.

К вопросу об обычаях заключения брачного союза у татар-мишарей исследуемых губерний следует отметить, что их способами являлись сватовство, похищение девушки либо ее добровольный уход из отчего дома в семью жениха⁵²⁰. Похищение невесты в большинстве случаев носило инсценировочный предсвадебный характер, и сами мишари редко к нему прибегали. Между тем самовольный уход девушки из дома без согласия родителей был нередким явлением. Данный способ заключения брака, согласно обычно-правовым воззрениям татар-мишарей, наносил серьезное оскорбление семье невесты. Родители не пытались вернуть дочь обратно и были вынуждены вести переговоры

⁵¹⁷См.: Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала : (Годовой цикл. XIX – начало XX в.). Казань, 2001. С. 59.

⁵¹⁸См.: Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 143.

⁵¹⁹См.: Сенюткин С. Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX в. : (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород, 2001. С. 293.

⁵²⁰См.: Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 154.

с семьей жениха по вопросу проведения свадебной церемонии, причем выкуп в данном случае не уплачивался, а свадебное торжество ограничивалось религиозными ритуалами и обрядами⁵²¹. По общему правилу, распространенным способом заключения брачного союза являлось сватовство невесты семьей жениха. Его процедура проходила следующим образом. Сват начинал разговор с отцом невесты со слов: «У вас есть золото, а у нас – серебро, давайте сольем их»⁵²². Отец невесты, хотя был согласен на заключение брачного союза, делал вид, что отказывается от него, говоря, что нужно посоветоваться с родственниками. После этого сват предлагал за невесту большой выкуп (калым). В результате переговоров родственники будущей жены передавали свату полотенце, показывая свое согласие на брак⁵²³. Выкуп поручали самому уважаемому члену семьи, который при ведении переговоров должен был положить под себя мягкую шапку, что свидетельствовало о мирных намерениях⁵²⁴.

Нередким явлением в семьях татар-мишарей были разделы, делившиеся на два вида: частный и общесемейный. При частном разделе не происходил распад семьи. Данным способом разрешался единичный конфликт – претензии одного сына, причем с целью недопущения ухудшения экономического состояния семьи отделившемуся сыну выдавалась наихудшая доля из общего имущества. Общесемейный раздел предполагал серьезную подготовку, большие временные и денежные затраты. Его особенностью у мишарей было обустройство быта новой семьи на усадьбе домохозяина, предварительно размежеванной на части⁵²⁵. На ней строились отдельные дома и хозяйственные постройки⁵²⁶. В итоге на одном большом дворе располагалось несколько отдельных домов, сараев и баня. По утверждению татарских крестьян, семейные разделы предполагали лишь

⁵²¹ Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 155–156.

⁵²² Там же.

⁵²³ Там же. С. 158.

⁵²⁴ Там же. С. 157.

⁵²⁵ Там же. С. 57, С. 61.

⁵²⁶ Там же. С. 144.

раздельность домашнего быта, земельные же участки возделывались сообща, а урожай делился на равные части⁵²⁷.

Патриархальные традиции татарских семей, догмы ислама в совокупности определяли обычный порядок наследования имущества. Так, наследниками первой очереди являлись сыновья домохозяина. Женщины в больших семьях отстранялись от наследства. Бездетные вдовы, если проживали в браке недолгое время, обычно возвращались в родную семью, забирая при этом лишь приданое. Бездетная же вдова, жившая долгое время с мужем в доме его отца, после смерти оставалась в его семье и переходила жить к родному брату умершего⁵²⁸. Однако в Стрелецкой волости Темниковского уезда у мишарей действовал обычай, согласно которому вдова, если ее муж жил нераздельно с семьей отца, получала в наследство 1/7 часть имущества мужа⁵²⁹.

Действие обычаев татар распространялось и на дальнейшее пользование полученным в наследство имуществом. Случалось, что одни наследники не допускали других к владению имуществом, вследствие чего возникал конфликт, который рассматривался волостным судом. К примеру, доверенный крестьянина села Княжева Фейзулла Искандеров Мансырев подал жалобу Теньгушевскому волостному суду Темниковского уезда Тамбовской губернии о том, что в пользовании его доверителя и крестьян села Княжева Хабибуллы Абдульмянова и Гельджамяли Абдурахмановой Мансыревых имелся земельный надел на 3 души на праве общей собственности. Между тем от раздела названного надела ответчики Мансыревы отказались, в связи с чем Фейзулла Искандеров Мансырев просил суд произвести раздел надела⁵³⁰.

Доверенный истца заявление поддержал в полном объеме и определил его цену в размере 300 рублей. Ответчик крестьянин Хабибулла Абдульмянов Мансырев возражал против исковых требований и объяснил, что у него «еще находится в живых его родной отец, почему он не считает себя ответчиком по

⁵²⁷ Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 145.

⁵²⁸ См.: Там же. С. 145.

⁵²⁹ См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 262.

⁵³⁰ См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

делу». Крестьянка Гельджамяли Абдурахманова Мансырева объяснила, что «землей пользуется не она, а первый ответчик – ее муж по второму браку, которому истец пасынок, т.е. от первого ее мужа»⁵³¹.

Свидетель крестьянин Бекзулат Салехов объяснил, что «первый муж ответчицы Мансыревой умер и после смерти его она приняла к себе во двор крестьянина Абдульмяна Бадаева Мансырева, который находится в «безызвестной отлучке» в течение более десяти лет. Земельным наделом на 3 души ответчики пользовались одни, не допуская истца»⁵³².

Волостной суд рассмотрел обстоятельства дела и решил: исковое заявление доверенного истца удовлетворить «на том основании, что земля действительно находится во владении ответчиков, но хотя у них и есть домохозяин – муж по второму браку ответчицы, однако он находится в безызвестной отлучке более 10 лет... Изъять из владения ответчиков в пользу доверителя истца часть земельного надела на 1 душу»⁵³³.

Случалось, что в наследственных спорах истцы-мишари мотивировали свои требования действием обычая, а ответчики ссылались на существование отличных от него религиозных догм ислама. При таких обстоятельствах позиция волостного суда, изложенная в решении, была неясной и недостаточно аргументированной, что вынуждало стороны тратить большое количество времени для защиты своих прав и законных интересов в рамках процедуры апелляции. Интересно судебное разбирательство гражданского дела татар-мишарей Стрелецкой волости Темниковского уезда, длившееся с 1909 по 1914 г. 15 марта 1909 г. волостной суд рассматривал иск крестьянки деревни Караевой Биби Шарифы Шамшетдиновой Поздняковой «об утверждении ее в правах наследства к 5,2 десятины пахотной и луговой земли четвертного права, оставшейся после смерти ее деда Абдул Хаира Салехова Позднякова»⁵³⁴. Биби Шарифа Шамшетдинова Позднякова в исковом заявлении объясняла, что после

⁵³¹ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

⁵³²Там же. Л. 2.

⁵³³Там же.

⁵³⁴Там же. Д. 2. Л. 5.

смерти ее деда Абдул Хаира Салехова Позднякова осталось недвижимое имущество, а именно пахотная и луговая земля четвертного права в количестве 15,6 десятины, расположенная в пределах Стрелецкой волости, наследниками которой состояли просительница, ее дядя Изятулла Абдул Хаиров и племянник Алим Хусяинов, все в равных долях, а потому просила волостной суд постановить определение об утверждении ее в правах наследства к 1/3 части из 15,6 десятины земли, т.е. к 5,2 десятины. Истица иск свой подтвердила и определила его стоимость в размере 350 рублей.

Опрошенный по делу крестьянин деревни Караевой Хусяин Мязитов Поздняков показал, что «после смерти крестьянина Абдул Хаира Салехова Позднякова осталась пахотная и луговая земля четвертного права в количестве 15,6 десятины, находившаяся в пределах Стрелецкой волости, к каковой прямыми и единственными наследниками состоят: истица, его сын Изятулла и правнук Алим Хусяинов Ялышев, все в равных частях», причем добавил, что у покойного были три сына – Изятулла, Феткулла и Шамшетдин, между которыми вышеуказанный земельный надел в размере 15,6 десятины и должен был быть разделен поровну. Однако Феткулла и Шамшетдин умерли. После Феткуллы остался внук Алим Хусяинов и после Шамшетдина дочь Биби Шарифа – истица. По местному обычаю, существующему в их деревне, приходящиеся на долю умерших части земли должны поступить в потомственное владение последних и служить им единственным средством для жизни, а остальные 5,2 десятины – Изятулле Абдул Хаирову Позднякову⁵³⁵.

Волостной суд установил, что иск основан на праве на наследование между наследниками крестьянского имущества, находившегося в пределах Стрелецкой волости, заключавшегося в недвижимом имуществе – 5,2 десятины четвертной земли, оцененной в 350 рублей. В резолютивной части решения указывалось, что суд находит иск Биби Шарифы Поздняковой доказанным показаниями свидетелей. Приняв во внимание доказанность иска и существование местного обычая о порядке наследования имущества, суд определил: «Крестьянку деревни

⁵³⁵ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

Караевой Биби Шарифу Шамшетдинову Позднякову утвердить в правах наследства к 5,2 десятины пахотной и луговой земли»⁵³⁶.

По решению волостного суда истица вступила в наследство умершего деда, однако выяснилось, что спорный земельный участок находился во владении ее дяди, не желавшего его отчуждать, в связи чем она повторно обратилась в суд 12 июля 1909 г., где Позднякова предъявила к Изятулле Абдул Хаирову Позднякову иск об изъятии у него 5,2 десятины пахотной и луговой земли четвертного права. Согласно обстоятельствам дела истица в исковом заявлении объясняла, что решением суда, вынесенным 15 марта 1909 г., она утверждена в правах наследства к 5,2 десятины пахотной и луговой земли четвертного права, оставшейся после смерти ее деда Абдул Хаира Салехова Позднякова. Спорный земельный участок находится во владении крестьянина-однообщественника Изятуллы Абдул Хаирова Позднякова, который добровольно ее не отдал Поздняковой, вследствие чего истица предоставила копию вышеуказанного решения и просила волостной суд вынести определение об изъятии у крестьянина Позднякова 5,2 десятины земли и о передаче ее Биби Поздняковой. Свой иск она подтвердила и оценила его в 350 рублей. Ответчик Изятулла Поздняков на суде объяснил, что он действительно не отдал спорную землю Биби Шарифе Поздняковой, потому что она принадлежит ему, и просил в иске отказать.

Опрошенный по делу свидетель крестьянин деревни Караевой Хусяин Амзитов Поздняков показал, что «Изятулла Поздняков действительно добровольно не отдал крестьянке Биби Шарифе Поздняковой 5,2 десятины пахотной и луговой земли четвертного права, к которой истица утвердилась в правах наследства. Землю эту следует отобрать от ответчика»⁵³⁷.

Рассмотрев гражданское дело, волостной суд нашел иск крестьянки Биби Шарифы Поздняковой доказанным в полном объеме, вследствие чего определил: «Отобрать от крестьянина деревни Караевой Изятуллы Абдул Хаирова Позднякова пять десятин и две десятых десятины пахотной и луговой земли

⁵³⁶ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁵³⁷Там же.

четвертного права и передать крестьянке той же деревни Биби Шарифе Шамшетдиновой Поздняковой»⁵³⁸.

Ответчик не согласился с указанным решением волостного суда. По его мнению, произошло нарушение религиозных догм шариата, которые в месте его жительства должны были применяться с учетом обычного права.

В своей жалобе Темниковскому уездному съезду ответчик указал: «Отец истицы, а мой родной брат, уже умерший, при жизни своей не был утвержден в правах наследства, а раз это так, то, по магометанскому закону шариат, внушка наследодателя, которой является истица, уже потеряла право на наследство и земля в пользу ее поступить не должна. Что это действительно так, я в день заседания съезда представлю надлежащий документ, касающийся порядка наследования по шариату»⁵³⁹.

5 марта 1910 г. в заседание Темниковского уездного съезда ответчиком было представлено удостоверение, выданное Оренбургским магометанским духовным собранием 5 января 1910 г. № 79, согласно которому следовало: «Во-первых, что если после умершего в 1884 г. Абдулхаира Позднякова наследниками его имуществу остались в живых два сына Фаткулла и Гизатулла, то все имущество умершего они наследуют по равной части; во-вторых, после умершего затем в 1884 г. Фаткуллы Абдулкайрова Позднякова все имущество его переходит к родному брату Гизетулле и единственной родной дочери Фатиме Фаткуллиной, также в равных долях, а за смертью Фатимы следующая ее половина имущества Фаткуллы Позднякова переходит к его внуку, т.е. сыну Фатимы Фаткуллиной – Галиму Ялышеву, если нет других наследников, и, в-третьих, дочь третьего сына наследодателя Абдулхаира Позднякова Шамшетдина Абдулхайрова – Шарифа в имуществе своего деда Абдулхаира никакой доли не наследует, так как отец ее Шамшетдин Абдулхайров умер ранее наследодателя, т.е. в 1882 г.»⁵⁴⁰.

⁵³⁸ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

⁵³⁹Там же. Л. 3.

⁵⁴⁰Там же. Л. 29.

Темниковский уездный съезд принял сторону ответчика, причем в мотивировочной части своего решения указал, что право свое на часть спорного земельного надела умершего в 1884 г. Абдулы Хаира Салехова Позднякова, доводившегося истице дедом, она основывает на том, что к упомянутой земле она утверждена в правах наследства решением Стрелецкого волостного суда от 15 марта 1909 г., между тем указанное решение как постановленное в охранительном порядке не имеет значения. Определение же наследственных прав на имущество, «оставшееся после магометан, должно определяться по законам магометанским». Сделанное на заседании съезда доверенным ответчика Акчуриным возражение о неимении у истицы согласно правилам шариата наследственных прав на спорную землю является основательным, так как из представленного им удостоверения Оренбургского магометанского духовного собрания от 5 января 1910 г. за № 79 усматривается, что «истица в имуществе своего деда никакой доли не наследует, так как отец ее Шамшетдин Абдулхаиров умер ранее наследодателя, т.е. в 1882 г.», следовательно, предъявленное истицей по делу требование представляется не подлежащим удовлетворению. Заявленное поверенными тяжущихся сторон ходатайство о допросе приведенных ими свидетелей, из числа которых со стороны истицы они указаны в подтверждение существования в деревне Каревой местного обычая о порядке наследования, а со стороны ответчика – в подтверждение владения им спорной землей на праве собственности, не заслуживает уважения «как за разъяснением дела, так и потому, что указанное поверенным истицы обстоятельство не имеет значения, ибо в данном деле правила, изложенные в шариате, должны предпочитаться местному обычаю». На основании вышеперечисленного Темниковский уездный съезд постановил решение Стрелецкого волостного суда отменить⁵⁴¹.

Темниковский уездный съезд не являлся последней инстанцией для обжалования решений волостных судов, и истица обратилась в Тамбовское губернское присутствие, которое в своем решении, пересмотрев обстоятельства дела, пришло к выводу, что «при рассмотрении дел о порядке раздела

⁵⁴¹См.: ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2. Л. 33–34.

наследственного имущества крестьян судам следовало руководствоваться местными обычаями в случаях, когда на них ссылались стороны по делу, причем обычай мог быть принят волостным судом даже тогда, когда он противоречит закону». На основании изложенного Тамбовское губернское присутствие указало, что «Темниковский уездный съезд был не вправе уклоняться от разрешения вопроса о существовании в деревне Караевой обычного порядка наследования и отклонять представленные в подтверждение этого обычая доказательства Поздняковой»⁵⁴².

Указанные в определении Темниковского съезда ссылки на действовавшее законодательство, по мнению губернского присутствия, «не могли иметь руководящего значения в настоящем деле, ибо решением этим разрешался вопрос о порядке наследования у высших сословий кумыкского народа, а в рассматриваемом случае идет речь о наследовании после лиц податного сословия – крестьян крестьянским же надельным имуществом. Не приняв изложенное во внимание, съезд неправильно определил обстоятельства дела», а потому, находя жалобу Поздняковой заслуживающей уважения, губернское присутствие согласно заключению товарища прокурора определило: «Решение Темниковского съезда отменить»⁵⁴³.

Татары-мишари, беспрекословно подчинявшиеся догмам ислама, в особой степени заботились о соблюдении их неимущественных прав и интересов. К примеру, в одном селе Нижегородской губернии произошел случай, когда татарин был приговорен к розгам. Им предпринимались всевозможные способы апелляции с целью избежать экзекуции. По словам самого крестьянина, его страшило не наказание, а бесчестие, следовавшее за ним, которое могло отразиться на нем и на его семье⁵⁴⁴. Бесчестием также признавалось словесное оскорбление, сделанное при свидетелях. В этой связи конфликты татар-мишарей, случавшиеся в деревнях исследуемых губерний со смешанным этническим составом населения, происходили на их родном татарском языке, чтобы

⁵⁴²ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

⁵⁴³Там же.

⁵⁴⁴См.: Сенюткин С. Б. Указ. соч. С. 292–293.

свидетели не смогли разобрать, кто первый начал спор и кто из спорящих ругается бранными словами. К примеру, 2 мая 1871 г. волостные судьи Стрелецкого волостного суда слушали объяснение государственного крестьянина А.А. по иску, предъявленному к нему отставным унтер-офицером А. по делу «о причиненных будто бы первым последнему оскорблений словами». Крестьянин А.А. пояснил, что на спор был вызван самим А., который в свою очередь также «поносил его, А.А., разными неприличными словами» при свидетелях, крестьянах А., М., И. и М.

Свидетели указали, что А. с А.А. действительно «кричали шибко на татарском языке», следовательно, «в чем состоял крик их, им неизвестно», а только видели, что А.А. указывал А. что-то на подошве ноги. Весь шум, по мнению свидетелей, состоял из общей брани тяжущихся. Топором же А.А. на А. не намахивался.

Рассмотрев прошение крестьянина А., с учетом показаний крестьянина А.А. и свидетелей, из которых видно, «что кроме общей брани никаких других преступлений не было, волостные судьи постановили: просьбу унтер-офицера А. оставить без последствий»⁵⁴⁵.

Следует отметить, что совместное проживание в одной волости крестьян различных этносов оказывало влияние на ход судебного процесса в части применения обычно-правовых процессуальных инструментов. По утверждению крестьян-мишарей Стрелецкой волости Темниковского уезда, «божба» в присутствии волостных судей «за доказательство никак не применима»⁵⁴⁶. Думается, что данная особенность объясняется различиями в религиозных верованиях, вследствие чего в случаях спора крестьян из мордвы с татарами одни могли не доверять клятвенным признаниям других. С другой стороны, при таких обстоятельствах широкое распространение получали иные инструменты, а именно «грех пополам» и «жребий». К примеру, 7 марта 1871 г. Стрелецкий волостной суд слушал прошение крестьянина Е. по делу о даче им крестьянину Т.

⁵⁴⁵Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 265–266.

⁵⁴⁶Там же. С. 261.

в долг 8 рублей серебром при свидетелях – крестьянах У., А., Б. В ходе разбирательства истец поддержал исковые требования в полном объеме. Свидетели же объяснили, что денежные средства крестьянином Е. при них были переданы Т. Он в свою очередь заявил, что деньги 8 рублей серебром от Е. «в заимообраз» никогда не брал и что крестьяне У., А. и Б. свидетельствовать этого по случаю двоюродного родства с Е. не могут. Принимая во внимание то, что действительно свидетели состоят с Е. в двоюродном родстве и что Е. обязан был дать Т. «в заимообраз» денег под расписку, волостные судьи пришли к заключению: на основании свидетельских показаний взыскать в пользу Е. с крестьянина Т. «за неимением от него расписки» вместо 8 рублей серебром только четыре рубля⁵⁴⁷.

Таким образом, в результате исследования юридических обычаев татар-мишарей, применявшихся волостными судами, располагавшимися в землях Мордовии, можно сделать вывод об их многогранности. С одной стороны, обычное право основывалось на синтезе доисламских традиций и законов шариата, характерном для этносов тюркской общности. С другой стороны, в формировании быта мишарей особую роль сыграли соседские контакты с мордвой и русскими, в результате чего их обычаи, в особенности в брачно-семейной сфере, имели ряд аналогий. Волостные суды были обязаны основывать свои решения исключительно на крестьянском праве, находящемся у мишарей в тесной взаимосвязи с догмами ислама, а в некоторых случаях превалировавшим над ними.

Итак, обычное право крестьян формировалось под влиянием множества факторов, включая их отношение к религии, географическое место расселения, род хозяйственной деятельности, соседство с народами, относящимися к другим этносам. Официальным государственным институтом, отражавшим и учитывающим традиции сельских жителей, в исследуемый период стал волостной суд, применявший их по большей части при рассмотрении гражданских споров⁵⁴⁸.

⁵⁴⁷См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов... С. 265.

⁵⁴⁸Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). С. 123.

о землепользовании, заключении и расторжении брака, назначении опеки над несовершеннолетними, разделе имущества в целом и наследственной массы в частности. Гарантом справедливости применения юридических обычаев выступала сельская община, обеспечивавшая контроль за соблюдением интересов всех жителей деревни.

Проанализированные в ходе исследования документы, включая решения волостных судов, хранящиеся в архивных фондах, содержат немало примеров применения юридических обычаев этносов, проживавших в землях Мордовии. Соседское проживание и ведение хозяйства сформировало принципы обычного права, характерные для русских, мордвы и мишарей, такие как трудовое начало, патриархальность и подчинение младших членов семьи старшим, а также общность владения имуществом. Вместе с тем имелись отличия, свойственные для конкретного этноса. К примеру, у мордовских крестьян главой семьи нередко становилась женщина, а патриархальный опыт управления семьей был перенят у русского населения. Данное обстоятельство предполагало существование большего объема прав у мордовских женщин в семье по сравнению с русскими и татарами, включая права на свободное обращение в государственные органы, на получение части из наследственного имущества при смерти домохозяина, а также на добрачное имущество.

Существенные отличия обычно-правовых воззрений у мишарей от русского и мордовского этносов прежде всего обуславливались подчинением первых законам шариата, а также юридическим обычаям, основанным на исламских догматах. Наиболее ярко данные отличия проявлялись во взаимоотношениях между членами семьи, где лица женского пола долгое время были бесправны и подчинялись полной власти не только главы семьи, но и иных ее членов мужского пола. Женщина, по общему правилу, не призывалась к наследованию имущества, не имела права свободного выбора жениха, не могла самостоятельно защищать свои интересы в самобытных органах отправления правосудия. Кроме того, отличительной чертой являлось определение понятий «правонарушение» и «преступление». К примеру, конокрадство для мордвы и русских являлось

«преступлением», разорявшим хозяйство и влекшим серьезные меры наказания, у мишарей же данный проступок квалифицировался в качестве незначительного «правонарушения», признаков преступления не носил и рассматривался в рамках гражданского судопроизводства.

Различные подходы исследованных этносов к процессуальным средствам доказывания, таким как «божба», «грех пополам», «жеребий», также свидетельствуют о существовавших различиях в самобытных взглядах на правосудие. Так, при анализе решений волостных судов не было зафиксировано ни одного случая обращения татар-мишарей к «божбе». В свою очередь у крестьян из мордвы и русских клятвенная присяга нередко применялась как перед началом, так и в ходе судебных заседаний. Отличия же между ними основывались на религии и дорелигиозных верованиях данных народов. Русские крестьяне, давая клятву, обращались к молитвам православной церкви, мордва же в ряде случаев проводила молебны «по собственной вере – по шерти».

Таким образом, у русских, мордвы и татар, проживавших на исследуемой территории, существовал целый ряд юридических обычаев, четко регламентировавших механизм заключения брачного союза и отношение супругов к совместному имуществу, наследования кровными детьми, принятыми пасынками и падчерицами, вдовами, раздела имущества, установления опеки, процедуру сбора доказательств в ходе судебных заседаний. Порядок применения данных обычаев ложился в основу деятельности волостного суда, причем сами судьи, отдавая предпочтение крестьянскому праву, приписывали ему качества более «справедливого» источника права в сравнении с позитивными нормами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всей дореволюционной истории российской государственности крестьяне занимали особое место среди сословий, проживавших в Российской империи. Основой крестьянской жизни выступала община, представлявшая собой объединение крестьян, проживавших в одном или нескольких соседних селениях, совместно разрешавших многие бытовые, сельскохозяйственные, социальные и другие вопросы. Община являлась источником, толкователем и гарантом обычного права, формировала народное правосознание. В рамках обычного права крестьян складывались уникальные подходы к возникновению, изменению и прекращению правоотношений, реализовывались традиционные формы социального контроля. Общинными организационно-правовыми органами, в том числе реализовывавшими судебную функцию, являлись сельские сходы, суды старейшин, соседей. С 1861 г. официальным органом правосудия для крестьян стал волостной суд.

Вследствие полной зависимости крестьян от помещичьей власти в их сознании сформировалось мнение о безграничных полномочиях государственных должностных лиц – «начальников» при разрешении разного рода частных и публичных вопросов, которые, по мнению крестьян, могли переступить через закон и «сделать все, если пожелают», для урегулирования спора⁵⁴⁹. В этой связи крестьяне относились с пренебрежением к нормам позитивного права и нередко отрицали их. С 1861 г. роль правового воспитателя отводилась волостному суду, причем законодатель, по нашему мнению, умышленно закрепил нормы, определявшие выбор волостных судей из лиц крестьянского сословия, так как для сельского жителя олицетворением закона могло стать «живое лицо, в котором он видел свою защиту и своего судью», такого же крестьянина, как и он сам⁵⁵⁰. Впервые крестьяне наделялись правом обращения в судебные инстанции для разрешения возникавших споров, в первую очередь в сфере земельных

⁵⁴⁹См.: Н. В. Крестьянские волостные суды // Рус. вестн. М., 1862. Т. 41. С. 365.

⁵⁵⁰Там же.

правоотношений, что явилось важным шагом на пути уравнивания сельских жителей с иными сословиями перед судом и законом.

На протяжении периода существования волостной юстиции с 1861 по 1917 г. ее деятельность подвергалась разного рода критике. Основой организации волостного суда служило сословное начало. Сельским обывателям, формально обладавшим общегражданскими правами, приходилось защищать свои интересы в судебном органе, применявшем «особое крестьянское право», а не закон, что отражало фактическую обособленность крестьянского сословия от лиц других состояний⁵⁵¹. Защитники же организационно-правовых основ деятельности волостных судов утверждали, что признак сословности носит временный характер и с развитием правосознания сельского населения, установлением понятий об ответственности за совершаемое зло, «привитием к жизни действительного самоуправления» сословный суд «умрет сам собой», а его место займет общий для всех состояний институт правосудия⁵⁵².

Негативной стороной волостного судоустройства и судопроизводства стало учреждение законодателем в 1889 г. института, контролирующего деятельность суда, земского участкового начальника. Волостной суд терял в связи с этим независимость от влияния исполнительной власти, так как земский начальник по своему статусу должен был быть дворянином, а в своей деятельности напрямую подчиняться губернскому присутствию, т.е. органу государственной власти. Формально нормы «Временных правил...» четко определяли пределы полномочий начальника в отношениях с волостным судом, фактически же его власть была безграничной. Он назначал судей, волостного писаря, устанавливал порядок проведения судебных заседаний, а нередко «предписывал суду решить дело в известном смысле»⁵⁵³. Между тем на фоне ликвидации института мировой юстиции полномочия волостных судов были расширены, нормативному закреплению подлежали положения об обжаловании судебных решений волостного суда. Крестьяне при вынесении неправосудных судебных актов

⁵⁵¹См.: Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. С. 57.

⁵⁵²См.: Зарудный М. И. Указ. соч. С. 220–221.

⁵⁵³Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. С. 68.

повсеместно обращались в апелляционные инстанции, что создавало позитивную динамику укрепления правосознания сельских обывателей.

Преобразования политической системы Российской империи в начале XX в. не могли не затронуть изменения организационно-правовых основ деятельности существовавших судебных инстанций, в том числе волостных. Законодателем была предпринята попытка объединения сословного суда с иными органами правосудия, путем выведения волостной юстиции из-под надзора земских начальников в ведение мировых съездов, способствующая упорядочиванию всей системы волостного судопроизводства, однако не получившая должного развития в силу революционных событий 1917 г.

Волостная юстиция, располагавшаяся на территории земель Мордовии в исследуемый период, базировалась на действовавшем имперском законодательстве, регламентировавшем порядок отправления правосудия сословными судебными инстанциями. Крестьяне, проживавшие на исследуемой территории, с древнейших времен занимались земледелием, в силу чего объектом споров, в большей части, выступал земельный надел и связанные с ними орудия труда и рабочий скот, о чем повествуют, сохранившееся в архивных документах немалое количество свидетельств о спорах сельских жителей из-за них. С 1861 г. крестьяне знали и применяли различные виды соглашений о купле-продаже, аренде, залоге земли, в связи с чем подавляющее большинство дел в волостных судах касалось самовольных захватов земельных участков, отказов в выплате арендных платежей, податей, сумм займов. Тяжелое финансовое положение сельских обывателей вынуждало их бережнее относиться к движимому имуществу, связанному с обработкой земли, включая рабочий скот. Их кража, умышленная порча, потрава вызывали конфликты между односельчанами, требующими рассмотрения волостным судом.

Преобразования организационно-правовых основ деятельности волостной юстиции в 1889 г., 1912 г., часть из которых послужила расширению его компетенции, склоняла крестьян при разрешении споров чаще обращаться в официальные органы правосудия в сравнении с иными формами крестьянских

судилищ. Хотя правосознание и правовая грамотность сельских жителей оставались на достаточно низком уровне, в судебных тяжбах распространение получали письменные доказательства – расписки, договоры, соглашения и иные, способствующие краткосрочному рассмотрению дел, поскольку степень доверия им была выше, чем устным показаниям сторон.

Нормативное закрепление в имперском законодательстве требований о применении юридических обычаев в качестве источника права в деятельности волостного суда наряду с позитивным правом признается обоснованным, поскольку формы владения земельными участками, являвшимися основным источником дохода и ценностью крестьян, и, в связи с чем, основными объектами их споров, базировались на патриархальных началах быта деревенской семьи⁵⁵⁴, уклада жизни того или иного этноса. Учитывая соседское проживание исследуемых народов, особое влияние на формирование у них отношения к судебным инстанциям, в том числе волостному суду оказало взаимное перенятие обычаев одним у других, к примеру, в сфере заключения и расторжения брака, где они не редко были тождественны. Юридические обычаи, применявшиеся волостными судами при рассмотрении споров отражали как религиозные, так и языческие воззрения крестьян, причем безусловное следование им гарантировало, по мнению сельчан, вынесение справедливого решения.

⁵⁵⁴См.: Н. В. Крестьянские волостные суды / Н. В. // Русский вестник. М., 1862. Т. 41. С. 368.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2015) // СЗ РФ. – 1997. - № 2. – ст. 198.
2. О возложении на комиссию для подробного обсуждения вопроса о волостных судах и исследования положения сих судов : Сенатский указ от 16 дек. 1871 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1874. – Т. XLVI. – С. 770–771.
3. О волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках : Временные правила от 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1891. – Т. IX. – С. 528–535.
4. О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта : Манифест от 19 февр. 1861 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1863. – Т. XXXVI. – С. 128–134.
5. О земских участковых начальниках : Положение от 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1891. – Т. IX. – С. 510–524.
6. О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости : Общее положение от 19 февр. 1861 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1863. – Т. XXXVI. – С. 141–169.
7. О наказаниях, налагаемых мировыми судьями : Устав от 20 нояб. 1864 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1867. – Т. XXXIX. – С. 401–418.
8. О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : Декрет от 30 нояб. 1918 г. // СУиР РИКП. – М., 1942. – № 85. – С. 1195–1204.
9. О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных : Сенатский указ от 17 апр. 1863 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1866. – Т. XXXVIII. – С. 352–353.
10. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка : Сенатский указ от 12 дек. 1904 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1907. – Т. XXIV. – С. 1196–1198.

11. О прекращении войны : Манифест от 19 марта 1856 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1857 г. – Т. XXXI. – С. 131–132.
12. О преобразовании местного суда : Закон от 15 июня 1912 // ПСЗ РИ – СПб., 1915. – Т. XXXII. – С. 662–705.
13. О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Российской империи : Сенатский указ от 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1891. – Т. IX. – С. 507–508.
14. О суде : декрет от 22 нояб. 1917 г. // СУиР РИКП. – М., 1942. – № 4. – С. 41–43.
15. О суде : декрет № 2 от 20 февр. 1918 г. // СУиР РИКП. – М., 1942. – № 26. – С. 363–368.
16. О суде : декрет № 3 от 20 июля 1918 г. // СУиР РИКП. – М., 1942. – № 52. – С. 687–688.
17. О том, какими правилами должны руководствоваться волостные суды, старшины и старосты при отправлении своих обязанностей : Положение от 27 июля 1861 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1863. – Т. XXXVI. – С. 201–202.
18. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» : Постановление Правительства РФ 20 авг. 2013 г. // СЗ РФ. – М., 2013. – № 35. – С. 9749–9780.
19. О юго-западном отделе Императорского Русского географического общества : Положение от 10 нояб. 1872 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1875. – Т. XLVII. – С. 948–949.
20. Об определении в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках, размера денежного вознаграждения волостного старшины, волостного писаря, помощника волостного писаря и сельского старосты : Мнение Гос. Совета от 1 нояб. 1893 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1897. – Т. XIII. – С. 590.

21. Об освобождении, в некоторых случаях, от телесного наказания крестьянок и дворовых женского пола, вышедших из крепостной зависимости : Положение от 6 авг. 1861 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1863. – Т. XXXVI. – С. 228.

22. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний : Сенатский указ от 5 окт. 1906 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1909. – Т. XXVI. – С. 891–893.

23. Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения : Манифест от 3 нояб. 1905 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1908. – Т. XXV. – С. 790.

24. Об уничтожении сословий и гражданских чинов : декрет от 12 нояб. 1917 г. // СУиР РИКП. – М., 1942. – № 3. – С. 26.

25. Об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение : Правила от 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1891. – Т. IX. – С. 524–528.

26. Об учреждении особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности : Повеление от 22 янв. 1902 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1904. – Т. XXII. – С. 43.

27. Об учреждении редакционных комиссий для составления проекта общего положения об устройстве быта помещичьих крестьян : Сенатский указ от 30 марта 1859 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1861. – Т. XXXIV. – С. 248–249.

28. По вопросу о подсудности дел о краже или мошенничестве, учиненных после двукратного наказания за такое же преступное деяние по решениям волостных судов : Мнение Гос. Совета от 15 апр. 1896 г. // ПСЗ РИ. – СПб., 1899. – Т. XVI. – С. 276–277.

29. Свод законов Российской империи. Изд. неофиц. : в 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. – СПб. : Рус. кн. товарищество «Деятель». – 1912. – Кн. 1. – 1639 с.; Кн. 2. – 1795 с.; Кн. 3. – 1523 с.; Кн. 4. – 1908 с.; Кн. 5. – 1647 с.

Монографии и учебная литература

1. Азаревич Д. Судоустройство и судопроизводство по гражданским делам (унив. курс) : в 3 т. / Д. Азаревич. – Варшава : Тип. Марии Земкевич, 1891. – Т. 1. – 107 с.
2. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России (XVIII – начало XIX в.) / В. А. Александров. – М. : Наука, 1984. – 253 с.
3. Аничков И. Мировой суд и преобразование низших судов / И. Аничков. – СПб. : Изд. юрид. кн. магазина Н. Н. Мартынова, 1907. – 95 с.
4. Арефа Н. И. Правила об устройстве судебной части, о производстве судебных дел в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках (с включением статей по продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг., а также сенатских и министерских разъяснений и с приложением «Временных правил о волостном суде») / Н. И. Арефа. – СПб. : Кн. дело, 1912. – 296 с.
5. Базанов И. А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям / И. А. Базанов. – Томск : 1-я типолитография П. И. Макушкина, 1902. – 34 с.
6. Баринов В. В. Организация и деятельность волостных судов на территории Республики Мордовия в конце XIX – начале XX века / В. В. Баринов. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 148 с.
7. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В. Б. Безгин. – Тамбов : Изд-во Тамб. техн. ун-та, 2004. – 304 с.
8. Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века / В. Б. Безгин. – Тамбов : Тамб. техн. ун-т, 2012. – 124 с.
9. Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии / П. Березанский. – Киев : Унив. тип., 1880. – 244 с.
10. Беэр В. А. Инструкция волостным судам, преобразованным по закону 12 июля 1889 года (ст. 87 Пол. зем. нач.) / В. А. Беэр. – Орел : Тип. губерн. правления, 1896. – 156 с.

11. Безр В. А. Комментарий новых провинциальных учреждений 12 июля 1889 года (составлен применительно к решениям 2-го и других департаментов Правительствующего Сената и циркуляров министерств внутренних дел и юстиции) / В. А. Безр. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1894. – 650 с.
12. Безр В. А. Сборник разъяснений Правительствующего Сената, министерств внутренних дел и юстиции и всех позднейших узаконений и распоряжений Правительства, касающихся деятельности провинциальных учреждений 12 июля 1889 года / В. А. Безр. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1896. – 650 с.
13. Боровиковский А. Отчет судьи : в 3 т. / А. Боровиковский. – СПб. : Тип. газ. «Правда», 1909. – Т. 2. – 348 с.; Т. 3. – 169 с.
14. Бржеский Н. Очерки юридического быта крестьян / Н. Бржеский. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1902. – 185 с.
15. Букин С. М. Национальная государственность мордовского края. История становления и развития (X–XX вв.) / С. М. Букин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 383 с.
16. Бытовая культура мордвы / Н. Ф. Мокшин [и др.]. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. – 144 с.
17. Васильев А. А. Закон о преобразовании местного суда 15 июня 1912 г. / А. А. Васильев. – СПб. : Изд. юрид. кн. магазина В. П. Анисимова, 1913. – 249 с.
18. Васильев Т. В. Мордовия (изд. 1931 г.) / Т. В. Васильев. – Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007. – 189 с.
19. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. – М. : Изд. бр. Башмаковых, 1914. – 572 с.
20. Верещагин А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты) / А. Н. Верещагин. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 192 с.
21. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 816 с.

22. Гераклитов А. Материалы по истории мордвы : Сборник выписок из печатных источников / А. Гераклитов. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – 125 с.
23. Герье В. Вторая государственная дума / В. Герье. – СПб. : Печатня С. П. Яковлева, 1907. – 379 с.
24. Герье В. Значение третьей Думы в истории России / В. Герье. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1912. – Ч.1. – 98 с.
25. Гессен В. М. Вопросы местного управления / В. М. Гессен. – СПб. : Изд. юрид. кн. склада Право, 1904. – 242 с.
26. Головин К. Наше местное управление и местное представительство / К. Головин. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. – 158 с.
27. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А. Х. Гольмстен. – 5-е изд., испр. и доп. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1913. – 411 с.
28. Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империи : из лекций по русскому государственному и административному праву / В. М. Грибовский. – Одесса : Тип. Техник, 1912. – 268 с.
29. Гуляев А. М. Вопросы частного права в проектах законоположений о крестьянах / А. М. Гуляев. – Киев : Тип. И. Н. Кушнерев и к., 1904. – 274 с.
30. Давыдов Н. В. Судебная реформа : в 2 т. / Н. В. Давыдов, Н. Н. Полянский. – М. : Объединение, 1915. – Т. 1. – 380 с.; Т. 2. – 309 с.
31. Даневский В. По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства / В. Даневский. – М. : Тип. И. Н. Кушнерев и к., 1896. – 68 с.
32. Данилов И. Г. Положения о сельском состоянии : в 4 ч. / И. Г. Данилов. – СПб. : Тип. В. В. Комарова, 1899. – Ч. 1. – 370 с.
33. Джаншиев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян / Г. А. Джаншиев. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1894. – 48 с.
34. Джаншиев Г. А. Сборник статей / Г. А. Джаншиев. – М. : Тип. Рябушинских, 1914. – 519 с.

35. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Исторические справки / Г. А. Джаншиев. – М. : Тип. И. Н. Кушнерев и к., 1900. – 820 с.
36. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях / Ф. М. Дмитриев. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1899. – 591 с.
37. Духовский М. В. Имущественные проступки по решениям волостных судов / М. В. Духовский. – М. : Тип. М. П. Щепкина, 1891. – 378 с.
38. Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н. Л. Дювернуа. – М. : Унив. тип., 1869. – 413 с.
39. Евсевьев М. Мордовская свадьба / М. Евсевьев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. – 266 с.
40. Завадский А. В. О проекте министра юстиции о преобразовании местного суда / А. В. Завадский. – Казань : Тип. Императ. ун-та., 1908. – 25 с.
41. Завадский А. В. Об изменениях, внесенных Комиссией по судебным реформам Государственной Думы в проект министра юстиции о преобразовании местного суда / А. В. Завадский. – Казань : Тип. Императ. ун-та., 1909. – 23 с.
42. Загоровский А. И. Курс семейного права / А. И. Загоровский. – Одесса : «Экономическая» тип., 1909. – 574 с.
43. Загоскин Н. П. Наука истории русского права, ее вспомогательные знания, источники и литература / Н. П. Загоскин. – Казань : Тип. Н. А. Ильяшенко, 1891. – 530 с.
44. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – М. : Просвещение, 1968. – 368 с.
45. Закиев М. З. Татары: проблемы истории и языка / М. З. Закиев. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – 464 с.
46. Зарудный М. И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов / М. И. Зарудный. – СПб. : Тип. Второго отд-ния собств. Е и В канцелярии, 1874. – 224 с.

47. Змирлов К. П. Учреждение судебных установлений, измененное и дополненное законом о преобразовании местного суда (Собр. узаконений 1912 г. № 118), с законодательными мотивами, разъяснениями Сената и алфавитным предметным указателем / К. П. Змирлов. – СПб. : Изд. кн. юрид. склада Право, 1913. – 485 с.
48. Исаев И. А. История государства и права России / И. А. Исаев. – М. : Юристъ, 2004. – 797 с.
49. История Мордовии от эпохи великих реформ до великой Российской революции / Н. М. Арсентьев, В. А. Юрченков [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – 412 с.
50. История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней / А. В. Клеянкин, Е. Д. Черменский. – Саранск : Мордов. ун-т, 1979. – 413 с.
51. Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.) / Д. М. Исхаков. – Казань : МастерЛайн, 1998. – 276 с.
52. Каминка А. И. Вторая Государственная Дума / А. И. Каминка, В. Д. Набоков. – СПб. : Тип. «Общественная польза», 1907. – 308 с.
53. Корнилов А. А. Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля / А. А. Корнилов // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. – М. : Изд. И. Д. Сытина, 1911. – Т. 6. – С. 139.
54. Корф С. А. Административная юстиция в России : в 3 кн. / С. А. Корф. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1910. – Кн. 1. – 528 с.; Кн. 2. – 388 с.; Кн. 3. – 507 с.
55. Корф С. А. Русское государственное право / С. А. Корф. – М. : Скоропечатня А. А. Левенсона, 1915. – 315 с.
56. Крестьянская семья и семейная собственность в Архангельской губернии / Арханг. о-во изучения рус. севера. – Архангельск : Губерн. правление, 1912. – 83 с.

57. Лавров М. Н. Закон о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 года / М. Н. Лавров. – М. : Тип. Е. Г. Потапова, 1890. – 275 с.
58. Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян / А. А. Леонтьев. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1895. – 140 с.
59. Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах / А. А. Леонтьев. – СПб. : Юрид. кн. магазин И. И. Зубкова, 1914. – 364 с.
60. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы (изд. 1885 г.) / В. Н. Майнов. – Саранск : НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007. – 293 с.
61. Мельников П. И. Очерки мордвы / П. И. Мельников. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. – 133 с.
62. Мишанин Ю. А. Этнокультура мордвы в журналистике России XIX – начала XX века / Ю. А. Мишанин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2001. – 168 с.
63. Мокшина Ю. Н. Брак и семья в обычном праве мордвы / Ю. Н. Мокшина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2005. – 256 с.
64. Мордухай-Болтовский И. Д. Закон 6 апреля 1915 года «Об отсрочке и рассрочке исполнения обязательств и судебных решений» / И. Д. Мордухай-Болтовский. – Петроград : Сенат. тип., 1915. – 80 с.
65. Муравьев Н. В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники / Н. В. Муравьев. – СПб. : Сенат. тип., 1901. – 161 с.
66. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари / Р. Г. Мухамедова. – М. : Наука, 1972. – 247 с.
67. Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению) / В. Ф. Мухин. – СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1888. – 331 с.

68. Никонов С. П. Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда / С. П. Никонов, Е. И. Якушкин. – Ярославль : Тип. губерн. правления, 1902. – 217 с.
69. Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 2 т. – СПб. : Тип. АО «Слово», 1904. – Т. 1. – 439 с.; Т. 2. – 656 с.
70. Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному / И. Г. Оршанский. – СПб. : Тип. А. Е. Ландау, 1879. – 453 с.
71. Основы законоведения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права / И. А. Ильина, В. М. Устинова [и др.]. – Пг. : товарищество В. В. Думнов, 1915. – 416 с.
72. Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос / А. Д. Пазухин. – М. : Унив. тип., 1886. – 63 с.
73. Пахарнаев А. И. Закон, обычай и волостной суд (руководство для крестьян) / А. И. Пахарнаев. – Пермь : Тип. губерн. правления, 1894. – 75 с.
74. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки) : в 2 т. / С. В. Пахман. – СПб. : Тип. Второго отд-ния собств. Е и В. канцелярии, 1877. – Т. 1. – 463 с.; 1879. – Т. 2. – 410 с.
75. Сперанский М. М. План государственного преобразования (введение к уложению государственных законов 1809 г.) / М. М. Сперанский. – М. : Тип. И. Н. Кушнерев и к., 1905. – 363 с.
76. Победоносцев К. П. Курс гражданского права : в 3 ч. / К. П. Победоносцев. – СПб. : Синод. тип., 1896. – Ч. 1. – 767 с.; Ч. 2. – 688 с.; Ч. 3. – 755 с.
77. Поворинский А. Ф. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству : в 2 т. / А. Ф. Поворинский. – СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1896. – Т. 1. – 861 с.; Т. 2. – 513 с.

78. Познышев С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания (курс, составленный по лекциям) / С. В. Познышев. – М. : Тип. Рус. товарищества печ. и изд. дела, 1908. – 181 с.
79. Пушкарёв С. Г. Россия в XIX веке (1801–1914) / С. Г. Пушкарёв. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956. – 487 с.
80. Риттих А. А. Крестьянский правопорядок / А. А. Риттих. – СПб. : Тип. В. Ф. Кришбаума, 1904. – 447 с.
81. Риттих А. А. Крестьянское землепользование / А. А. Риттих. – СПб. : Тип. В. Ф. Кришбаума, 1903. – 126 с.
82. Савич Г. Г. Новый государственный строй России / Г. Г. Савич. – СПб. : Тип. АО «Брокгауз–Ефрон», 1907. – 601 с.
83. Самоквасов Д. Я. История русского права / Д. Я. Самоквасов. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1899. – 167 с.
84. Сенюткин С. Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX в. (историческая судьба мишарей Нижегородского края) / С. Б. Сенюткин. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2001. – 416 с.
85. Словарь юридических определений. Составлен по курсам, принятым в С.-Петербур. ун-те. – СПб. : Тип. «Екатерингофское печатное дело», 1910. – 73 с.
86. Соловьев Е. Т. Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья / Е. Т. Соловьев // Сборник народных юридических обычаев. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. – Т. 2. – С. 275–300.
87. Страховский И. Крестьянские права и учреждения / И. Страховский. – СПб. : Изд. товарищества «Общественная польза», 1903. – 254 с.
88. Судебная реформа 1864 года: история и современность : материалы Всерос. научн.-практ. Конф. (Саранск, 27 нояб. 2014 г.). – Саранск: [б. и.], 2014.
89. Сушкова Ю. Н. Жизнь в борьбе / Ю. Н. Сушкова, В. Н. Мартышкин. – Саранск : Тип. «Красный октябрь», 2013. – 200 с.
90. Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы / Ю. Н. Сушкова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 576 с.

91. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л. И. Итина и к., 1907. – 192 с.
92. Тихонов Е. И. Волостной суд и мировой судья в крестьянских селениях / Е. И. Тихонов. – Ковно : Губерн. тип., 1872. – 165 с.
93. Товстолес Н. Н. Учреждение судебных установлений (Св. зак. т. XVI ч. 1, изд. 1914 г.) / Н. Н. Товстолес. – Пг. : Изд. юрид. кн. магазин И. И. Зубкова, 1916. – 930 с.
94. Томсинов В. А. Подготовка крестьянской реформы 1861 года в России / В. А. Томсинов // Крестьянская реформа 1861 года в России. – М. : Зерцало, 2012. – С. XV–XCVIII. – (Сер. Великие реформы).
95. Тютрюмов И. М. Общее положение о крестьянах с разъяснениями Правительствующего Сената по 20 ноября 1914 года / И. М. Тютрюмов. – Пг. : Тип. И. И. Зубкова, 1915. – 1248 с.
96. Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала / Р. К. Уразманова. – Казань : Дом печати, 2001. – 197 с.
97. Федоров В. А. История России. 1861–1917 / В. А. Федоров. – М. : Высш. Шк., 2000. – 384 с.
98. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1912. – Т. 1. – 566 с.; Сенат. тип., 1910. – Т. 2. – 572 с.
99. Чулков И. Волостной суд по Общему положению 19 февраля 1861 года, с изменениями и дополнениями по Общ. Своду Зак. с прод. 1876–1881 гг. и с разъяснениями / И. Чулков. – М. : Изд. Л. О. Снегирева, 1884. – 43 с.
100. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд. бр. Башмаковых, 1911. – 858 с.
101. Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков / Т. М. Яблочков. – Ярославль : Тип. губерн. правления, 1911. – Т. 2. – 600 с.

Диссертации, авторефераты диссертаций

1. Аббас Али Хассон. Семейная обрядность татар-мишарей мордовского края в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Али Хассон Аббас. – Саранск, 2007. – 22 с.
2. Агафонова Е. А. Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Агафонова. – Ростов-на-Дону, 2009. – 23 с.
3. Алборова А. Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Алборова. – Н. Новгород, 2007. – 29 с.
4. Ерин П. В. Сельское правосудие и местное самоуправление русских крестьян в конце XIX – начале XX века (на материалах Тамбовской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / П. В. Ерин. – Воронеж, 2013. – 22 с.
5. Земцов Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.) : дис. ... д-ра ист. наук / Л. И. Земцов. – Липецк, 2004. – 218 с.
6. Кирилин А. В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Кирилин. – М., 2005. – 23 с.
7. Коновалова А. С. Обычное право в российской правовой жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Коновалова. – М., 2005. – 23 с.
8. Ломакина И. Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. Б. Ломакина. – СПб., 2005. – 43 с.
9. Небрятенко Г. Г. Обычно-правовая система традиционного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. Г. Небрятенко. – Махачкала, 2011. – 54 с.
10. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук / М. В. Немытина. – М., 1999. – 403 с.
11. Свечникова Л. Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Г. Свечникова. – М., 2004. – 34 с.

12. Скуратова И. Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Скуратова. – Владимир, 2007. – 40 с.

13. Спицина О. В. Обычное право русского населения Мордовии: историко-этнографический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Спицина. – Чебоксары, 2011. – 22 с.

14. Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю. Н. Сушкова. – Чебоксары, 2009. – 47 с.

15. Тарабанова Т. А. Волостной суд в России в первое пореформенное десятилетие : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Тарабанова. – М., 1993. – 24 с.

16. Терентьев Р. В. Реформа местного суда в России в начале XX в. (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / Р. В. Терентьев. – СПб., 2005. – 206 с.

17. Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т. В. Шатковская. – Ростов н/Д., 2009. – 59 с.

Статьи в периодических изданиях

1. Авдеева О. А. Волостной суд в системе органов общественного управления и суда начала XX в. / О. А. Авдеева // История государства и права. – 2006. – № 7. – С. 24–26.

2. Анфалов А. А. Влияние судебной реформы 1864 года на модернизацию российского общества второй половины XIX – начала XX веков / А. А. Анфалов, А. Л. Худобородов // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2013. – № 1. – С. 8–10.

3. Барщевский М. Судя по всему : Интервью с В. М. Лебедевым «Не гражданин, а чиновник должен доказать в суде свою правоту» / М. Барщевский // Рос. газ. – 2013. – № 6011. – С. 1.
4. Башмаков А. Чагин. Правила об устройстве судебной части и о производстве судебных дел в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках и временные правила о волостном суде / А. Башмаков // Журн. юрид. о-ва при Императ. ун-те. – 1897. – Кн. 6. – С. 27–28.
5. Безгин В. Б. Волостные суды России: компетенция, состав, практика / В. Б. Безгин // Рос. судья. – 2009. – № 9. – С. 40–43.
6. Безгин В. Б. Нормы обычного права в крестьянском землепользовании / В. Б. Безгин // Соврем. право. – 2009. – № 12. – С. 152–156.
7. Безгин В. Б. Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX – начало XX в.) / В. Б. Безгин // История государства и права. – 2009. – № 12. – С. 22–24.
8. Бурбанк Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России / Дж. Бурбанк // Изв. вузов. Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 188–196.
9. Викторский С. И. Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой и Высочайше утвержденный Закон 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда» / С. И. Викторский // Вопр. права. Журн. науч. юриспруденции. – 1912. – Кн. XI (3). – С. 205–206.
10. Ворошилова С. В. Женщины в крестьянском суде: правовые обычаи русской деревни / С. В. Ворошилова // Правовые традиции. Материалы Международной научной конференции «Жидковские чтения». Москва 29-30 марта 2013 г. – 2014. – С. 260–267.
11. Ворошилова С. В. Наследование женщин по закону и по обычаю в России в XIX в. / С. В. Ворошилова // Правовая культура. – 2009. – № 2 (7). – С. 35–45.

12. Ворошилова С. В. Положение женщины в крестьянской семье в дореволюционной России / С. В. Ворошилова // История государства и права. – 2012. – № 3. – С. 14–17.
13. Ворошилова С. В. Порядок наследования женщин по обычаям русской деревни XIX в. / С. В. Ворошилова // Право. Законодательство. Личность. – 2009. – № 3 (7). – С. 47–59.
14. Ворошилова С. В. Правовое положение женщин в XIX в. по обычаям русской деревни (тезисы к круглому столу) / С. В. Ворошилова // Право. Законодательство. Личность. – 2010. – № 2 (9). – С. 138–142.
15. Временник Демидовского юридического лица. – Ярославль : Тип. губерн. правления. – 1911. – Кн. 104. – 600 с.
16. Глушаченко С. Б. Волостные суды в Башкирии / С. Б. Глушаченко, У. И. Гибадатов // История государства и права. – 2009. – № 8. – С. 14–17.
17. Горская Н. Парадоксы крестьянской юстиции. Волостные суды против мировых / Н. Горская // Родина. – 2009. – № 6. – С. 105–106.
18. Гребенщиков М. Григорий Бразол об упразднении волостных и сельских судов / М. Гребенщиков // Журн. гражд. и угол. права. – 1886. – Кн. 6. – С. 147–155.
19. Калачов Н. В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России. Ст. первая / Н. В. Калачов // Сборник государственных знаний. – СПб. : Тип. В. Безобразова и к. – 1880. – Т. 8. – С. 128–149.
20. Н. В. Крестьянские волостные суды / Н. В. // Русский вестник. – М. : Тип. Каткова и к. – 1862. – Т. 41. – С. 357–371.
21. Оршанский И. Народный суд и народное право (по поводу вопроса о преобразовании волостных судов) / И. Оршанский // Журн. гражд. и угол. права. – 1875. – Кн. 5. – С. 1–71.
22. О характере государственного строя в России (из записок С. Е. Крыжановского 1926 г.). // Вопр. истории. – 2006. – № 6. – С. 3–25.
23. Сыромятникова Н. В. Политика царского правительства по отношению к крестьянской общине во второй половине XIX – начале XX в. /

Н. В. Сыромятникова // Актуал. проблемы соврем. науки. – 2008. – № 2. – С. 20–22.

24. Чепурной К. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции Тамбовской губернии / К. Чепурной // Унив. известия. – 1874. – № 9–11. – С. 498–714.

25. Чихачев К. Я. Споры о надельной земле и дела по наследованию в волостных судах / К. Я. Чихачев // Журн. М-ва юстиции. – 1904. – № 6. – С. 76–107.

26. Чуканов И. А. Волостные суды как правовые регуляторы крестьянского самоуправления в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX в. / И. А. Чуканов, С. Т. Артемова, А. А. Гущеваров // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 1. – С. 133–139.

Архивные материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия

1. Гражданское дело о споре из-за земли крестьян сельского общества села Кишал Стрельниковской волости Темниковского уезда с крестьянином того же села Кашуркным Семеном Николаевичем и крестьянином деревни Духонькиной Атюрьевской волости Темниковского уезда Кабаевым Семеном Васильевичем // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1. – 55 л.

2. Гражданское дело о земельном споре крестьянина деревни Караевой Стрелецкой волости Темниковского уезда Хаирова – Позднякова Изятуллы Абдуллоевича с крестьянкой той же деревни Шамшетдиновой – Поздняковой Биби Шарифовной // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2. – 89 л.

3. Гражданское дело об изъятии у крестьян села Чермных Черменской волости Темниовского уезда Дмитриевых и Завьяловых земельного участка на 3 души в пользу крестьян того же села Галактионовых // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3. – 83 л.

4. Гражданское дело об отобрании 7 десятин пахотной и луговой земли у крестьянина деревни Тювевой Стрелецкой волости Темниковского уезда Исаева

Рамазана Салеховича и передаче этой земли крестьянке той же деревни Исаевой Марьяне Абдул-Халековне, как принадлежащей ей // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5. – 28 л.

5. Гражданское дело об отобрании наделной и усадебной земли, принадлежащей крестьянам деревни Варнаевой Вознесенской волости Темниковского уезда Лесковым Ивану Михайловичу и Василию Михайловичу, у крестьян той же деревни Веденькиных Сергея Семеновича и Петра Федоровича, самовольно ими захваченной, и передаче ее законным владельцам Лесковым // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8. – 87 л.

6. Гражданское дело о сносе построек крестьянином деревни Мордовских Новоселок Теньгушевской волости Темниковского уезда Клочковым Иваном Ефимовичем с усадьбы крестьянина той же деревни Сафронова Козьмы Ивановича и об уплате им Сафронову 15 рублей убытков за незаконное возведение построек на его усадьбе // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11. – 66 л.

7. Гражданское дело по иску земельного общества крестьян села Кочемирова Кочемировской волости Темниковского уезда к крестьянину того же села Селезневу Харлампию Алексеевичу об отобрании у него земли на одну душу // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13. – 20 л.

8. Гражданское дело о споре из-за земли крестьян села Бутакова Бутаковской волости Темниковского уезда Разгильдеевых с крестьянином того же села Сяндюковым Яковом Дмитриевичем // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 21. – 78 л.

9. Гражданское дело о споре из за усадебной земли крестьянки деревни Шигалеевых Починок Бутаковской волости Темниковского уезда Лазаревой Евфилии Петровны с крестьянами той же деревни Плаксиными Антоном Акимовичем и Дарьей Степановной // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 22. – 28 л.

10. Гражданское дело о семейно-имущественном разделе крестьян деревни Поповки Жегаловской волости Темниковского уезда Акашевых // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 29. – 32 л.

11. Гражданское дело о споре крестьянина деревни Каляевой Стандровской волости Темниковского уезда Десинова Даниила Федоровича со

своим отцом, крестьянином этой же деревни, Десиновым Федором Панкратовичем из-за одного душевого пая наделной земли // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 31. – 25 л.

12. Гражданское дело по иску крестьянина деревни Кафтейки Бедишевской волости Темниковского уезда Киткова Егора Григорьева к крестьянину той же деревни Овчинникову Григорию Максимовичу об отобрании из его владения в пользу истца усадьбы и о сносе с нее построек, принадлежащих Овчинникову // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 37. – 23 л.

13. Гражданское дело о разделе земли между крестьянами села Княжева Теньгушевской волости Темниковского уезда Мансыревыми Гельджамяли Абдурахмановной и Хабибуллой Абдильмяновичем с одной стороны и Мансыревым Фейзуллой Искандяровичем с другой стороны // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 42. – 79 л.

14. Гражданское дело о споре из-за земли крестьян деревни Нижний Пишляй Стрельниковской волости Темниковского уезда Вергасовых, Салеховых и других с крестьянами села Стрельникова той же волости Кузьевыми // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 43. – 57 л.

15. Гражданское дело об изъятии из земельных владений крестьянина села Старого Кадома Преображенской волости Темниковского уезда Комарова Матвея Васильевича земельного участка на 3 души с посеянным на нем озимым хлебом, принадлежащего крестьянину этого же села Анисимову Петру Антоновичу и передаче его законному владельцу // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 44. – 57 л.

16. О споре из-за земли крестьянки деревни Алексеевки Бабеевской волости Темниковского уезда Ермаковой Евдокии Федоровны с крестьянином той же деревни Савиным Иваном Федоровичем // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 48. – 35 л.

17. Гражданское дело о споре из-за усадебной земли крестьян села Широмазова той же волости Темниковского уезда Милованова Александра Степановича и Жичкина Антипа Федоровича // ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 51. – 25 л.

18. Черновые записки Евсевьева М. Е. История, быт, обряды, обычаи мордовского народа // ЦГА РМ. Р. 267. Оп. 1. Д. 251. – 41 л.

19. Материалы по истории мордовского народа (конспекты, газетные статьи и др.) // ЦГА РМ. Р. 267. Оп. 1. Д. 255. – 41 л.

20. Списки волостных судей и кандидатов волостных судей и переписка с Саранским волостным правлением по уезду за деятельностью волостных судов // ЦГА РМ. Р. 398. Оп. 1. Д. 10. – 17 л.

Архивные материалы Государственного архива Пензенской области

1. Административное дело Пензенского губернского присутствия по жалобе крестьянина села Болдова, Инсарского уезда, Василия Андреева Вавилова, о затере Рузаевским волостным судом дела его по иску к мулле д. Татарской Пишли Полякову о земле // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 511. – 46 л.

2. Дело Пензенского губернского присутствия о ревизии земскими начальниками делопроизводства волостных правлений и судов в 1907 году // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 661. – 27 л.

3. Дело Пензенского губернского присутствия по жалобе крестьянина деревни Больших Мордовских Пошат М. Ломакина, по поводу не составления волостным и сельским начальством раздельного приговора с его братом // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 705. – 22 л.

4. Дело по жалобе крестьянина с. Аксела Краснослободского уезда И. Самсонкина по поводу составления подложного решения волостным писарем Чарочкиным и взятии им взятки от крестьянина Зубарева // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 851. – 7 л.

5. Административное дело Пензенского губернского присутствия по жалобе крестьянина д. Шебдас Инсарского уезда, Абрама Романова, на медленность Рузаевского вол. старшины по приведению в исполнение решения волостного суда о взыскании в его пользу с крестьянина Малянова и Макарова денег // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 907. – 16 л.

6. Административное дело Пензенского губернского присутствия по жалобе крестьян с. Самодуровки, Краснослободского уезда, Григория и Александра Вельмакиных, на медленность Покровского вол. старшины по взысканию с крестьянина Мотькина 33 руб. // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 935. – 16 л.

7. Жалоба Кривозерьевского волостного суда на волостного писаря на неисполнение им служебных обязанностей // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 947. – 20 л.

8. Административное дело Пензенского губернского присутствия по представлению Инсарского уездного съезда с делом и жалобой крес. села Николаевки Леонтия и Михаила Демкиных, Демидовых тоже, на постановление уездного съезда о неправильных действиях Старосивильско-Майданского вол. старшины Солдатов по приведению в исполнение решения Старошайговского волостного суда // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. – 23 л.

9. Акты ревизий делопроизводства земских начальников, волостных правлений и низших судов // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1336. – 106 л.

10. Административное дело Пензенского губернского присутствия по жалобе крестьянина села Новой Муравьевки Инсарского уезда, Степана Сергеева Жадеева, о приведении в исполнение решения Болдовского волостного суда о праве на владение усадебной землей // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1481. – 9 л.

11. Административное дело Пензенского губернского присутствия о произведенных в 1910 году земскими начальниками ревизиях волостных правлений и судов // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1791. – 855 л.

12. Дело по жалобе крестьянки Городищенского у., дер. Оськиной, Федосьи Алексеевой Котькиной, на неправильные действия делопроизводителя Панцыревского волостного суда // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1908. – 15 л.

13. Дело по жалобе крестьянина Саранского уезда, деревни Лыковщины, Дмитрия Кузьмина Мельникова, на действия Пятинского волостного суда // ГА ПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2100. – 15 л.

14. Мнения членов комитета и некоторых других дворян в 1858 году // ГА ПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. – 298 л.

15. Пензенский губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян // ГА ПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 4. – 190 л.

16. Бумаги для руководства в 1858–59 году // ГА ПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 5. – 139 л.

Архивные материалы Государственного архива Нижегородской области

1. Дело о ревизии волостных судов и сельских управлений по Лукояновскому уезду // ЦА НО. Ф. 64. Оп. 8. Д. 8460. – 75 л.

2. Об отмене решения Ичалковского волостного суда по жалобе кр-на с. Ичалок Романа Кулясова о неправильном присуждении ко взятию у него коровы в пользу Русяевой // ЦА НО. Ф. 69. Оп. 651. Д. 9. – 9 л.

3. Дело по жалобе кр-на села Канакина Трофима Штукарева на решение Михайловского волостного суда о взыскании с него в пользу Козловых 18 р. и наказании его розгами // ЦА НО. Ф. 69. Оп. 651. Д. 124. – 2 л.

4. Об отмене решения Ичалковского волостного суда по делу о взыскании штрафа 50 к. с крестьянина с. Ичалок Дмитрия Назарова // ЦА НО. Ф. 69. Оп. 651. Д. 21. – 14 л.

5. Дело по жалобе кр-на села Гуляева Дмитрия Машинова на решение Ичалковского волостного суда о неправильном лишении его пользования землею, засеянную озимым хлебом, на одну душу, заложенную ему кр-м Андреем Морозкиным // ЦА НО. Ф. 69. Оп. 651. Д. 196. – 34 л.

6. По прошению крестьянина села Ичалок Григория Максимова Куликова на решение Ичалковского волостного суда о взыскании с него 30 руб. в пользу Ичалковского общества // ЦА НО. Ф. 69. Оп. 651. Д. 1306. – 6 л.

Документальные публикации

1. Труды комиссии по преобразованию волостных судов : в 6 т. – СПб. : Тип. Втор. Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии. – Т. 1. – 1873. – 851 с.; Т. 2. – 1873. –

670 с.; Т. 3. – 1873. – 670 с.; Т. 4. – 1873. – 705 с.; Т. 5. – 1874. – 567 с.; Т. 6. – 1874. – 754 с.

2. Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах : в 6 т. – СПб. : Тип. МВД. – Т. 1. – 1903. – 444 с.; Т. 2. – 1903. – 380 с.; Т. 3. – 1904. – 476 с.; Т. 4. – 1904. – 512 с.; Т. 5. – 1904. – 553 с.; Т. 6. – 1904. – 380 с.

3. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край : в 7 т. – СПб. : Тип. А. Траншея. – Т. 1. – 1872. – 467 с.; Т. 2. – 1878. – 688 с.; Т. 3. – 1872. – 486 с.; Т. 4. – 1877. – 713 с.; Т. 5. – 1874. – 1209 с.; Т. 6. – 1872. – 408 с.; Т. 7. – 1872. – 609 с.